

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (22)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (22)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,

почетный работник общего образования Российской Федерации

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАО

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

доктор экономических наук, профессор, академик РАО

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А.И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Афанасьева О.В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И.А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И.А.

доктор филологических наук, доцент

Вострикова О.В.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е.Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С.А.

доктор филологических наук, профессор

Кирилина А.В.

доктор филологических наук, профессор

Курдюмов В.А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И.И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Радченко О.А.

доктор филологических наук, профессор

(Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г.И.

доктор филологических наук, доцент

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Тарева Е.Г.

доктор педагогических наук, профессор

Федянина В.А.

ответственный секретарь

кандидат исторических наук, доцент

Чупрына О.Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е.С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Романова Г.И.* Немецкая драма в восприятии русского театрала (по «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина)..... 8
- Васильев С.А.* «...Одно из самых светлых и сильных воспоминаний» (образ пасхального богослужения в романе Л.Н. Толстого «Воскресение») 18
- Чеснокова Т.Г., Проккопенкова В.В.* Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур» (часть 1) 25

Русистика. Германистика. Романистика

- Соколов А.И.* Лексикографическое описание терминов в историческом словаре (на материале представления химической терминологии в «Словаре русского языка XVIII века»)..... 32
- Титова О.А.* Роль английских фразеологизмов-антропонимантов в формировании фразеологической картины мира 41
- Чалей О.В.* Комплексное восприятие вкусовых ощущений в художественном дискурсе 49

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Разумовская В.А., Климович Н.В.* Манипуляция при переводе интертекстуальных элементов в художественном тексте 55
- Быстрова Т.А.* Реалии послевоенного времени в романе Энрико Брицци «Лоренцо Пеллегрини и женщины»: трудности перевода..... 64
- Нечаева Н.А.* Языковая картина мира: наивная и научная 70

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Романичева Е.С., Горелкина А.В.* «Возвращенное» сочинение: итоги проверки и «перспективы» оценивания..... 78

<i>Полтавец Е.Ю.</i> О современной концепции экзаменационного сочинения	87
<i>Романова Г.И.</i> Ближе к классике! (Обсуждение «примерной основной образовательной программы по литературе для 10–11 классов» на кафедре русской литературы ИГН)	93

Слово молодым ученым

<i>Лу Вэнья.</i> Поэзия Николая Рубцова в Китае	101
<i>Дроздова М.С.</i> Образы природы в поэтических реминисценциях романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»	108
<i>Зоц И.В.</i> Билингвальные навигационные сообщения в контексте городской среды	114
<i>Новиков Н.В.</i> Коммуникативные особенности цифровой дипломатии в медийном пространстве	120
<i>Коцик К.Э.</i> Концепции топиковых структур в языкознании новейшего времени	125
<i>Астапова Е.О.</i> Поэтический образ «аромата сливы» в японской антологии «Кокинвакасю»	130

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Абрамова М.А.</i> Рецензия на учебное пособие Т.Г. Чесноковой «История мировой литературы (Зарубежная литература Средних веков и Возрождения). Введение. Переход от Античности к Средневековью. Латинская литература раннего Средневековья» (М.: МГПУ, 2015. 236 с.)	136
---	-----

Юбилей

Поздравляем с юбилеем Ольгу Аркадьевну Сулейманову	140
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2016, № 2 (22).....	143
---	------------

Требования к оформлению статей.....	147
--	------------

CONTENTS

Literary Science

- Romanova G.I.* German Drama in the Perception of the Russian Playgoer (after «Letters of a Russian Traveler» by N.M. Karamzin)..... 8
- Vasilyev S.A.* «...One of the Lightest and Strongest Memories» (the Image of the Easter Service in L.N. Tolstoy's Novel «Resurrection») 18
- Chesnokova T.G., Prokopenkova V.V.* The Reception of the Romantic Hero in the First Poetic Translation of G.G. Byron's «The Giaour» (Part 1)..... 25

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Sokolov A.I.* Lexicographic Description of Terms in Historical Dictionary (Based on Representation of Chemical Terminology in «The Dictionary of Russian Language of the XVIII Century»)..... 32
- Titova O.A.* The Role of English Phraseological Units Signifying Individuals in the Formation of a Phraseological Image of the World..... 41
- Chaley O.V.* Complex Perception of Taste Sensations in Literature Discourse 49

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

- Razumovskaya V.A., Klimovich N.V.* Manipulation in Translation of Intertextual Elements in a Literary Text..... 55
- Bystrova T.A.* Post-war Reality Items in Enrico Brizzi's Novel «Lorenzo Pellegrini and Women»: Problems of Translation..... 64
- Nechaeva N.A.* Linguistic View of the World: Naive and Scientific..... 70

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Romanicheva E.S., Gorelkina A.V.* «Returned» Composition: Audit and Assessment «Prospects» 78

<i>Poltavets E. Yu.</i> On the Modern Conception of the Examination Composition.....	87
<i>Romanova G.I.</i> Closer to the Classics! (A Discussion of «An Approximate Basic Literature Syllabus for Grades 10–11» at the Russian Literature Department of the Institute of Humanities).....	93

Young Scientists' Platform

<i>Lu Wenya.</i> Nikolay Rubtsov's Poetry in China	101
<i>Drozdova M.S.</i> Images of Nature in Poetic Reminiscences of the Novel by J. Fowles «The French Lieutenant's Woman».....	108
<i>Zots I.V.</i> Bilingual Navigation Texts in the Context of a City Environment	114
<i>Novikov N.V.</i> Communicative Particularities of Digital Diplomacy in Media.....	120
<i>Kotsik K.E.</i> Conceptions of Topic Structures in Contemporary Linguistics	125
<i>Astapova E.O.</i> The Poetic Image of the «Plum Fragrance» in the Japanese Anthology «Kokinwakashyu»	130

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Abramova M.A.</i> Review of the Study Guide by T.G. Chesnokova «History of World Literature (Foreign Medieval and Renaissance Literature). Introduction. Transfer from Antiquity to Middle Ages. Latin Literature of Early Middle Ages» (M.: MCU, 2015. 236 p.).....	136
---	-----

Anniversary

Our Birthday Greetings to Olga Arkadyevna Sulejmanova	140
---	-----

«MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2016, № 2 (22)	143
--	-----

Style Sheet.....	147
------------------	-----

Г.И. Романова

**Немецкая драма
в восприятии русского театрала
(по «Письмам русского путешественника»
Н.М. Карамзина)**

Констатируя расхождение между мировоззрением автора «Писем русского путешественника» и суждениями его героя-путешественника, автор статьи рассматривает литературно-критические суждения и впечатления героя книги как отражение вкусов российской и зарубежной театральной публики последней трети XVIII в.

Ключевые слова: автор; герой; рецепция; организация речи; буржуазная драма.

«Письма русского путешественника» (1791–1792) Н.М. Карамзина имеют долгую историю изучения, основные методологические итоги которого можно обозначить как признание эстетической значимости сочинения, обладающего особой художественной условностью, утверждение литературного характера произведения, написанного в жанре путешествия, констатацию идеологического «зазора» между мировоззрением автора книги и суждениями его героя-путешественника. Соответственно, высказанные от лица главного героя книги философские, эстетические суждения, а также литературно-критические и театральные впечатления могут быть истолкованы, в первую очередь, как обобщенное представление вкусов и мнений просвещенной публики XVIII в., важный факт истории восприятия драматических произведений этого периода. Подчеркнем существенность последнего замечания: в ряде случаев «Письма русского путешественника» слишком тесно сближались исследователями с авторской публицистикой, литературной и театральной критикой, что вело к полному отождествлению позиции автора и его героя, а критические суждения и оценки путешественника рассматривались как театральная критика самого Н.М. Карамзина. Отзвуки данной точки зрения можно обнаружить и в работах самого последнего времени [7], хотя предостережение об опрометчивости и ошибочности такого шага было сделано еще в XX в. в работах

Г.П. Макогоненко, Ю.М. Лотмана. Ученые указывали и на различие характеров автора и героя («Ни склонности к усиленным размышлениям, ни привычки к постоянному, непрерывному умственному труду — и то и другое составляло характернейшие свойства биографической личности Карамзина! — путешественнику не дано» [6: с. 23]), и на расхождение деталей поездки писателя за границу с их отражением в книге. Факт расхождения позиций автора и героя дает возможность поставить вопрос не только о реальной биографической основе произведения (задача, решенная в цитированной книге Лотмана) и взглядах самого Карамзина, но и об особенностях изображения характера путешественника, в частности, его литературно-критических суждений (вопрос, требующий дальнейшей разработки). Если литературная позиция Карамзина — литературного критика, утверждавшего принципы сентиментализма и «изящного вкуса», часто становилась предметом изучения, то специфика мнений его героя о литературе оставалась в стороне. Рецепция путешественником западноевропейской драмы, в первую очередь, немецкоязычной, как отражение вкусов и театральных впечатлений российской и зарубежной публики, — задача нашего исследования.

Заграница в представлении русского путешественника — просвещенный, читающий мир, в первую очередь, немецкоязычный, начинающийся уже на окраинах Российской империи. Описание театральных постановок, оценка актерской игры, замечания о литературных достоинствах и недостатках пьес даны в «Письмах русского путешественника» на широком литературном фоне, включающем в себя разговоры местных жителей, обсуждающих игру «комедиантов». В письме из Тильзита описана сцена, свидетелем которой якобы довелось быть русскому путешественнику. В корчме появляется раздраженный поручик и высказывает трактирщице свое недовольство театральным представлением, комедией, «в которой не было ничего смешного. Иной кричал, другой кривлялся, третий тарашил глаза, а путного ничего не вышло» [1: т. 1, с. 70]. Однако эстетические запросы поручика, как кажется в исторической перспективе, несколько завышены. «Само название “комедианты” хранит в себе напоминание о том, что шутовство и прыганье были в их профессии важнее, чем серьезные представления... Драматический репертуар был всего лишь добавкой, одним из номеров такого бродячего цирка... И хотя в дальнейшем на первый план все больше выходила постановка пьес, она никогда не скрывала своего родства с мимическим искусством» [5: с. 53, 54]. Из книги немецкого историка литературы следует, что театральное представление и игра «комедиантов», как это представлено в высказываниях поручика, вполне традиционны. Следовательно, можно с большой долей вероятности предположить, что приведенный в письме диалог является художественным вымыслом, поскольку оценка игры комедиантов дана, скорее, самим русским путешественником, являющимся представителем иной традиции.

Повествование в данном фрагменте драматизируется (этот прием используется в книге писем не однажды), вводится диалог с характерным обозначением

говорящих по именам и с ремарками в скобках, с повышенной эмоциональностью тона и риторичностью многочисленных восклицаний и вопросов. В том же письме, в примечаниях «от автора» даны рассказы о персонажах площадных театральных представлений Гансе Вурсте, докторе Фаусте [1: т. 1, с. 69], что подчеркивает двуплановость повествования: речь героя, воспринимающего явления заграничного мира, и «голос» повествователя, направляющего внимание героя и читателей, представляющего увиденное путешественником с определенных позиций и просвещающего читающую публику. Таким образом, используя эпистолярную форму, автор осложняет ее введением иных приемов организации речи.

Рецепция театральных представлений интересует путешественника, который, несмотря на стремление слиться с местной публикой, сохраняет несколько отстраненную позицию. В письме от 31 июля герой пересказывает своим друзьям историю о том, как «недавно» во Франкфурте была принята драма Шекспира «Венецианский купец» — именно та, объемность и многогранность характера главного героя Шейлока будет позже отмечена А.С. Пушкиным («Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков, обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера Скупой скуп — и только, у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен» [9: с. 159–160]). Еврейская часть населения города поставила условие директору театра, чтобы пьеса была снята из репертуара, так как в ней «обругана их нация». Условие было удовлетворено по коммерческим соображениям [1: т. 1, с. 155]. Такая реакция публики означает, что глубокая и многогранная пьеса английского классика была истолкована труппой как воспроизведение пошлых стереотипов.

Основа театральных мнений путешественника обозначена уже в самом начале книги. Первое имя, как знак мировой культуры упомянутое на страницах письма, отправленного из Твери, — это Шекспир, слова которого из трагедии «Юлий Цезарь» «*выплакать сердце свое*», по мнению путешественника, наиболее полно выражают его душевное состояние [1: т. 1, с. 58]. И этот факт заставляет обратиться к литературному «багажу», с которым отправился русский интеллигент в заграничное путешествие. Шекспир в России XVIII в. — имя известное (встречается в «Эпистоле о стихотворстве» Сумарокова, 1748), но непопулярное. Прозаический перевод трагедии «Юлий Цезарь» (1787) был сделан и издан самим Карамзиным. Перевод не имел успеха у читателей, хотя в предисловии переводчиком были перечислены несомненные достоинства пьес английского драматурга, высоко оценен его гений, указано, что «каждый характер говорит у него собственным своим языком», и др. [1: т. 2, с. 8]. Интерес у русских переводчиков и публики к произведениям английского классика проявился только в начале XIX в., что подтверждают новые переводы пьес и их театральные постановки.

Сходные процессы происходили и в немецкой культуре, где Шекспир также был признан не сразу. Вхождение английского классика в немецкую

культуру — важный и сложный историко-литературный вопрос [5]. В середине XVIII в. шекспировскую драму пропагандировал теоретик и театральный критик Г.Э. Лессинг (1729–1781), который считал английскую драму образцом для формирования немецкой национальной драмы и настаивал на необходимости смешения трагического и комического, сочетания противоречивых черт в характерах героев, т. е. освоения шекспировского психологизма. Как писал в своем исследовании В. Боткин, «Первый, кто оцѣнилъ Шекспира по его достоинству, былъ безспорно Лессингъ. Онъ первый въ Германіи обратилъ вниманіе публики на Виландовъ переводъ Шекспира, бывшій до того времени вовсе неизвѣстнымъ. <...> Вскорѣ потомъ вышелъ новый переводъ англійскаго поэта, сдѣланный Эшенбургомъ. Вкусъ молодыхъ нѣмецкихъ драматическихъ писателей совершенно измѣнился: всѣ они сдѣлались страстными поклонниками Шекспира. Въ юношескомъ кружкѣ Гете, въ Страсбургѣ, даже въ разговорѣ безпрестанно употребляли шекспировскую игру словъ, его шутки и остроты, писали въ его тонѣ и стилѣ... подъ исключительнымъ вліяніемъ Шекспира началась драматическая нѣмецкая поэзія въ прошломъ вѣкѣ» [4: с. 13].

Однако, несмотря на все усилия просветителей, до конца XVIII в. Шекспир не был популярен. В немецком театре (Пруссия, ганзейские города) его пьесы исполнялись редко, преимущественно в переложениях К.Ф. Вейсе. Тексты Вейсе в XX в. оцениваются невысоко, но в XVIII в. это был видный литератор. Русский путешественник знаком с его творчеством, относится к нему с полным почтением, считает долгом навестить его. Имя немецкого поэта и переводчика — знак просвещенности, оно звучит в разговорах и с другими учеными мужами. Путешественник пишет: будучи у Рамлера, «в разговоре о лейпцигских ученых упомянул я о Вейсе. “Вейсе — лучший друг мой”, — сказал он и указал мне на стене портрет его» [1: т. 1, с. 103]. В 1760-е гг. вышло немецкоязычное издание Шекспира в восьми томах (Цюрих, 1762–1766), подготовленное К.В. фон Борком и К.М. Виландом. К.М. Виланд, крупнейший немецкий поэт XVIII в., один из первых отметил у Шекспира знание человеческой природы, умение, вопреки правилам и нормам, смешивать комическое и трагическое. Именно эту «объемность» и противоречивость шекспировских характеров высоко ценил и русский путешественник.

В 1770-е гг. Шекспир утверждается в немецкой культуре: в 1771 г. стала известна речь «Ко дню Шекспира» И.В. Гёте, в то время студента лейпцигского университета. В 1773 г. опубликована статья И.Г. Гердера «О Шекспире». Благодаря просветительской деятельности Лессинга, Гёте, Виланда, Гердера и др., творчество английского поэта повлияло на немецкую драматургию конца XVIII в. (периода, получившего название «бури и натиска»). Вполне вероятно, что обращение самого Карамзина к английской трагедии Шекспира было обусловлено авторитетом и посредничеством немецких теоретиков. Известно, какое большое значение в его воспитании и образовании имели представители

немецкой культуры. Не только литературный талант, врожденный вкус писателя, но и полученные от учителей знания о литературном процессе обусловили и литературную географию, воплощенную в книге о заграничном путешествии в целом, и отношение к европейской драме в частности. Драматургия Шекспира, таким образом, становится основным критерием в оценках пьес и театральных постановок, которые довелось путешественнику увидеть в Пруссии. Он чуток к постановке и исполнению драматических произведений, показывает себя искусственным зрителем и тонким знатоком актерского мастерства. Признает, что многое зависит от театральной традиции: «...у немцев не было б таких актеров, если бы не было у них Лессинга, Гёте, Шиллера и других драматических авторов» [1: т. 1, с. 98]. Однако высокие критерии остаются в теории, когда путешественник отправляется в театр. Театральная повседневность, как показывает опыт путешественника, — это пьесы Ленца, Коцебу, Шрёдера, Ифланда. Изредка играют Шиллера.

Один из первых немецких драматургов, о которых вспоминает Карамзин, — это Я.М.Р. Ленц (1751–1792). Уроженец Лифляндии (российской губернии), был близок Гёте, знаком с Шиллером, Виландом, служил в Петербурге, в Москве, где и сблизился с Карамзиным («несколько времени жил со мною в одном доме...»), — пишет повествователь в примечании к этому имени [1: т. 1, с. 62]). Первыми его драматургическими опытами были переводы комедий Шекспира, что также представляется многозначительным в связи с переводческой деятельностью Карамзина. Путешественник уподобляет сочинения Ленца творениям своего любимейшего поэта Ф.Г. Клопштока (1724–1803) и Шекспира на одном основании — присущей им черте — «глубокой чувствительности» [1: т. 1, с. 62].

В письме от 2 июля путешественник описывает восторги от пьесы Коцебу: «Давно уже не был я так приятно растроган, как ныне в театре!» [1: т. 1, с. 97]. Ему удалось увидеть одну из первых пьес будущей европейской знаменитости — А.Ф.Ф. фон Коцебу (von Kotzebue, 1761–1819), которого современники стали называть «немецким Мольером». Драматург был хорошо известен в России, так как в Петербурге для немецкого театра он написал «Demetrius Zaar von Moscau» («Димитрий, царь Московский». Трагедия в пяти актах. СПб., 1782) и комедию «Die Nonne und das Kammermädchen» («Монахиня и горничная», 1782).

«Ненависть к людям и раскаяние» («Menschenhass und Reue», 1787, издана в Берлине в 1789) — пьеса о неверной жене, которая, бросив детей, ушла к любовнику. Первый восторженный русский отзыв эта немецкая пьеса имела у карамзинского путешественника, услышавшего текст в оригинале и тронутого переживаниями персонажей: «Коцебу знает сердце!» [1: т. 1, с. 98], — восклицает он. Сердцеведение — одно из важнейших в системе понятий самого Карамзина: «Шекспир, натуры друг! Кто лучше твоего познал сердца людей?» — писал он в стихотворении «Поэзия» (1787), которому предпослал эпиграф

из «несравненного» Клопштока. Знание человеческой души проявилось в пьесе Коцебу в оригинальном сюжете (муж прощает изменившую и раскаявшуюся в измене жену), в нестандартных для эпохи подходах к решению семейных проблем (друг упрекает обманутого мужа в том, что тот сам виноват в измене: женился на 14-летней девочке, почти ребенке, которому можно простить заблуждение), в утверждении приоритета любви, сильных человеческих чувств над суровыми законами морали, царящими в обществе. Губительность сословных и нравственных предрассудков утрированно изображалась и осмеивалась в поведении грубой и корыстной служанки. Можно предположить, что глубоко в душу путешественника запали различные афористичные высказывания персонажей пьесы: слова слуги главного героя о том, что «чувствительный дурак лучше хладнокровного умника»; реплика о том, что узнать человека — означает познать «сердце его и душу», а не только имя; мысль разумной Эйлалии об уединении, которое «во всяком человеке с невинным сердцем увеличивает каждое в жизни удовольствие» [2]. Первая же фраза Коцебу напоминает современному читателю о повести Карамзина «Чувствительный и холодный. Два характера» (1803).

Строгие критики-современники досадовали на неразборчивую публику, восторгавшуюся этими драмами, критиковали Коцебу за самые разные недостатки, утверждали, что в его пьесах попораны все «принятые в обществе постановления, а иногда и самые правила нравственности... он восстает против неравенства состояний, и в доказательство привязанности своей к принятому им образу мыслей кончит всегда тем, что женится на какой-нибудь развратной женщине» («Письмо одного немца к приятелю, содержащее критику на драматические сочинения г. Коцебу»), — так негодовал критик в рецензии, опубликованной Карамзиным в 1804 г. в его журнале [3]. Но более всего раздражал критиков, видимо, неизменный успех пьес Коцебу и «коцебятины». Карамзин же находил и более всего ценил в его творчестве «истинно трогательные сцены», и в 1800-е гг. публиковал в «Вестнике Европы» произведения популярного немецкоязычного драматурга [2]. Уже в 1791 г. «комедия» (как значится на титуле) «Ненависть к людям и раскаяние» была переведена на русский язык и «25 апреля 1791 г. впервые представлена в Московском Публичном театре» [2: с. 1], с большим успехом шла в России до середины XIX в. «Теперь в страшной моде Коцебу — и как некогда парижские книгопродавцы требовали “Персидских писем” от всякого сочинителя, так наши книгопродавцы требуют от переводчиков и самых авторов Коцебу, одного Коцебу!! Роман, сказка, хорошее или дурное — все одно, если на титуле имя славного Коцебу!» — писал Н.М. Карамзин в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802), т. е. через несколько лет после публикации «Писем...» [1: т. 2, с. 119].

Упоминает путешественник известную в свое время пьесу «Картины семейной жизни»: «Нынче давали Шредеру “Familiengemälde” — пиесу, которая не сделала во мне никакого приятного впечатления из-за плохой актерской

игры» [1: т. 1, с. 106]. Русскому театралу удалось увидеть именно ту драму, которая дала название жанру «семейной картины»: «Der Vetter in Lissabon: Ein Bürgerliches Familiengemälde in Drei Aufzügen» (1784) («Кузен из Лиссабона. Картины семейной жизни в трех актах»). Ее автор — знаменитый немецкий драматург, актер и режиссер Ф.Л. Шрёдер (1744–1816), в 1760 г. сотрудничавший с Лессингом в Гамбургском национальном театре. Интересно, что этот деятель немецкой культуры, а также известнейший в свое время масон, совершенствовавший ритуалы «вольных каменщиков», имел отдаленные связи с Российской империей: в 1749 г. Шрёдер с труппой своего отчима, в которой играла и его мать, посетил с гастролями Петербург, Москву, Варшаву, значительное время жил в Кенигсберге.

Шрёдер написал 20 пьес, сюжеты которых связаны с жизнью семьи и различными семейными ситуациями, родственными отношениями, в системе персонажей отражены всевозможные родственные связи. Драматург утверждал такие добродетели, как бережливость, верность семейным ценностям. В частности, благодаря Шрёдеру как режиссеру, в репертуары немецких театров вошли и пьесы Шекспира (в переводе Виланда), так, в Гамбурге он поставил «Гамлета» (1776). Особенно был знаменит Шрёдер как актер, с раннего детства игравший на сцене маленькие роли. Однако русскому путешественнику не повезло, и он смотрел спектакль в неудачном исполнении.

В письмах впечатления от спектаклей передаются без определенной системы — как бы в подражание реальности, в которой высокое, подлинное искусство перемежается с массовым, и современнику сложно отличить одно от другого. Поэтому после пьесы Коцебу автор письма (от 5 июля) восторгается постановкой исторической драмы «Дон Карлос» (1783–1787) Ф. фон Шиллера: «Сия трагедия есть одна из лучших немецких драматических пьес и вообще прекрасна. Автор пишет в Шекспировом духе» [1: т. 1, с. 104]. Известно, однако, что у широкой немецкой публики пьеса большого успеха не имела, и отзыв русского путешественника свидетельствует о его личных предпочтениях. Косвенно это подтверждает и тот факт, что другую пьесу Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1782) путешественник не смотрел, но прочитал: «...и читал ее с великим удовольствием от первой страницы до последней. Едва ли не всего более тронул меня монолог Фиеска...» [1: т. 1, с. 150]. Как известно, сценическая постановка может значительно обогатить драматическое произведение [8: с. 34]. Несмотря на свои восторги, как отметил Ю.М. Лотман, «путешественник... не сделал никаких попыток встретиться с Шиллером. <...> Это не было результатом неосведомленности или провинциальности вкусов... тонко понимал Карамзин логику творческого развития Гёте... философская проблематика Гердера и скептицизм Виланда ему были ближе» [6: с. 70]. Не только философские расхождения были причиной отстраненного почтения: ведь пьесы Шиллера и поэзию Гёте путешественник оценивал как превосходные. Возможно, сказались и собственно литературные пристрастия: путешественнику ближе оказалась не высокая трагедия,

а буржуазная драма, изображающая не крайности, а повседневную частную жизнь, т. е. жанр, определенный А.П. Сумароковым в одной из рецензий как «новый и пакостный род слезных комедий» (1771).

Русский путешественник приветствует литературу (драматическую, в частности) для широких масс. Его мало интересуют история немецкого театра и эстетические искания немецких драматургов. Об этом свидетельствует тот факт, что путешественник не уделил внимания ни Лейпцигскому, ни Майнгейскому, ни Веймарскому театрам, т. е. тем, которые определили развитие немецкой драматургии. Больше его волнует просветительская роль театра в обществе, в первую очередь, в среде любителей, то, что могло бы привлечь русских зрителей. С этой точки зрения он оценивает пьесы Иффланда (Iffland, 1759–1814): «Иффландовы драмы, которые можно назвать прекрасными семейственными картинами и которые, верно, полюбились бы нашей публике, если бы искусный человек обработал их для русского театра» [4: т. 1, с. 150]. Сочувственное и трогательное изображение частной жизни, «сельских нравов», мещанских обычаев и традиций, стремление к достоверности изображения быта могли бы привлечь симпатии широкого круга зрителей.

Таким образом, русский путешественник увидел и засвидетельствовал успешное шествие жанра драмы по театральным сценам мира. Карамзин, переводчик трагедии Шекспира и произведений немецких авторов, изучавший Лессинга и Гердера, выделявший в литературной иерархии творения Гёте и Шиллера, передает своему путешественнику — любителю искусства возможность увидеть за границей не только самые значительные, с точки зрения профессионала, драматические произведения, но и постановки популярных пьес немецких драматургов, работавших в жанре буржуазной (мещанской) драмы. В театрах путешественник неизменно получает удовольствие, омрачить которое может только слабое («бездушное») актерское исполнение. Рецепция немецкой драмы русским путешественником явилась своеобразным художественным прологом к формулировке Карамзиным значимости «душевных удовольствий для человека», возвышающих не только души читателей и зрителей, но и в конечном счете «нравственное достоинство государств» [4: т. 2, с. 176].

Библиографический список

Источники

1. Карамзин Н.М. Соч.: в 2 т. Л.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 670 с. Письма русского путешественника. С. 55–505. Т. 2. 456 с.
2. Коцебу А. Ненависть к людям и раскаяние. Комедия в пяти действиях // Вестник Европы. 1804 [Электронный ресурс]. URL: theatre-library.ru/files/k/kocebu/kocebu_1.doc (дата обращения: 28.01.2016).
3. Письмо одного Немца к приятелю, содержащее критику на драматические сочинения г. Коцебу // Вестник Европы. 1804. № 1–2 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kocebu_a/text_1804_pismo_nemtza_olderfo.shtml (дата обращения: 28.01.2016).

Литература

4. *Боткин В.* Литература и театр в Англии до Шекспира // Шекспир В. Полн. собр. соч. В. Шекспира в переводе русских писателей: в 3 т. / под ред. Д. Михаловского. СПб.: Типография Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 5–41 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/botkin_w_p/text_0110oldorfo.shtml (дата обращения: 28.01.2016).
5. *Гундольф Ф.* Шекспир и немецкий дух / пер. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с.
6. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 448 с.
7. *Мельникова С.И.* Август фон Коцебу в России: К проблеме русско-немецких театральных связей: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.01. СПб., 2004. 366 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/avgust-fon-kotsebu-v-rossii-k-probleme-russko-nemetskikh-teatralnykh-svyazei> (дата обращения: 28.01.2016).
8. *Мурзак И.И.* Феноменология драматического текста // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1. С. 33–37.
9. *Пушкин А.С.* Table-talk <XVIII> // Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 12. Критика. Автобиография. 1949. С. 159–160.

References

Istochniki

1. *Karamzin N.M.* Soch.: v 2 t. L.: Xudozh. lit., 1984. T. 1. 670 s. Pis'ma russkogo puteshestvennika. S. 55–505. T. 2. 456 s.
2. *Kocebu A.* Nenavist' k lyudyam i raskayanie. Komediya v pyati dejstviyax // Vestnik Evropy'. 1804 [E'lektronny'j resurs]. URL: theatre-library.ru/files/k/kocebu/kocebu_1.doc (data obrashheniya: 28.01.2016).
3. Pis'mo odnogo Nemca k priyatelyu, sodержashhee kritiku na dramaticheskie sochineniya g. Kocebu // Vestnik Evropy'. 1804. № 1–2 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://az.lib.ru/k/kocebu_a/text_1804_pismo_nemtza_oldorfo.shtml (data obrashheniya: 28.01.2016).

Literatura

4. *Botkin V.* Literatura i teatr v Anglii do Shekspira // Shekspir V. Poln. sobr. soch. V. Shekspira v perevode russkix pisatelej: v 3 t. / pod red. D. Mixalovskogo. SPb.: Tipografiya Stasyulevicha, 1899. T. 3. S. 5–41 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://az.lib.ru/b/botkin_w_p/text_0110oldorfo.shtml (data obrashheniya: 28.01.2016).
5. *Gundol'f F.* Shekspir i nemeckij dux / per. I.P. Streblovoj. SPb.: Vladimir Dal', 2015. 591 s.
6. *Lotman Yu.M.* Sotvorenje Karamzina. M.: Kniga, 1987. 448 s.
7. *Mel'nikova S.I.* Avgust fon Kocebu v Rossii: K probleme russko-nemeckix teatral'ny'x svyazej: avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya: 17.00.01. SPb., 2004. 366 s. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.dissercat.com/content/avgust-fon-kotsebu-v-rossii-k-probleme-russko-nemetskikh-teatralnykh-svyazei> (data obrashheniya: 28.01.2016).
8. *Murzak I.I.* Fenomenologiya dramaticheskogo teksta // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1. S. 33–37.
9. *Pushkin A.S.* Table-talk <XVIII> // Poln. sobr. soch.: v 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. T. 12. Kritika. Avtobiografiya. 1949. S. 159–160.

G.I. Romanova

**German Drama in the Perception of the Russian Playgoer
(Following «Letters of a Russian Traveler» by N.M. Karamzin)**

Stating the distinction between the worldview of the writer and the travelling main character in «Letters of a Russian Traveler» the author of the paper considers the book character's literary critical judgments and impressions as a reflection of tastes of Russian and foreign theatre audiences in the last third of the XVIII century.

Keywords: author; character; reception; organization of speech; bourgeois drama.

С.А. Васильев

**«...Одно из самых светлых
и сильных воспоминаний»
(образ пасхального богослужения
в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»)**

В статье анализируются особенности изображения пасхального богослужения в романе Л.Н. Толстого «Воскресение». Лишенная иронии и обличительного пафоса сцена празднования Светлого Христова Воскресения, в отличие от других, тематически близких сцен и картин романа, становится смысловым центром произведения, одним из самых светлых и сильных воспоминаний в жизни Нехлюдова, залогом его и Катюши Масловой грядущего внутреннего перерождения.

Ключевые слова: пасхальное богослужение; внутренняя форма произведения; богатые ассоциативные связи.

Не подлежит сомнению то, что Л.Н. Толстой — великий русский национальный писатель. Предмет научного анализа, который никак не сводится к простым констатациям, — конкретные художественные формы проявления этого начала в литературных произведениях классика (см., в частности, [7; 10]). Среди них — русский язык в авторском творческом преломлении [11]. Особое место принадлежит в этой связи выявлению роли православной культурной традиции во внутренней форме (об этом понятии см., в частности, [8; 3]) произведений Л.Н. Толстого, что никак не может подменяться приведением прямых полемических высказываний писателя о Церкви и православии.

Согласно А.А. Потебне, внутренняя форма — «тот способ, которым выражается содержание», она «направляет мысль» [9: с. 22], обуславливает символизм слова [9: с. 24], а «художественное произведение есть синтез трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания), результат бессознательного творчества, средство развития мысли и самосознания» [9: с. 35]. Методологически исключительно важными в этой связи представляются следующие размышления ученого: «Искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя ее сообщить и в произведении искусства, поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих. Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения. Сущность, сила такого

произведения не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя, следовательно, в неисчерпаемом возможном его содержании. Это содержание, проецируемое нами, т. е. влагаемое в самое произведение, действительно условлено его внутренней формой, но могло вовсе не входить в расчеты художника, который творит, удовлетворяя временным, нередко весьма узким потребностям своей личной жизни. Заслуга художника не в том *minimum* содержания, какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [9: с. 28].

Вот почему какими бы антихристианскими (антиправославными) ни были взгляды позднего Толстого, они, при всей важности их учета для понимания его произведений, не могут ни перечеркнуть, ни отменить той внутренней формы, которая писателем была создана и которая существует — после окончания и опубликования произведения — уже объективно и независимо от его авторской воли. В этой связи при анализе последнего романа Л.Н. Толстого «Воскресение» явно не достаточно дать контекст мировоззрения писателя, остановиться на тех образах произведения, которые не без основания могут показаться кощунственными для православного человека. Не менее важно выделить те стороны его внутренней формы, которые объективно создают иные содержательные планы, выводящие роман за рамки антиклерикальной сатиры, обоснования «нового», этического, христианства и т. д.

В этой связи (и не только в этой, как будет показано далее) центральное место в романе принадлежит привлекавшему внимание ученых образу пасхального богослужения, с огромной художественной силой созданному писателем и являющемуся, очевидно, одним из самых ярких и запоминающихся литературных описаний празднования Светлого Христова Воскресения. Парадоксально, но его — без примеси уничтожающей, «разоблачительной» сатиры — создает именно поздний Толстой, как известно, резко отрицательно настроенный против Православной церкви. Образ этот в произведении достаточно автономен, и последующее не менее известное «разоблачительное» и кощунственное описание богослужения в тюремной церкви, которое также становилось предметом внимания исследователей и иногда мыслится как «парное», никак его не «дискредитирует», не снимает тех планов «объективного содержания», диктуемых его внутренней формой.

Подчеркнем, что образы искренней православной молитвы, церковных таинств, благоговейно принятых человеком, богослужебного действия являются очень важными, а подчас ключевыми в произведениях писателя различных периодов. Так, замечательно и художественно развернуто писателем трепетное отношение к таинству исповеди героя повести «Юность», он с большим волнением возвращается к священнику, забыв исповедать один из грехов, возможно, мелких для стороннего сознания. Героиня раннего неоконченного романа «Семейное счастье», обдумывая судьбоносное решение о замужестве, решается

положиться на волю Божию и приступает к говению, а потом и причащению в день своих именин, ставший и днем любовного объяснения, что послужило несомненным духовным фундаментом ее осуществившегося семейного счастья. На описания самой искренней православной молитвы в «Войне и мире» (Наташа Ростова, княжна Марья Болконская и др.) обращалось внимание [7: с. 46–47], и эти образно-содержательные планы, несомненно, являются одним из важнейших связующих звеньев между главным романом писателя и отечественной культурной традицией, несмотря на вполне возможные типологические сближения иного характера. Есть близкие и весьма художественно значимые описания и в романе «Анна Каренина», они подчеркивают духовный поиск героев (Левин), раскрывают важные грани семейной темы (Долли Облонская). Так что исполненное света и радости, исключительное и единственное в своем роде изображение пасхального богослужения в «Воскресении» включается в длинный ряд более ранних толстовских образов, художественно ярко, глубоко и объективно, через символику художественного слова, вне зависимости от мировоззренческих поисков и публицистических установок автора, продолжает традиции православной культуры.

Действительно, ночь пасхального богослужения имела для героя романа совершенно особое значение: «Всю жизнь потом эта заутреня осталась для Нехлюдова одним из самых светлых и сильных воспоминаний» [2: с. 63]. Ее вспоминает он, когда внутреннее перерождение его только-только намечается, по сути, это отправная точка. И связь с заглавием романа здесь прямая и вполне «каноничная»: «Главная мысль романа Толстого “Воскресение” выражена символически в самом его заглавии: воскресение – возрождение – обновление – возвращение к жизни – новое рождение» [5: с. 9].

Характерно, что пасхальной службой восторгаются люди с пока еще чистой душой: девственность и души и тела Катюши трижды подчеркнута писателем, и строй мыслей Нехлюдова, уже приобщившегося к разврату, но пока еще не совершившего своего главного преступления над Катюшей, пока еще иной:

— Вы не пойдете к священнику? — спросил Нехлюдов.

— Нет, мы здесь, Дмитрий Иванович, посидим, — сказала Катюша, тяжело, как будто после радостного труда, вздыхая всею грудью и глядя ему прямо в глаза своими покорными, *девственными*, любящими, чуть-чуть косящими глазами.

В любви между мужчиной и женщиной бывает всегда одна минута, когда любовь эта доходит до своего зенита, когда нет в ней ничего сознательного, рассудочного и нет ничего чувственного. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь светлого Христова воскресения. <...> Черная, гладкая, блестящая головка, белое платье с складками, *девственно* охватывающее ее стройный стан и невысокую грудь, и этот румянец, и эти нежные, чуть-чуть от бессонной ночи косящие глянцевитые черные глаза, и на всем ее существе две главные черты: *чистота девственности любви* не только к нему, — он знал это, — но любви ко всем и ко всему, не только хорошему, что только есть в мире, — к тому нищему, с которым она поцеловалась [2: с. 65] (здесь и далее выделено мной. — С. В.).

Для Толстого (как и для христианского сознания) целомудрие — не только физическая, но и важнейшая духовная составляющая личности, что он специально отмечает по поводу других персонажей: «Как Марья Павловна была вполне целомудренная девственница, так Ранцева была вполне целомудренная мужняя жена-женщина» [2: с. 340]. Нет сомнений, что души героев, не отягченные пока страшными преступлениями именно против целомудрия, способны отдаться радости Светлого Христова Воскресения вполне, и в этом очередное проявление глубокой органичности толстовского образа.

В этой связи важна и портретная деталь: у Катюши «стройный стан и невысокая грудь» [2: с. 65]. Дальнейшие же ее — уже проститутки Любки — описания нарочито подчеркивают на контрасте именно большую грудь, причем контраст самим писателем возводится именно к пасхальному описанию: «Она держалась очень прямо, *выставляя полную грудь*» [2: с. 22–23], «Маслова быстрым движением встала и с выражением готовности, *выставляя свою высокую грудь* <...>» [2: с. 45], «Да, несмотря на арестантский халат, на все расширившее тело и *выросшую грудь*, <...> это была несомненно та самая Катюша, которая в *светлое Христово воскресение* так невинно снизу вверх смотрела на него, любимого ею человека, своими влюбленными, смеющимися от радости и полноты жизни глазами» [2: с. 81].

«Разоблачительное» описание воскресного богослужения в осторожной церкви, с одной стороны, контрастирует с радостной пасхальной заутреней в начале романа. С другой стороны, это описание явно полемично по отношению к известному изображению живой и искренней церковной молитвы каторжников в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, которые, как известно, Толстой высоко ценил:

Теперь и мне пришлось стоять на этих же местах, даже и не на этих, мы были закованные и ошельмованные, от нас все сторонились, нас все даже как будто боялись, нас каждый раз оделяли милостыней, и, помню, мне это было даже как-то приятно, какое-то утонченное, особенное ощущение сказывалось в этом странном удовольствии. «Пусть же, коли так!» — думал я. Арестанты молились очень усердно, и каждый из них каждый раз приносил в церковь свою нищенскую копейку на свечку или клал на церковный сбор. «Тоже ведь и я человек, — может быть, думал он или чувствовал, подавая, — перед богом-то все равны...» Причащались мы за ранней обедней. Когда священник с чашей в руках читал слова: «...но яко разбойника мя приими», — почти все повалились в землю, звуча кандалами, кажется приняв эти слова буквально на свой счет [1: с. 414].

Так что не условия острога и каторги сами собой определяют отношение персонажей к богослужению. Особенность объективно созданного Толстым образа еще и в том, что в «Воскресении» участники осторожного богослужения иные. На прежнее целомудрие и веру нет и намек, нет и покаяния (в авторском монологичном художественном мире). И это даже важнее с точки зрения логики искусства, чем прямое рассуждение от повествователя, тем более что подобный прием подчеркнутого описания внешних примет действия уже

применялся Толстым для «разоблачения» лжи модных театральных постановок в «Войне и мире» (ср. [7: с. 54–55]).

Богослужение в пасхальную ночь, главное и самое радостное в году, на Праздник праздников, все же «перекрывает» по своей значимости воскресную обедню, малую Пасху, да и художественная яркость его беспримерна в романе («<...> церковно-обиходные слова <...> воссоздают колорит ликования» [11: с. 34]). И уже в этом есть объективное «снижение» разоблачительно-го пафоса позднего описания. Искренняя, неподдельная, свободная и добровольная, светлая и торжествующая радость этой службы Толстым изображена художественно очень убедительно: «*Все было празднично, торжественно, весело и прекрасно: и священники в светлых серебряных с золотыми крестами ризах, и дьякон, и дьячки в праздничных серебряных и золотых стихарях, и нарядные добровольцы-певчие с масляными волосами, и веселые плясовые напевы праздничных песен, и непрестанное благословение народа священниками тройными, убранными цветами свечами, с все повторяемыми возгласами: “Христос воскрес! Христос воскрес!”*» [2: с. 63–64].

Внутренняя форма образа строится так, что ассоциативные связи идут от собственно богослужения к любовной теме и образу Катюши, который становится смысловым центром изображенных картин, причем связующими ассоциативными нитями выступают повторяющиеся детали портрета:

Все было прекрасно, но лучше всего была Катюша *в белом платье и голубом поясе, с красным бантиком на черной голове и с сияющими восторгом глазами.*

<...> Нехлюдову <...> было удивительно, как это он, этот дьячок, не понимает того, что все, что здесь да и везде на свете существует, существует только для Катюши и что пренебречь можно всем на свете, только не ею, потому что она — центр всего. Для нее блестело золото иконостаса и горели все свечи на паникадиле и в подсвечниках, для нее были эти радостные напевы: «Пасха господня, радуйтесь, людие». И все, что только было хорошего на свете, все было для нее. И Катюша, ему казалось, понимала, что все это для нее. Так казалось Нехлюдову, когда он взглядывал на *ее стройную фигуру в белом платье с складочками* и на сосредоточенно *радостное лицо*, по выражению которого он видел, что точь-в-точь то же, что поет в его душе, поет и в ее душе [2: с. 64].

Такой переход вполне органичен и для персонажа, глубоко и светло влюбленного и видящего красоту и радостную взволнованность возлюбленной, и для возникающей художественной логики: от пережитой радости Воскресения Бога-Любви к чистой любви земной, ею, этой радостью питающейся и на ней основывающейся. Вместе с тем отмеченные смысловые планы — это не только позиция героев (ср.: «Нельзя сказать, что сцена заутрени дана целиком через ощущения и переживания героев <...>» [4: с. 80]), а нечто большее — представление, определяющее один из планов внутренней формы произведения.

Итак, образ пасхального богослужения в романе Л.Н. Толстого, несомненно, один из центральных в произведении, с ним связаны ключевые планы его

внутренней формы. Сама тема преобразования — воскресения души, вынесенная в заглавие произведения, наиболее полно и органично раскрывается именно в описаниях праздничной пасхальной службы, Праздника праздников, Светлого Христова Воскресения. Радостное, ставшее «одним из самых светлых и сильных воспоминаний» Нехлюдова событие как отправная точка для пересмотра им своей жизни, всех деятельных попыток спасти теперь уже падшую Катюшу. Характерно, что авторская «разоблачительная» ирония, вопреки многим другим тематически близким эпизодам романа, этого пасхального описания не коснулась. Многие подробности хода службы связываются с центром любовных переживаний Нехлюдова — Катюшей. Именно на светлую пасхальную заутреню приходится пик чистой любви героев, которая потом подобно нравственному маяку указала путь к внутреннему переждению обоих. Что это, как не чудесное воздействие божественной любви к человеку, высшей формой которой и явилось Светлое Христово Воскресение, празднование которого так глубоко и художественно органично, объективно продолжая традиции русской культуры с ее ключевой православной составляющей, изображено Л.Н. Толстым в романе «Воскресение»?

Библиографический список

Источники

1. *Достоевский Ф.М.* Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1988. С. 205–481.
2. *Толстой Л.Н.* Воскресение. М.: Худож. лит., 1978. 400 с.

Литература

3. *Васильев С.А.* Рецензия на кн.: Минералова И.Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма. М.: Флинта, Наука, 2011. 256 с. // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4 (20). С. 120–121.
4. *Кузина Л., Тюнькин К.* «Воскресение» Л.Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1978. 120 с.
5. *Ломунов К.Н.* Над страницами «Воскресения». М.: Современник, 1978. 381 с.
6. *Минералов Ю.И., Васильев С.А.* Национальное как фактор художественности в русской литературе. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2010. 181 с.
7. *Минералов Ю.И., Минералова И.Г.* История русской литературы XIX века (70–90-е годы). М.: Высш. школа, 2006. 488 с.
8. *Минералова И.Г.* Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма. М.: Флинта, Наука, 2011. 256 с.
9. *Потебня А.А.* Мысль и язык // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. школа, 1990. С. 22–54.
10. *Седых А.П.* Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 16–20.
11. Язык Л.Н. Толстого / А.Н. Кожин, В.В. Одинцов, Л.И. Еремина и др.; под ред. А.Н. Кожина. М.: Высш. школа, 1979. 240 с.

References

Istochniki

1. *Dostojevskij F.M. Zapiski iz Mertvogo doma* // Dostojevskij F.M. *Sobr. soch.*: v 15 t. T. 3. L.: Nauka, 1988. S. 205–481.
2. *Tolstoj L.N. Voskresenie*. M.: Xudozh. lit., 1978. 400 s.

Literatura

3. *Vasil'yev S.A. Recenziya na kn.: Mineralova I.G. Analiz xudozhestvennogo proizvedeniya: stil' i vnutrennyaya forma*. M.: Flinta, Nauka, 2011. 256 s. // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovaniye»*. 2015. № 4 (20). S. 120–121.
4. *Kuzina L., Tyun'kin K. «Voskresenie» L.N. Tolstogo*. M.: Xudozh. lit., 1978. 120 s.
5. *Lomunov K.N. Nad straniczami «Voskreseniya»*. M.: Sovremennik, 1978. 381 s.
6. *Mineralov Yu.I., Vasil'yev S.A. Nacional'noe kak faktor xudozhestvennosti v russkoj literature*. M.: Lit. in-t im. A.M. Gor'kogo, 2010. 181 s.
7. *Mineralov Yu.I., Mineralova I.G. Istoriya russkoj literatury' XIX veka (70–90-e gody')*. M.: Vy'ssh. shkola, 2006. 488 s.
8. *Mineralova I.G. Analiz xudozhestvennogo proizvedeniya: stil' i vnutrennyaya forma*. M.: Flinta, Nauka, 2011. 256 s.
9. *Potebnya A.A. My'sl' i yazy'k* // *Potebnya A.A. Teoreticheskaya poe'tika*. M.: Vy'ssh. shkola, 1990. S. 22–54.
10. *Sedy'x A.P. Nacional'naya literatura i kommunikativnaya kul'tura nacii* // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2012. № 2 (10). S. 16–20.
11. *Yazy'k L.N. Tolstogo / A.N. Kozhin, V.V. Odinczov, L.I. Yeryomina i dr.; pod red. A.N. Kozhina*. M.: Vy'ssh. shkola, 1979. 240 s.

S.A. Vasilyev

«...One of the Lightest and Strongest Memories» (the Image of the Easter Service in L.N. Tolstoy's Novel «Resurrection»)

The article includes an analysis of depicting the Easter service in the novel by L. Tolstoy «Resurrection». Unlike other episodes and scenes with similar motives this one, depicting the Easter Vigil, is free of irony and bombastic rebukes but becomes the pivot of the novel and one of the sweetest and strongest memories in Nekhlyudov's life. This memory eventually leads to the inner transfiguration of both Nekhlyudov and Katyusha Maslova.

Keywords: Easter service; inner form of a piece of literature; multiple associative links.

**Т.Г. Чеснокова,
В.В. Прокопенкова**

Рецепция образа романтического героя в первом поэтическом переводе поэмы Дж.Г. Байрона «Гяур»

Статья посвящена проблеме интерпретации образа романтического героя в первом русском поэтическом переводе поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур», выполненном в 1822 г. Н.А. Радищевым. Публикуемая в номере первая часть статьи характеризует состояние интересующего авторов вопроса в отечественном литературоведении и намечает теоретико-методологические принципы его изучения на основе анализа историко-культурных условий и форм эстетического восприятия байроновской модели романтического «письма» в российской литературной ситуации 1820-х гг.

Ключевые слова: Дж.Г. Байрон; «восточные поэмы»; поэтический перевод; рецепция; романтический герой.

Часть 1

Историю освоения байроновской поэзии в России невозможно представить без целого ряда звеньев, включающих в себя, помимо прозаических переложений и поэтических переводов, оригинальные произведения байронического направления, многим из которых суждено было сыграть выдающуюся роль в эстетическом воспитании русского читателя, в подготовке массового читательского (и шире — литературного) сознания к эстетически неискаженному (или искаженному минимально) прочтению подлинных образцов зрелого и позднего западноевропейского романтизма. Являясь в первую очередь фактами русской литературы, такие произведения не раз становились объектом анализа в работах отечественных исследователей¹: см., в частности, ценный библиографический материал, представленный в диссертации Ю.В. Люсовой («Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов», 2006) [7], а также в докладе Е.В. Халтрин-Халтуриной, посвященном байроновской теме в работах российских лермонтоведов² [11]. На этом фоне «ремесленным» (по большей части)

¹ Одним из наиболее значительных по своему научному вкладу и теоретическому влиянию исследований, касающихся восприятия Байрона и байронизма в России, остается фундаментальный труд В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» [2], впервые опубликованный в 1924 г.

² В последние годы на тему «Байрон и Лермонтов» было написано немало работ, в числе которых выделяется несколько, превышающих объем статьи. Новейшее исследование, оказавшееся нам доступным, — это диссертация Е.А. Кондратенковой (2013) о байроновском «следе» в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова [5].

переводам и переделкам байроновских поэм первой трети XIX в. уделялось и уделяется гораздо меньше внимания, которого они тем не менее вполне заслуживают если не в силу своих художественных достоинств, то хотя бы в качестве артефактов литературной истории, вскрывающих некоторые особенности взаимодействия английской и русской словесности романтического периода (в аспекте поэтики и эстетики).

От прозаических переложений, распространенных в первой половине 1820-х гг. (см., в частности: [6; 9; 10]), ранние стихотворные переводы отличались в первую очередь формой изложения, ориентированной на воспроизведение исконной — поэтической природы оригинала. Вследствие этого стихотворный перевод легче встраивался в контекст современного ему этапа развития отечественной поэзии, будучи, с одной стороны, подвержен влиянию ее устойчивых стереотипов и сложившихся литературных норм, а с другой — возделывая почву для более полного усвоения и последующего преобразования русскими авторами традиций западноевропейского романтизма.

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на одной из первых попыток передать уникальную форму байроновских «восточных поэм» русскими стихами и остановимся на поэтическом переложении, возникшем на раннем этапе увлечения байронизмом в России — в ближайшем соседстве не только с популярными прозаическими пересказами английского текста, но также с первыми литературными образцами русского байронизма. Речь пойдет о стихотворном переводе поэмы «Гяур» (1813), принадлежащем перу Н.Р. (творческий псевдоним Н.А. Радищева — сына Александра Радищева). Представленная Н. Радищевым русская версия «Гяура» вышла в 1822 г. отдельной книгой под названием «Джяур» (см. [1]).

В новейшей исследовательской литературе текст данного перевода стал предметом научного интереса в работах С.Л. Каганович, посвященных проблемам формирования русского романтического стиля и опирающихся на широкий круг литературных фактов [3; 4]. Характеризуя переводную версию байроновской поэмы с вышеуказанной точки зрения, исследовательница относит радищевского «Джяура» к «пограничному между классицизмом и романтизмом периоду» [3: с. 206] и рассматривает встречающиеся в нем элементы романтического стиля («эмоциональные эпитеты», «густо сконцентрированные сравнения» и т. п.) как частные «импульсы» «внутри чужеродной эстетической системы» [Там же: с. 207], отмеченной преобладанием классицизирующих тенденций [Там же: с. 206].

Эту характеристику можно считать справедливой, если иметь в виду вышеупомянутой *стилевой аспект* развития русской романтической поэзии, связанный с постепенным отказом от стилистических средств, утвердившихся (и впервые осознанных) в рамках классицистической поэтики. Труднее полностью согласиться с обозначившейся в трудах С.Л. Каганович тенденцией к отождествлению «эстетических систем» обоих направлений (классицизма

и романтизма) с их *стилевыми* системами (в узком смысле), что ведет к неизбежному сужению исследовательского ракурса как в историческом, так и в формальном аспектах, в том числе в свете проблем взаимодействия русской и западноевропейской модели романтического «письма».

История становления русского романтизма не только не сводится к вытеснению классицистической стилистики собственно романтической, но включает в себя сложный путь освоения таких важнейших аспектов поэтики направления, как романтическая тематика и типология персонажей, сюжетно-композиционные и жанровые модели. Овладение этими элементами нового художественного языка могло происходить с опережением или, напротив, с запозданием в сравнении с этапами освоения собственно романтического стиля, но оно оставалось необходимой составляющей вышеупомянутого процесса при всей условности его расчленения на подобные относительно независимые составляющие.

В характеристике художественно-стилевых тенденций эпохи необходимо также дать место сентиментализму, который хотя и достиг наибольших высот в прозаических жанрах русской словесности, однако с тем бóльшим основанием выступил как посредствующее звено в формировании (и восприятии) романтических сюжетно-композиционных схем и методов обрисовки героя (последнее, в частности, сказалось в сентименталистской окраске ряда прозаических переложений романтических поэм Байрона, о чем мы писали ранее [10]). В целом, несмотря на открытую оппозицию стилевой иерархии классицизма, сентиментализм допускал на уровне стиля немалую долю «уступок» прежней художественной системе, являясь естественной почвой смещения «старых» и «новых» (в том числе предромантических) элементов. И в этой амальгаме, остававшейся узнаваемым свойством сентименталистской стилистики, со временем могли все более отчетливо кристаллизоваться романтические черты — особенно там, где они находили опору во внестилевых элементах становящегося романтизма.

Впервые с достаточной ясностью романтический метод обозначился в творчестве В.А. Жуковского (начиная с баллады «Людмила», 1808), т. е. более чем за десятилетие до начала 1820-х гг. — периода, названного С.Л. Каганович «переходным от классицизма к романтизму». Тем не менее ранне-романтический этап в развитии русской литературы сохранял на себе печать указанной «переходности», характеризуясь взаимным наложением и тесным взаимодействием разнородных и часто противоречивых тенденций.

Романтизм, не отделимый как метод от индивидуально-авторского начала, как направление формировал в это время относительно устойчивую внеиндивидуальную систему поэтических средств, которая служила своеобразным каркасом его наиболее «независимых» — лично окрашенных духовных свершений, но была вместе с тем не так уж жестко отделена от предшествующих («риторических», «традиционалистских») художественных парадигм. В становлении этой системы важнейшую роль играло как самостоятельное

оформление каждого уровня (романтический стиль, тип героя, композиция, жанр), так и их взаимодействие, в итоге породившее некую обобщающую структуру, которая может быть до известной степени отождествлена с идеальной моделью национального романтизма.

Необходимо учитывать, однако, что такая структура, принимаемая нами ретроспективно за универсальную формулу направления, исторически являла собой лишь конечную манифестацию расхожего стереотипа, распространившего формализующее влияние на обобщающий уровень художественного целого. Вот почему наиболее полное выражение подобная модель получила не в высших художественных достижениях эпохи, а в произведениях среднего уровня, появившихся в момент угасания творческих импульсов направления и по традиции именуемых эпигонскими. Природа эпигонства, однако, определяется не просто повторением схем, разработанных более оригинальными художниками, но и закономерностями автономного развития того усредненного романтического стереотипа, который формируется параллельно развитию метода в его высоком выражении.

Расхожая схема тем самым, с одной стороны, предшествует индивидуальному воплощению творческого импульса, наиболее полно реализующего культурное своеобразие романтизма, а с другой — осознается, шлифуется и развивается под его встречным влиянием, в итоге складываясь в законченную конфигурацию литературно-эстетических установок и поэтических средств. В прямом столкновении с литературным шедевром усредненная, массовая модель обнаруживает к тому же известную двойственность, отчетливо демонстрируя как свойственный ей консерватизм — неприятие слишком оригинальных на общем фоне тенденций, так и внутреннюю подвижность — способность к принятию изменений, когда они не грозят ей особенно резкими потрясениями.

Исконный формализм массовой модели определяет также ее тяготение к условно-рационалистической поэтике, которая на ранних этапах несет на себе отпечаток классицистических или сентиментально-риторических³ тенденций, а позднее воплощает исторически отложившуюся абстракцию романтической формы во всем многообразии ее проявлений: от увлечения романтическими метафорами до изображения героя в конфликте с обществом. Неизбежный парадокс, однако, заключается в том, что в вышеупомянутый ранний период отступления в область классицистической или смешанной традиционалистской стилистики становятся часто необходимым условием более полного освоения романтической типологии персонажей и сюжетно-композиционных схем, без которых итоговая — собственно романтическая (не только по содержанию элементов, но и по общей их конфигурации) эстетическая модель не могла бы отчетливо выступить как наглядная схема.

³ Несмотря на неоднократные напоминания историков и теоретиков литературы (см., например: [8: с. 222]), доля рассудочности, присутствующая не только в раннем, но и в позднем сентиментализме, до сих пор, на наш взгляд, не осознана в полной мере и нередко недооценивается. Об одном из частных аспектов этой проблемы, связанном с содержанием и историей понятия «sentiment» в английской культуре XVIII в., см. в работе соавтора данной статьи: [12: ч. 2, с. 95]).

В литературной ситуации начала 1820-х гг. столкновение формирующейся стереотипной конструкции романтизма (с его жанровыми, идейными и стилевыми канонами) и индивидуально окрашенной — артистически одухотворенной версии метода происходило с известной периодичностью в контексте решения переводческих задач. А результаты подобного столкновения (какова бы ни была их художественная ценность) оказывались наиболее показательны там, где культурная и эстетическая зрелость исходного текста накладывалась на неустойчивость русского литературного сознания, не лишённого собственных стереотипов романтического самовыражения. Перевод Н.А. Радищевым байроновского «отрывка из турецкой повести» может служить наглядным тому подтверждением.

Выбор переводчиком именно этой байроновской поэмы был обусловлен, как можно предположить, не только интересом читающей публики к новому типу романтического героя, но и спецификой его воплощения в первой «восточной повести» Байрона — особым ракурсом изображения, при котором герой, наделенный романтической двойственностью и отмеченный печатью страстей, предстал равно чуждым и христианскому Западу, и мусульманскому Востоку, оставаясь, однако, неразрывно связанным с каждым из двух духовно-пространственных «полюсов» волнующими перипетиями мятежного жизненного пути. О близости этих черт и заключающей их поэтической оболочки русскому литературному сознанию начала 1820-х гг. во многом свидетельствует появление в отечественной словесности данного периода оригинальной вариации типа романтического героя, близкого байроновскому, а также творческая переработка структурных особенностей байронической поэмы в первой пушкинской «южной» повести «Кавказский пленник», опубликованной в том же 1822 г., что и интересующий нас ранний перевод «Гяура». Однако подобно тому, как в оригинальной поэме А.С. Пушкина структура и тип героя, присущие байроновским поэмам, предстали существенно трансформированными⁴, в «Джяуре» созданный английским поэтом романтический характер также (хотя по иным причинам) претерпел изменения, в том числе — в русле стандартизации образной характеристики персонажа, невольно подгоняемой под известные ранее литературные модели.

Учитывая вышесказанное, мы сосредоточимся на важнейших особенностях творческой рецепции байроновского героя в «Джяуре», прибегая к анализу стилистических средств, использованных переводчиком, ровно в той мере, в какой последние способствуют типологически близкой или, напротив, смещенной (в сравнении с оригиналом) характеристике главного персонажа поэмы.

Продолжение следует

⁴ См. об этом в вышеупомянутом труде В.М. Жирмунского: «Сопоставление лирических поэм Байрона и Пушкина мыслилось вначале лишь как приложение, как опыт исторической типологии жанра, который со времен Байрона и Пушкина обозначался в русской литературной критике как “романтическая поэма”. <...> Вскоре, однако, обнаружилось, что это сопоставление вскрыло глубокое различие между искусством Байрона и Пушкина» [2: с. 9, 10] (выделено авторами статьи. — Т. Ч., В. П.).

Библиографический список

Источники

1. *Джяур Н.Р.* Отрывки из турецкой повести. Из соч. лорда Байрона. В стихах. М.: Тип. Августа Семена, 1822. 34 с.

Литература

2. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.

3. *Каганович С.Л.* Роль переводов восточных поэм Дж. Байрона и Т. Мура в формировании русского романтического стиля // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 205–208.

4. *Каганович С.Л.* У истоков русского романтизма (роль первых русских переводов Байрона в становлении русского романтического стиля) [Электронный ресурс]. URL: <http://slk441.narod.ru/Byron.htm> (дата обращения: 7.04.2016).

5. *Кондратенкова Е.А.* Байронический след в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Смоленск, 2012. 155 с.

6. *Кулешов В.И.* История русской литературы XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1997. 624 с.

7. *Люсова Ю.В.* Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 214 с.

8. *Наливайко Д.С.* Искусство: течения, направления, стили. Киев: Мистецтво, 1981. 287 с.

9. *Прокопенкова В.В.* Восточные поэмы Дж. Г. Байрона и их переложения в оценке русской критики первой четверти XIX века // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1. С. 132–138.

10. *Прокопенкова В.В., Чеснокова Т.Г.* Два «Корсара»: Байрон и русская сентиментальная мелодрама // Диалог языков, культур, литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. М.: МГПУ, 2015. С. 96–114.

11. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Российские лермонтоведы о Байроне: к обзору работ за 1917–2001 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://litinstitut.ru/contens/byron_khaltrin-khalturina_2014 (дата обращения: 7.04.2016).

12. *Чеснокова Т.Г.* Драматургия Р.Б. Шеридана: традиции и литературный контекст: в 2 ч. М.: МГПУ, 2013. Ч. 1. 160 с. Ч. 2. 180 с.

References

Istochniki

1. *Dzhyaur N.R.* Otryvki iz tureczkoj povesti. Iz soch. Lorda Bajrona. V stixax. M.: Tip. Avgusta Semena, 1822. 34 s.

Literatura

2. *Zhirmunskij V.M.* Bajron i Pushkin: Pushkin i zapadny'e literatury'. L.: Nauka, 1978. 423 s.

3. *Kaganovich S.L.* Rol' perevodov vostochny'x poe'm Dzh. Bajrona i T. Mura v formirovanii russkogo romanticheskogo stilya // Yaroslavskij pedagoicheskij vestnik. 2011. № 1. T. 1. Gumanitarny'e nauki. S. 205–208.

4. *Kaganovich S.L.* U istokov russkogo romantizma (rol' pervy'x russkix perevodov Bajrona v stanovlenii russkogo romanticheskogo stilya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://slk441.narod.ru/Byron.htm>, svobodny'j (data obrashheniya: 7.04.2016).
5. *Kondratenkova E.A.* Bajronicheskij sled v romane M.Yu. Lermontova «Geroj nashego vremeni». Smolensk, 2012. 155 s.
6. *Kuleshov V.I.* Istoriya russkoj literatury' XIX veka. M.: Izd-vo MGU, 1997. 624 s.
7. *Lyusova Yu.V.* Receptiya D.G. Bajrona v Rossii 1810–1830-x godov: dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2006. 214 s.
8. *Nalivajko D.S.* Iskusstvo: techeniya, napravleniya, stili. Kiev: Mistecztvo, 1981. 287 s.
9. *Prokopenkova V.V.* Vostochny'e poe'my' Dzh. G. Bajrona i ix perelozheniya v ocenke russkoj kritiki pervoj chetverti XIX veka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1. S. 132–138.
10. *Prokopenkova V.V., Chesnokova T.G.* Dva «Korsara»: Bajron i russkaya sentimental'naya melodrama // Dialog yazy'kov, kul'tur, literatur v professional'no orientirovannom i filologicheskom aspektax: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf. M.: MGPU, 2015. S. 96–114.
11. *Haltrin-Halturina E.V.* Rossijskie lermontovedy' o Bajrone: k obzoru rabot za 1917–2001 gg. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://litinstitut.ru/contens/byron_khaltrin-khalturina_2014, svobodny'j (data obrashheniya: 7.04.2016).
12. *Chesnokova T.G.* Dramaturgiya R.B. Sheridan: tradicii i literaturny'j kontekst: v 2 ch. M.: MGPU, 2013. Ch. 1. 160 s. Ch. 2. 180 s.

*T.G. Chesnokova,
V.V. Prokopenkova*

The Reception of the Romantic Hero in the First Poetic Translation of G.G. Byron's «The Giaour»

The article focuses on the issue of the romantic hero's image interpretation as found in the first Russian poetic translation of G.G. Byron's «The Giaour» made in 1822 by N.A. Radischev. The present initial part of the article briefly characterizes the status of the issue in question in Russian literary criticism and outlines theoretical and methodological principles of its study based on an essay of historical and cultural conditions and forms of aesthetic appreciation of Byron's Romantic «writing» model in the literary situation of 1820-s in Russia.

Keywords: G.G. Byron; «Oriental tales»; poetic translation; reception; romantic hero.

А.И. Соколов

**Лексикографическое описание
терминов в историческом словаре
(на материале представления химической
терминологии в «Словаре русского языка
XVIII века»)**

В статье рассматриваются вопросы лексикографического представления научной терминологии в историческом словаре общего типа: отбор терминологических единиц, описание их семантики и грамматических особенностей, хронологическая атрибуция, динамика функционирования термина и др. Анализируются «информационные» пробелы в словарных статьях — семантические, лексические (терминологические), формально-внутрисловные, междусловные, хронологические и цитатные лакуны.

Ключевые слова: историческая лексикология и лексикография; терминология и терминография; русская химическая терминология XVIII в.

Представление терминов в современных словарях общего типа, как правило, сопряжено с рядом вопросов, среди которых отметим следующие: какие терминосистемы и их компоненты должны подлежать описанию, каковы критерии определения актуальности термина в фонде общелитературной лексики на данном хронологическом срезе, каковы принципы отбора источников для извлечения искомого материала?

Аналогичные вопросы встают и перед лексикографом — составителем исторического словаря, с той лишь существенной разницей, что в нем (словаре) фиксации подлежат хронологически гетерогенные терминологии одной и той же области научных знаний. Так, в «Словаре русского языка XVIII века» (далее — СРЯ XVIII) представляются «члены не только вновь формирующихся научно-технических и других специальных терминологических систем, но и реликтовых терминологических кругов» [17: с. 24], например, термины алхимии. Устанавливаемые ограничения касаются терминов-«экзотизмов», «исторических» терминов (среди которых ряд библеизмов), хотя в то же время декларируется, что «при отборе действует принцип значительности,

актуальности для русского XVIII в. и широкой представленности термина» [17: с. 25]. На включение номенклатурных наименований накладывается ограничение, связанное со степенью детализации тех или иных обширных номенклатур XVIII в.

В СРЯ XVIII представлена самая разнообразная специальная лексика, отражающая формирующиеся терминологии науки и техники, военного дела, культуры и др. Наиболее системно и подробно в его выпусках описаны терминологии физики, математики, астрономии и географии, ставшие объектом отдельных научных исследований [14; 15]. Несколько меньше уделено внимания терминологиям химии и смежных наук (минералогия, металлургия, медицинская химия), особенно в период их стремительного развития в последней трети XVIII в. В список источников Словаря по разным причинам не попали оригинальные и переводные трактаты 80–90-х гг. XVIII в. (И.Х. Эрксleben, Й.Ф. Жакен, В.М. Севергин, В.В. Петров и др.), а также рубежа XVIII–XIX вв. (Ж. Кузен, Х. Гиртаннер и др.), иные же важные источники из числа заявленных (например, «Руководство к физике» П.И. Гиларовского) были расписаны лишь частично. В результате ряд изменений в химическом терминопотреблении указанного периода не всегда находит полное и корректное отражение в материалах Словаря.

В некоторых словарных статьях имеются *семантические лакуны*, что требует внесения уточнений в толкование слова-термина (терминологического значения слова) или терминологического словосочетания.

Так, одно из значений слова *дух*, маркированное как химический термин (имеет помету *Хим.*), толкуется как *спирт* и иллюстрируется двумя цитатами, относящимися к первому периоду¹: «1000 ведр вина простаго, из котораго будут *дух винный* сидѣть. МАН I 2. Из помянутаго купоросу сдѣлано масло и *дух купоросной*. ПСЗ V 553» [22: вып. 7, с. 36].

Между тем в данных цитатах речь идет о разных классах химических веществ и соответственно о разных терминологических значениях словосочетаний: *дух винный* — винный (этиловый) спирт, *дух купоросной* — купоросная (серная) кислота. Оба значения реализуются в несвободных терминологических сочетаниях, которые согласно принципу представления материала в Словаре должны быть помещены за так называемым семантическим ромбом (◇).

В процессе терминации изучаемых объектов могут использоваться различные виды переноса значений, в том числе основанные на метонимии. В ряде случаев привычными сегодня названиями металлов до их получения в чистом виде обозначались горные породы, в составе которых они находились. Подобные изменения в семантике слова не всегда отражаются в СРЯ XVIII.

¹ Периоды называем в соответствии с организацией материала в Картотеке Словаря (далее — КС XVIII): I период — с конца XVII в. до конца 30-х гг. XVIII в., II — с 1740 г. до конца 1770-х гг., III — с 1780 по 1805 г. Сокращения источников КС XVIII и СРЯ XVIII см.: [16], списки дополнительных источников и их сокращений приводятся в каждом нечетном выпуске Словаря. Примеры даются в упрощенной орфографии, написание буквы «ять» при этом сохраняется.

Так, словарная единица (СЕ) *вольфрам*² (без помет о сфере использования³) иллюстрируется двумя цитатами-толкованиями, из которых следует, что в языке XVIII в. указанным словом обозначался минерал [22: вып. 4, с. 48]. Однако в трактате А. Фуркруа (1799), не вошедшем изначально в список источников, номинация *вольфрам* зафиксирована как обозначение металла: «Волфрамовая кислота (*acidum tungstenicum*) состоит из металла, *Волфрамом* или Тунестеном называемого, и кислородного начала» [11: с. 62].

СЕ *марганец* дается, в отличие от *вольфрама*, с пометами *Минер.* и *Хим.* и иллюстрируется цитатами из М.В. Ломоносова, а также [20; 21], позволяющими сделать вывод, что марганец — это горная порода, разновидность железных руд [22: вып. 12, с. 67]. В 70-е гг. XVIII в., однако, был получен металлический марганец (полуметалл — согласно терминологии эпохи), о чем, например, свидетельствует цитата из трактата середины 1790-х гг.: «Марганец <...> от Минералогов почитался желѣзною рудою, за нѣсколько только лѣтъ доказано, что он есть металъная известь, которая может быть обращена в полуметалл собственного своего рода, называемый *марганцом*» [5: ч. 1, с. 326].

К семантическим лакунам относятся также случаи незафиксированных терминологических словосочетаний (например, *восстановить*, *возвратить*, *оживить металл*, *восстановление*, *возрождение*, *оживление металла*) или не отмеченные в Словаре факты употребления слова-термина в ином терминологическом значении, отражающем объект изучения другой науки.

Так, СЕ *волчец* представлена в Словаре лишь как ботанический термин [22: вып. 4, с. 49]. В трактатах же по химии и минералогии с конца XVIII в. и вплоть до середины 20-х гг. XIX в. данная единица функционирует и как обозначение руды, содержащей вольфрам, и как обозначение самого вольфрама, о чем свидетельствуют цитаты: «Вскорѣ потом, когда начали точнѣе испытывать другой весьма сомнительный камень, называемый волчецом (*Spruta lupi*) <...> оказалось, что упомянутый камень состоит из оной же <тунстеновой> кислоты, соединенной с марганцом и желѣзом» [5: ч. 1, с. 333]. «*Wolframium. Волчец*» [10: с. 71].

Иногда восполнение семантических лакун указывает на очевидную необходимость перестройки словарной статьи. К примеру, производное существительное *горючесть* представлено в гнезде прилагательного *горючий* и снабжено цитатой: «Горное масло, *Petroleum*, которое есть главное существо горючести в каменных углях и торфѣ. ТВЭО L 69» [22: вып. 5, с. 186]. Из иллюстрации следует, что *горючесть* — способность вещества к воспламенению, свойство вещества возгораться.

Привлечение же нового материала обнаруживает наличие самостоятельного значения у слова *горючесть* («флогистон»), что требует представления данного слова как отдельной СЕ: «Тот воздух, в котором болѣе *горючести*,

² Новые источники дополняют материал вариантом *вольфрам* [8: с. 139, 253].

³ Вряд ли данная новация была инкорпорирована как единица неспециальной лексики русского языка XVIII в. О процессах детерминологизации специальной лексики см. также [18].

болѣе и вреден для человѣка, напротив того тот, в котором менѣе *горючести*, или обезгорюченный воздух, здоровѣе для человѣка» [12: с. 136].

В той же словарной статье *горючий* не отражена к тому же и субстантивация прилагательного *горючее* (в значении «флогистон»): «Материя солнца, или свѣта, *флогист* (*горючее*), огонь, самородная сѣра, горячая материя суть всѣ такая имена, которыми стихию огня означают» [7: с. 18].

В некоторых случаях слова-термины снабжены лишь толкованием, взятым из словарей XVIII в. (обычно это [20]), но не имеют цитатного материала (*цитатные лакуны*): *азот*, *вознать*, *воздухомѣр*, *вспѣнивание*, *калка*, *каломель* и др.

Так, СЕ *низверг* представлена единственным речением из «Немецко-русского лексикона» И. Аделунга [22: вып. 15, с. 137]. В наших материалах необходимые цитаты имеются, например: «Когда осажденное тѣло <...> упадет ко дну, тогда называется *низвергом* (*praecipitatum*) в собственном смыслѣ» [13: с. 40]. «Послѣдует болѣе или менѣе темный *низверг* или осадок» [5: ч. 2, с. 89].

Азот в качестве химической номинации иллюстрируется речением из «Нового словотолкователя» Н. Яновского [22: вып. 1, с. 32], в то время как данное значение могло бы быть снабжено цитатой из трактата начала 1790-х гг.: «База селитряной кислоты (*l'acide nitrique*) есть база селитренаго гасу, или смѣсь *Азота*, т. е. убийственной части воздуха с кислородным веществом» [3: с. 97].

Повторная выборка материала в источниках СРЯ XVIII, а также исследование новых источников обнаруживают имеющиеся в нем *лексические лакуны* из числа химических номинаций, среди которых:

– наименования вещества, а также производные, указывающие на его химический состав: *акварегис*, *барит*, *извинка*, *коакс*, *молибден*, *оксид*, *водотворный*, *кислородный*, *кислоприемный*, *огорюченный* и др.;

– наименования свойств вещества, его агрегатного состояния, формы и т. п.: *вспыхчивый*, *выгонение*, *гранник*, *корозивый*, *кристаллизационный*, *летучещелочной*, *льдообразный*, *огнетвердый* и др.;

– наименования действий (процессов): *амалгованье*, *выкалывание*, *кристаллизовать*, *ликвифакция*, *низверговать*, *металловосстановление*, *парообразование*, *хрусталетворение* и др.;

– наименования инструментов (приборов): *алудель* (*алюдель*), *аэрометр*, *воздухопробователь*, *гасометр*, *жаромѣр*, *мокромѣр* и др.

В СРЯ XVIII далеко не полностью представлены варианты слов-терминов, что позволяет обозначить группу *формально-внутрисловных лакун*⁴ (в скобках даны варианты, отмеченные в Словаре): *алкооль* (алкоголь, алкоголь), *ампулла* (ампула), *аналиста* (аналист), *вермиллон* (вермильон), *визмут* (висмут, бисмут), *вознать* (возгнати), *возгонок* (возгонка), *выгонение* (выгонянье), *выщелочивать* (выщелачивать), *николь* (никель, никкель) и др.

Анализ новых источников по химии дает основание для выявления *хронологических лакун*, т. е. примеров употребления терминологических новаций

⁴ О вариантности в химической терминологии см. также [19].

до указанной в СРЯ XVIII временной отметки⁵. Согласно правилам подачи материала в Словаре датировка вхождения слова выставляется лишь при иноязычных новациях [16: с. 39], в случае же с терминами, возникшими на русской почве, их первая фиксация может быть косвенно восстановлена по приводимым в Словаре цитатам, а также по материалам КС XVIII и соответственно уточнена. Приведем некоторые примеры хронологического «остаршества» терминологических единиц (в скобках указаны даты вхождения, представленные в Словаре): *болус*, 1739 г. (1755); *водяность*, 1772 г. (1780–1790); *волфарт*, 1772 г. (1785); *вытяжка*, 1774 г. (1780–1790); *кобальтовый*, 1774 г. (1787); *кргнкоплавкий*, 1776 г. (1786); *кривогорлый*, 1775 г. (1798); *легкоплавкий*, 1776 г. (вторая половина 1780-х гг.); *летучность*, 1754–1758 гг. (1779) и др.

Важным элементом описания СЕ в СРЯ XVIII является показ ее парадигматики, семантических связей с другими единицами через помету Ср., благодаря чему выявляется не только ряд синонимов, но и устанавливаются слова, находящиеся с разрабатываемой единицей в родовидовых отношениях. Данный принцип оказывается чрезвычайно актуальным и для терминологических единиц: именно на XVIII в. приходится процесс формирования научной терминологии, сопровождающийся вхождением в язык науки специальных, часто дублирующих друг друга номинаций. Принцип *последовательного показа междусловной семантической связи* химических терминов в СРЯ XVIII соблюдается не всегда.

Так, при СЕ *кривогорло* (снабженной специальной пометой *Хим.* и грамматической — средний род⁶) отсутствует отсылка Ср., хотя указанная единица семантически соотносится с имеющимся в КС XVIII словом *реторта*.

В русском языке XVIII в. для обозначения так называемых «воздухообразных» веществ, т. е. субстанций в парообразном или газообразном состоянии, функционировало несколько терминов: *дух*, *дым*, *воздух*, *пар*, *газ*, *спирт*, *чад*. Междусловная связь данных единиц также не нашла отражения в Словаре за исключением одного случая: при специальном значении слова *воздух* имеется помета: «Ср. *газ*» [22: вып. 4, с. 6].

Многие химические термины представляют собой заимствования, поэтому при разработке специальных значений слов и словосочетаний необходимо последовательно указывать *иноязычный корреспондент* как источник появления русской лексической единицы (согласно технике показа в Словаре —

⁵ К хронологическим лакунам мы относим случаи и обратного порядка, когда лексическая единица считается вышедшей из употребления в первом или втором периоде, но находит подтверждение использования в более поздних источниках. Так, в СРЯ XVIII СЕ *златотворец* («алхимик») помечена знаком выхода из употребления и снабжена единственной цитатой из «Лексикона» Э. Вейсмана (1731), тогда как данная номинация зафиксирована нами в химическом трактате конца XVIII в.: «<Англичанин Роллефон> вдруг сдѣлался богат, <...> а игроком не был: — слѣдственно был *златотворец*» [1: ч. 2, с. 171].

⁶ Указание на ср. р. нельзя считать аргументированным, так как в цитатах КС XVIII данная лексическая единица представлена только во мн. ч. В нашем материале зафиксировано использование данной номинации в форме м. р.: «Всегда прибавляема была вода в *кривогорл*» [4: ч. 2, с. 283].

в скобках). Так, в словарной статье *пѣна* в качестве минералогического названия дано терминологическое сочетание *волчья п.*, а в качестве иллюстрации — речение из «Лексикона» И. Аделунга: «Желѣзная крупина, эйзенграупе, волфрам, *волчья пѣна*, руда. Ад. I 444» [22: вып. 18, с. 260]. При этом отсутствует необходимая ремарка: «ср. лат. *spuma lupi*». Указание на иноязычный «образец» новации позволяет сориентировать читателя на многочисленные кальки, органически вошедшие в научный обиход XVIII в.

Кратко обобщим сказанное. Анализ материалов по русской химической терминологии, представленной в СРЯ XVIII, указывает на ряд «незаполненных ячеек», лакун при лексикографическом описании терминологических единиц. Среди них:

- семантические лакуны, т. е. случаи не вполне корректного описания значения термина, требующие внесения уточнений, или же факты отсутствия фиксации терминологического значения слова (словосочетания);
- лексические лакуны, или собственно терминологические, когда слово-термин в Словаре (как правило, и в КС XVIII) не представлено;
- формально-внутрисловные лакуны, т. е. незафиксированные варианты на уровне одного и того же слова-термина;
- хронологические лакуны — факты более ранней фиксации термина, корректирующие соответствующую датировку Словаря;
- цитатные лакуны, т. е. факты отсутствия иллюстраций из источников.

Помимо того, в СРЯ XVIII не всегда последовательно показываются междусловные связи слов-терминов, иноязычные корреспонденты специальных номинаций, а также пометы, указывающие на сферу (или сферы) их использования.

Подобные пробелы имеют двоякую природу. С одной стороны, это проблемы, связанные с составлением и редактированием весьма сложного материала по терминологии в ее диахроническом описании, а с другой — неполная представленность того же материала в Картотеке Словаря при всем ее масштабе и уникальности (около 2 млн 300 тыс. карточек-цитат). Безусловно, КС XVIII нуждается в постоянном пополнении своей базы, но в то же время к отбору новых источников исследования следует подходить критически, с учетом данных истории науки. Так, объектом выборки для СРЯ XVIII в свое время не стали трактаты по химии конца 80–90-х гг. XVIII в. — периода, который ознаменовался «информационным взрывом» в химической науке, связанным с созданием кислородной теории А. Лавуазье и формированием новой, эмпирически обоснованной и логически выстроенной терминосистемы. В результате вне поля зрения лексикографа остались не только незафиксированные СЕ, но и семантические изменения в значениях специальных единиц, вошедших в Словарь.

Библиографический список

Источники

1. Галле И.С. Открытые тайны древних магов и чародеев, или Волшебные силы природы, в пользу и увеселение употребленные: в 8 ч. / пер. с нем. В. Левшина. Ч. 1. М.: Университет. тип., 1799. 568 с.

2. *Гизе Ф.И.* Всеобщая химия для учащихся и учащихся: в 5 ч. Ч. 3. О металлоидах, их окисях и кислотах / пер. с нем. В. Комлишинского. Харьков: Университет. тип., 1814. 569 с.
3. *Гиларовский П.И.* Руководство к физике. СПб.: Тип. Вильковского, 1793. 505 с.
4. *Жакен Й.Ф.* Всеобщая и врачебная химия: в 2 ч. / пер. с нем. И. Венсовича и Н. Дьякова. М.: Университет. тип., 1795. Ч. 2. 352 с.
5. *Жакен Й.Ф.* Начальные основания всеобщей и врачебной химии: в 2 ч. / пер. с нем. М. Парпуры. СПб.: Тип. Гос. Мед. коллегии, 1796–1797. Ч. 2. 252 с.
6. *Кузен Ж.А.* Начальные основания физики / пер. с фр. В. Севергина. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1800. 282 с.
7. *Макер П.Ж.* Начальные основания умозрительной химии / пер. с фр. К. Флоринского. [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1774. 428 с.
8. *Севергин В.М.* Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастений и ископаемых. Отд. 2. Ч. 3–4. О горючих веществах. О металлических существах. СПб.: Имп. тип., 1791. 367 с.
9. *Севергин В.М.* Способ испытывать минеральные воды. СПб.: Тип. Гос. Мед. коллегии, 1800. 147 с.
10. *Севергин В.М.* Руководство к удобнейшему разумению химических книг иностранных. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1815. 297 с.
11. *Фуркруа А.* Химическая философия, или Основательные истины новейшей химии, по новому образу расположенные / пер. с фр. И Книгина и И. Каменского. Владимир: Тип. Губ. правления, 1799. 140 с.
12. *Эккартсгаузен К.* Ключ к таинствам природы: в 4 ч. Ч. 1. СПб.: Б. и., 1804. 347 с.
13. *Эрксleben И.* Начальные основания химии / пер. с нем. Н. Соколова. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1788. 418 с.

Литература

14. *Кутина Л.Л.* Формирование терминологии физики в России: Период предомоносовский: первая треть XVIII века. М.; Л.: Наука, 1966. 288 с.
15. *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.; Л.: Наука, 1964. 219 с.
16. *Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарем. Указатель источников / сост.: Л.Л. Кутина, О.Е. Березина, А.А. Алексеев. Л.: Наука, 1984. 141 с.*
17. *Словарь русского языка XVIII века: проект / отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1977. 164 с.*
18. *Собянина В.А.* К вопросу о детерминологизации специальной лексики в современном немецком языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 1 (7). С. 22–30.
19. *Соколов А.И.* Фонетическая адаптация заимствований как источник вариантности в русской химической терминологии XVIII – начала XIX века // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемьшева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 481–495.

Справочные и информационные издания

20. *Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1789–1794.*

21. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1806–1814.
22. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. Л.; СПб.: Наука, 1984–2015 (продолжающееся издание).

References

Istochniki

1. *Galle I.S.* Otkry'ty'e tajny' drevnix magikov i charodeev, ili Volshebny'e sily' natury', v pol'zu i uveselenie upotreblenny'e: v 8 ch. / per. s nem. V. Levshina. M.: Universitet. tip., 1799. Ch. 1. 568 s.
2. *Gize F.I.* Vseobshhaya ximiya dlya uchashhix i uchashhixsya: v 5 ch. Ch. 3. O metalloïdax, ix okisyax i kislotax / per. s nem. V. Komlishinskogo. Xar'kov: Universitet. tip., 1814. 569 s.
3. *Gilarovskij P.I.* Rukovodstvo k fizike. SPb.: Tip. Vil'kovskogo, 1793. 505 s.
4. *Zhaken J.F.* Vseobshhaya i vrachebnaya ximiya: v 2 ch. / per. s nem. I. Vensovicha i N. D'yakova. M.: Universitet. tip., 1795. Ch. 2. 352 s.
5. *Zhaken J.F.* Nachal'ny'e osnovaniya vseobshhej i vrachebnoj khimii: v 2 ch. / per. s nem. M. Parpury'. SPb.: Tip. Gos. Med. kollegii, 1796–1797. Ch. 2. 252 s.
6. *Kuzen Zh.A.* Nachal'ny'e osnovaniya fiziki / per. s fr. V. Severgina. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1800. 282 s.
7. *Maker P.Zh.* Nachal'ny'e osnovaniya umozritel'noj ximii / per. s fr. K. Florinskogo. [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1774. 428 s.
8. *Severgin V.M.* Nachal'ny'e osnovaniya estestvennoj istorii, sodержashhie czarstva zhivotny'x, proizrastenij i iskopaemy'x. Otd. 2. Ch. 3–4. O goryuchix veshhestvax. O metallicheskich sushhestvax. SPb.: Imp. tip., 1791. 367 s.
9. *Severgin V.M.* Sposob ispy'ty'vat' mineral'ny'e vody'. SPb.: Tip. Gos. Med. kollegii, 1800. 147 s.
10. *Severgin V.M.* Rukovodstvo k udobnejshemu razumeniyu ximicheskix knig inostranny'x. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1815. 297 s.
11. *Furkrua A.* Ximicheskaya filosofiya, ili Osnovatel'ny'e istiny' novejshej ximii, po novomu obrazu raspolzheny'e / per. s fr. I. Knigina i I. Kamenskogo. Vladimir: Tip. Gub. pravleniya, 1799. 140 s.
12. *Ekkartsgauzen K.* Klyuch k tainstvam natury': v 4 ch. SPb.: B. i., 1804. Ch. 1. 347 s.
13. *Erksleben I.* Nachal'ny'e osnovaniya ximii / per. s nem. N. Sokolova. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1788. 418 s.

Literatura

14. *Kutina L.L.* Formirovanie terminologii fiziki v Rossii: Period predlomonosovskij: pervaya tret' XVIII veka. M.; L.: Nauka, 1966. 288 s.
15. *Kutina L.L.* Formirovanie yazy'ka russkoj nauki: (Terminologiya matematiki, astronomii, geografii v pervoj treti XVIII v.). M.; L.: Nauka, 1964. 219 s.
16. Slovar' russkogo yazy'ka XVIII veka: Pravila pol'zovaniya slovarem. Ukazatel' istochnikov / sost.: L.L. Kutina, O.E. Berezina, A.A. Alekseev. L.: Nauka, 1984. 141 s.
17. Slovar' russkogo yazy'ka XVIII veka: Proekt / otv. red. Yu.S. Sorokin. L.: Nauka, 1977. 164 s.

18. *Sobyagina V.A.* К вопросу о детерминологизации специальной лексики в современном немецком языке // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2011. № 1 (7). S. 22–30.

19. *Sokolov A.I.* Фонетическая адаптация заимствований как источник вариантности в русской химической терминологии XVIII – начала XIX века // *Akademik A.A. Shaxmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: sb. st. k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchyonogo / otv. red. O.N. Kry'lova, M.N. Priemy'sheva*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. S. 481–495.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

20. *Slovar' Akademii Rossijskoj*: v 6 ch. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1789–1794.

21. *Slovar' Akademii Rossijskoj*, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj: v 6 ch. SPb.: [Tip.] pri Imp. Akad. nauk, 1806–1814.

22. *Slovar' russkogo yazy'ka XVIII veka*. Vy'p. 1–21. L.; SPb.: Nauka, 1984–2015 (prodolzhayushheesya izdanie).

A.I. Sokolov

Lexicographic Description of Terms in Historical Dictionary (Based on Representation of Chemical Terminology in «The Dictionary of Russian Language of the 18th Century»)

The article examines the questions of lexicographic presentation of terminology in a historical dictionary of general language. These are selection and documentation of terminological units, description of their semantics and grammar peculiarities, chronologic attribution, dynamics of a term functioning, etc. The «information» gaps in entries, i. e. semantic, lexical, inter-lexical (cross-referential), chronological, illustrative etc. lacunas, are analyzed.

Keywords: historical lexicology and lexicography; terminology and terminography; Russian chemical terminology of the 18th century.

О.А. Титова

Роль английских фразеологизмов-антропономинантов в формировании фразеологической картины мира

В статье ставится задача проанализировать роль английских фразеологизмов в формировании языковой картины мира. В результате проведенного исследования выявляются символы и эталоны национальной культуры, которые организованы в систему культурных кодов.

Ключевые слова: фразеологизмы-антропономинанты; фразеологическая картина мира; культурный код; атомарное словосочетание; фразеолекса.

Национальные особенности мировидения фиксируются в значениях фразеологических единиц (ФЕ), свидетельствующих о свойствах отражательной деятельности человеческого сознания, поэтому современное языкознание изучает язык в теснейшей связи с мыслительными процессами его носителей, анализирует языковые факты во взаимодействии с языковой личностью. Фразеология представляет собой языковую универсалию, в которой наиболее ярко проявляются национально-специфичные черты особого видения окружающего мира. Фразеологическая картина мира (ФКМ) — фрагмент языковой картины мира (ЯКМ), который образуется посредством ФЕ, совмещающих в семантике универсальные и идиоэтнические обобщения действительности, реальные и ментальные миры.

Сформированная таким образом языковая картина отражения мира отличается определенной прагматичностью. Известен пример Ю.Д. Апресяна, что лексема *ворона* символизирует «глупость, наивность», а лексема *ворон* — «хищность, зловещесть». Зоологически же такая классификация непоследовательна [3: с. 23]. Приведенный пример свидетельствует о том, что критерием знаний обыденного сознания выступает не формально-логическая непротиворечивость, а целостность, стабильность и универсальность так называемого двойника мира, служащего объяснением всего в социуме.

В настоящей статье рассматриваются наименования лиц, выраженные фразеологизмами-антропономинантами (ФАН). Это специфические образные знаки, которые используют средства естественного языка — поверхностную структуру ФЕ, ее внутреннюю форму, семантическую структуру, фразеологическую абстракцию и мотивировку — для кодирования этнокультурной информации, т. е. оценочной номинации человека. ФАН участвуют в формировании ЯКМ, так как они способны всесторонне охарактеризовать человека,

исходя из сложившихся в обществе социальных и культурных установок: от его индивидуальных дескрипций (возраст и внешность, национально-расовая принадлежность, психологические и морально-этические качества) до функционирования в социуме (социально-экономический и профессиональный статус).

ЯКМ, создаваемая изучаемыми единицами, характеризуется следующими существенными признаками — универсальностью, антропоцентричностью и экспрессивностью. Национально-культурный характер ФКМ проявляется на четырех уровнях: лексическом, комбинаторном, семантическом, семиотическом. Отправной точкой на лексическом уровне выступает так называемая фразеолекса — лексема, которая, по мнению Н.Н. Кирилловой, утратила лексические функции и приобрела функции слова-компонента ФЕ.

Формирование установок в среде конкретного этноса происходит в соответствии с тем кодом, который выработан в языковом мышлении народа. Материальное оформление этих установок на комбинаторном уровне представлено атомарными словосочетаниями (АСС), которые называют реалии или ситуации предметного мира и служат основой для создания ФЕ (план выражения).

На семантическом уровне основное место отводится фразеосемеме — значению ФЕ (план содержания). На семантическую структуру образного знака также оказывают влияние следующие компоненты: 1) «внутренняя форма» слова, его образная структура (сплетник уподобляется человеку, подглядывающему из-за занавесок — *curtain-twitcher*); 2) стереотипность использования объекта (антропономинант *fat cat* — символизирует толстосума в англоговорящем коллективном сознании; *busy bee* — замещает энергичного деятеля); 3) традиции литературной обработки лексемы (*Dutch uncle* (АСС — голландский дядюшка; чрезмерно строгий человек, который строго журит или поучает), *Dutch widow* (АСС — голландская вдова; проститутка) — привычная для английского языка отрицательная коннотация, сопряженная с этнонимом *Dutch*); 4) исторические, политические, религиозные контексты лексемы.

На семиотическом уровне национальная специфичность проявляется в связующем элементе АСС с фразеосемемой — фразеосемиотической связке, содержание которой есть алгоритм внутренней формы. Механизм формирования устойчивых культурно-языковых штампов лежит в той области семиотической связки между планом выражения и планом содержания ФЕ, в которой определенная семема тяготеет к АСС определенных тематических полей [5: с. 84].

Так, ФАН *spring chicken* «неопытная пташка, юнец» передает в английской ФКМ концептуальный признак молодости: *Sue White's no spring chicken, but not as old as she looks* (Сью Уайт уже в годах, но все же ей не столько лет, на сколько она выглядит. Здесь и далее перевод мой. — О. Т.) [1]. Его идиоэтничность воплощается в семиотической связке между АСС «только что вылупившийся цыпленок» и фразеолексой *chicken*, относящейся к зооморфизмам. Национальная специфичность

ФЕ *life couch*, имеющей в основе АСС «кушетка в кабинете психоаналитика, лежа на которой пациент жалуется на беспокоящие его жизненные проблемы», создана для номинации психотерапевта: Meet Jane, your *life couch*, at six at the conference hall [9; с. 392] (Встреча с Джейн, вашим психотерапевтом, состоится в шесть часов в зале заседаний. *Объявление в спортклубе*). Лингвистический анализ системных отношений внутри изучаемого фразеосемантического поля «человек» проводится с учетом пересечения содержания каждого из указанных уровней.

Основными макроконцептами, конструирующими ФКМ, являются символы и эталоны национальной культуры, которые составляют систему культурных кодов. Среди кодов выделяют антропоморфный, соматический, предметный, пищевой, химический, цветовой, пространственный, временной, духовный, теоморфный (божественный), перцептивный, зооморфный (анимальный, териоморфный), растительный (вегетативный, фитоморфный) [7]. Растительный, зооморфный и антропоморфный код иногда объединяют под общим названием биоморфного (натуралистического) кода.

Основу культурных кодов составляет мифологический символизм, суть которого состоит в переносе образов конкретных предметов на абстрактные явления или ощущения. Устанавливая параллелизм объектов физической (реальной) и виртуальной (иллюзорной) действительности, мифологическое сознание основывается на гносеологических операциях сравнения и отождествления. Антропоморфный код, в свою очередь, делится на индивидуальный и социальный подкоды.

Отмечается, что кодам культуры в основном свойственен изоморфизм, т. е. в каждой культуре наличествует перечисленный спектр кодов [7: с. 128]. Однако не все элементы указанных кодов будут изофункциональны. Выявление специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, позволяет указать на особенность культуры, отраженной в мышлении народа. Элементы кодов выступают как взаимосвязанные классификаторы и квантификаторы, за ними закреплена некоторая символическая культурная соотнесенность.

Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особый код культуры, с его помощью носитель языка описывает окружающий его мир. Образы, признаки которых относятся к кодам культуры, функционируют в режиме подобия. Основой метафорического переноса служит синестезия — связь между впечатлениями, поступающими от разных органов чувств. Зрительные, слуховые, вкусовые и другие ощущения отражены в целом ряде ФАН.

Рассмотрим антропоморфные компоненты в номинациях человека. Антропономинант *back seat driver* образован на основе словосочетания, которое обозначает пассажира в автомобиле на заднем сиденье, раздражающего водителя своими советами. В приведенном словосочетании обнаруживается логическое противоречие между атрибутивным двусоставным компонентом *back seat* (заднее сидение) и стержневым компонентом *driver* (водитель). На основе такой

парадоксальной ассоциативной связи образуется фразеологическое значение «человек, дающий непрошенные советы, человек, вторгающийся в чужое личное пространство». Атомарное словосочетание ФАН *champagne socialist* [10: с. 64] — социалист с шампанским — представляет собой оксюморон, т. е. устойчивое словосочетание, построенное на внутреннем контрасте сем, входящих в состав лексического значения компонентов ФЕ. Этот ФАН употребляется для обозначения левого политика, чей образ жизни идет вразрез с проповедуемой им доктриной о социальном равенстве. Первый компонент *champagne* (шампанское) выступает в данном примере как символ роскошной жизни.

В процессе формирования фразеологического значения определенные семы обуславливают устойчивую ассоциативную связь между частями тела и свойствами человека, выступая, таким образом, в качестве мотивирующего признака, создающего внутреннюю форму фразеологизма. По мнению субъекта речи, *flapjaw* (пустомеля) совершает беспорядочные движения челюстью: (АСС — хлопающий челюстью) или *wag tongue* (АСС — болтающий языком). Актуализируется признак дисфункции органов речи пустомели, который отчетливо осознается носителями языка и служит основой для формирования соответствующих фразеологизмов. Антропониминант *backbiter* имеет в своей основе АСС «кусающий в спину». ФАН намекает на тщетность попыток защищаться от злословящего человека и высвечивает неодобрительную оценку сплетника говорящим. ФЕ *rattlehead* означает пустомелю. Представляется, что человек-трещотка ассоциируется с бессодержательным шумом, производимым омонимичным фразеобразующим компонентом. В приведенных выше примерах компоненты-соматизмы метонимически отождествляются по функциональной сопредельности как части тела человека, замещают самого человека в осуществлении им различного рода деятельности.

Отбор образов, использующихся в ФАН с компонентами-зооморфизмами, осуществляется на протяжении всего периода исторического развития народа, дает представление о духовном складе лингвокультурной общности. Актуализируются физические характеристики живых существ. Интеллектуальная недостаточность человека ассоциируется в сознании носителя английского языка с домашней птицей, в частности, с курицей, в силу маленького размера ее мозга и беспорядочного на первый взгляд поведения: *cluckhead* (АСС — кудахтающая голова). Вызывающую антипатию «ничтожную личность» называют *pipsqueak*: ассоциативная связь основана на неприятном пронзительном звуке, издаваемом мышью.

Предметные образы-эталоны в процессе формирования фразеологического значения актуализируют потенциальные семы, отражающие свойства неодушевленных предметов. Например, ФАН *clever clogs* (умник), *smarty pants* (всезнайка) и *fancy-pants* (модник) созданы на основе образной ассоциации человека с костюмом, в который он одет, где первый суггестивный компонент конкретизирует характеристику, положенную в основу номинации.

Источником подобных наречений, очевидно, служат метафорические переосмысления *предметов одежды и обуви; объектов быта и обихода*, тесно связанных с жизнью человека, их персонификация и отражение в языке.

В ФЕ *saphead* (АСС — голова, заполненная жидкостью, растительным соком, вместо мозга), *peabrain* (АСС — мозг размером с горошину) высвечивается признак дисфункции головного мозга глупца. Рост долговязого человека рождает ассоциацию с приспособлением в виде шеста для вьющихся растений семейства бобовых — *beanpole*. Подхалим, добывающийся расположения путем лести, — *apple polisher* (АСС — тот, кто натирает яблоко до блеска). Отметим, что эта ФЕ и производящая ее идиома *to polish the apple* зафиксированы в лексикографических источниках с 30-х гг. XX в. и соотносятся с распространенной практикой среди американских школьников преподнести учителю в дар яблоко. В этом примере наиболее отчетливо видно, как культурно-языковое сознание говорящего воспринимает образ — «картинку», который дан в буквальном прочтении ФЕ.

Образы пищи и ее компоненты репрезентируют гастрономический код. Например, ФАН *cutie pie* — привлекательный человек; *cheesecake* — соблазнительная женщина; *beefcake* — мускулистый мужчина, мачо. Рассмотрим индивидуально-авторский окказионализм *tea cake* (АСС — кекс к чаю) — красавчик: *Tea Cake* — такое говорящее имя присваивает герою своего романа «*Their Eyes Were Watching God*» (1937) афроамериканская писательница З.Н. Херстон (Zora Neale Hurston) [2]. Ассоциативно-смысловой образ вымоченного в молоке хлеба используется для номинации человека, не обладающего твердостью характера, — *milksop*. Образ человека, которого нелегко переубедить принять другую точку зрения, отличную от его собственной, создается посредством ассоциативно-смыслового представления о жестком печенье, которое трудно раскусить, — *tough cookie*.

Компоненты цветообозначения в составе ФАН являются дополнительными источниками закодированной социально значимой информации. Цветообозначения издавна используются в качестве средства ментальной и языковой репрезентации сложных понятий [8: с. 48]. Наиболее изученными можно считать базовые термины цвета. Справедливо подчеркивается, что они обладают разветвленной семантической структурой, в которой содержится многослойная информация — от этимологической до ссылок на возможные фреймы [6: с. 40]. Фразеолексы, называющие цвет, актуализируют ряд потенциальных сем. Компонент *green* эксплицитно актуализирует сему «неопытность» в составе антропономинантов со значением «новичок»: *green hand* (АСС — зеленая рука), *green horn* (АСС — зеленый рог), *green pea* (АСС — зеленый горошек). Фразеолекса *white* может указывать в ФЕ *white collar* (АСС — белый воротничок) на *служащего, работающего в офисе*; в ФЕ *white trash* (АСС — белая шваль) компонент цветообозначения *white* определяет расовую принадлежность социального стереотипа: бедные слои белого малообразованного населения преимущественно среднего запада и юга США.

ФАН *соглядатай, подслушивающий чужие разговоры*, обозначается ФЕ *eavesdropper* с природным компонентом *eavesdrop*. Ассоциация рождается из значения лексемы *eavesdrop* — полоска земли вдоль дома, куда стекает дождевая вода. Человек, стоящий на этой полоске, мог слышать сквозь стены, окна, двери все, о чем говорили внутри дома [4: с. 219].

Таким образом, в данной статье рассмотрены способы репрезентации наивной картины мира ФЕ, которые сохраняют особенности этнического менталитета народа. Взаимосвязь фразеологической семантики и культуры выражается в следующей закономерной цепи: структура фразеологического значения отражает наивную картину мира, последняя, в свою очередь, определена историей и культурой народа, а значит, его менталитетом и своеобразием эпохи. На фактическом материале проанализировано, как фрагменты реального мира, отобранные, осознанные и трансформированные сознанием языкового коллектива в образы реалий внешнего мира, «облачаются» в форму АСС, на основе которых формируются фразеоматические модели. Выявлен и обоснован способ интерпретации ФАН, который заключается в установлении связи между двумя планами — выражения и содержания, т. е. во фразеосемiotической связке. В процессе формирования фразеологического значения определенные семы обуславливают устойчивую ассоциативную связь между образами-компонентами и свойствами человека, выступая, таким образом, в качестве признака, который создает внутреннюю форму ФЕ и мотивирует переход от культурного кода к фразеологическому.

Библиографический список

Источники

1. Get 10 Years Younger in 10 Days, Episode 8 [Запись телепрограммы] / реж. Энди Мартин, Пиетра Бретткелли; канал Fine Living Network. New-Zealand: Maverick Productions. 2009.
2. Hurston Z.N. Novels and Stories: Jonah's Gourd Vine; Their Eyes Were Watching God; Moses, Man of the Mountain; Seraph on the Suwanee; Selected Stories. N.Y.: Library of America, 1995. 1054 p.

Литература

3. Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVIII. 1969. № 1. С. 11–23.
4. Артемова А.Ф., Леонович О.А. Энциклопедия самообразования по английскому языку и страноведению Великобритании и США: учеб. пособие. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. 398 с.
5. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект: монография. Ч. 1: Природа и космос. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 319 с.
6. Мичугина С.В. Существительные-конверсивы от терминов цвета в современном английском языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 48–52.

7. Пименова М.В. Методика концептуальных исследований внутреннего мира человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике (26–28 сентября 2006 г.): сб. материалов. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 70–72.

8. Чупрына О.Г. Эволюция языковой репрезентации понятия «судьба» в английском языке // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 36–43.

Справочные и информационные издания

9. Семиволкова С.В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 896 с.

10. Эймо Дж. Словарь новых слов английского языка. М.: Рус. яз., 1990. 434 с.

11. Dictionary.com, LLC. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения: 11.04.2016).

References

Istochniki

1. Get 10 Years Younger in 10 Days, Episode 8 [Zapis' teleprogrammy'] / rezh. E'ndi Martin, Pietra Brettcelli; kanal Fine Living Network. New-Zealand: Maverick Productions. 2009.

2. Hurston Z.N. Novels and Stories: Jonah's Gourd Vine; Their Eyes Were Watching God; Moses, Man of the Mountain; Seraph on the Suwanee; Selected Stories. N.Y.: Library of America, 1995. 1054 p.

Literatura

3. Apresyan Yu.D. Tolkovanie leksicheskix znachenij kak problema teoreticheskoy semantiki // Izv. AN SSSR. Seriya literatury' i yazy'ka. T. XXVIII. 1969. № 1. S. 11–23.

4. Artemova, A.F., Leonovich O.A. E'nciklopediya samoobrazovaniya po anglijskomu yazy'ku i stranovedeniyu Velikobritanii i SShA: ucheb. posobie. M.: Astrel': AST: Tranzitkniga, 2005. 398 s.

5. Kirillova N.N. Frazeologiya romanskix yazy'kov: e'tnolingvisticheskij aspekt: monografiya. Ch. 1: Priroda i kosmos. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2003. 319 s.

6. Michugina S.V. Sushhestvitel'ny'e-konversivy' ot terminov cveta v sovremennom anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 48–52.

7. Pimenova M.V. Metodika konceptual'ny'x issledovanij vnutrennego mira cheloveka // Mezhdunarodny'j kongress po kognitivnoj lingvistike (26–28 sentyabrya 2006 g.): sb. materialov. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2006. 509 s.

8. Чупрына О.Г. E'voljuciya yazy'kovej reprezentacii ponyatiya «sud'ba» v anglijskom yazy'ke // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 2 (10). S. 36–43.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. Semivolkova S.V. Sovremenny'j anglo-russkij slovar' zhivogo anglijskogo yazy'ka. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2010. 896 s.

10. E'jto Dzh. Slovar' novy'x slov anglijskogo yazy'ka. M.: Rus. yaz., 1990. 434 s.

11. Dictionary.com, LLC. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://dictionary.reference.com> (data obrashheniya: 11.04.2016).

O.A. Titova

**The Role of English Phraseological Units Signifying Individuals
in the Formation of a Phraseological Image of the World**

The article analyses the role of English phraseological units in forming a linguistic image of the world. The author attempts to single out symbols and samples of the national culture creating a system of cultural codes.

Keywords: phraseological units signifying individuals; phraseological image of the world; cultural code; atomic phrase; phraseolexeme.

О.В. Чалей

Комплексное восприятие вкусовых ощущений в художественном дискурсе

В статье рассматривается комплексное восприятие вкусовых ощущений на основе разнообразных сочетаний синестетических прилагательных на примере художественных произведений русских классиков.

Ключевые слова: восприятие вкусовых ощущений; синестезия; синестетический перенос; сочетания синестетических прилагательных.

В статье рассматривается комплексное восприятие (синестезия) вкусовых ощущений на примере художественных произведений русских классиков. Цель исследования — раскрыть многогранность восприятия вкусовых ощущений с помощью различных синестетических сочетаний прилагательных в художественном дискурсе.

В современном языкознании под термином «синестезия» понимают «феномен гармонического интермодального восприятия, когда в одном когнитивном акте происходит наложение различных по типу ассоциаций» [9: с. 105]. Таким образом, синестезия представляет собой взаимодействие между ощущениями и эмоциями, в результате которого происходит перенос качеств объекта или значения слова. При этом направление синестетического переноса определяется тем, от какого ощущения к какому осуществляется перенос. Рассмотрим пример: «*Приторно-сладким* клейким запахом тополей был напоитан воздух» [5: с. 93] (здесь и далее курсив мой. — О. Ч.). Так, сочетание *приторно-сладкий* клейкий запах представляет собой вкусовую и тактильно-обонятельную синестезию. *Приторно-сладкий* в своем прямом значении относится к вкусовым ощущениям. При сочетании с тактильным прилагательным *клейкий* словосочетание *приторно-сладкий* приобретает переносное синестетическое значение и относится к сфере тактильных и ольфакторных впечатлений. По определению Л.Г. Викуловой, «ольфакторные (естественные и искусственные запахи) входят в систему отражения невербального поведения» [7: с. 256]. Другими словами, признаки сферы вкуса переносятся в область тактильных и ольфакторных ощущений. Подобного рода синестетические образования, а также межчувственные ассоциации возникают в результате творческого, субъективного авторского восприятия действительности.

Наличие синестезии характерно почти для всех прилагательных вкусообозначения. Например, комбинация прилагательных *ядовито-знойный* — пример

осязательно-вкусовой синестезии. В сочетании *бражная сладость* находит отражение обонятельно-вкусовая синестезия. «Туманным утром Аксинья впервые после выздоровления вышла на крыльцо и долго стояла, опьяненная *бражной сладостью* свежего весеннего воздуха» [6: с. 75]. Посредством обонятельно-вкусовой синестезии автор оказывает психологически-эмоциональное воздействие на читателя. Неожиданные новые ощущения запаха и вкуса, которые испытывает Аксинья, передают ее эмоциональный подъем — желание жить и любить, созвучное с пробуждением природы от зимнего сна. Синестетический эффект создается при согласовании слов, передающих в своей семантике ощущения разной модальности: обоняния и вкуса в данном контексте.

Для понимания феномена синестезии необходимо подчеркнуть различие между понятиями ощущения и восприятия. Психологи рассматривают восприятие как активный творческий процесс познания, как непрерывный когнитивный процесс извлечения информации из внешнего мира. Такая трактовка процесса восприятия используется О.А. Елисейевой в исследовании концептуализации тактильных ощущений: «Прием информации включает формирование отдельных ощущений, которые в виде нервных импульсов поступают в головной мозг, где в результате их обработки завершается процесс восприятия свойств и признаков объекта, при этом полученный опыт проецируется на предыдущий опыт индивида» [8: с. 88]. Таким образом, процесс восприятия представляет собой синтез различных качеств и признаков воспринимаемого объекта, которые позволяют произвести его концептуализацию.

Концептуализация вкусовых ощущений является художественной в том случае, если выражение этого вида восприятия приобретает более глубокое содержание, чем простая их фиксация в речи. Например, И.С. Шмелев воссоздает яркий художественный образ из описания обычного яблока. Он соткан из многочисленных оттенков сочетаний вкусовых, обонятельных и осязательных ощущений ребенка, для которого образ яблока олицетворяет радость детства: «...когда встретишь невиданное яблочко, похожее на грушовку запахом, зажмешь в ладони, зажмуришься, и в *сладковатом и сочном духе* вспомнится, как живое, — маленький сад...» [4: с. 131]. Весь комплекс ощущений дает возможность писателю постичь психологию персонажа, пережить и понять его чувство радости. Так, речь героя романа воспринимается В.В. Набоковым как сложный комплекс ощущений, который создается на основе синестезии звука и вкуса, осязания и тактильности: «Слушать *густую речь* Муна было как жевать *толстый, тягучий* рахат-лукум, запудренный сахаром» [2: с. 200].

В прозе М.А. Шолохова читатель может одновременно ощутить горький и родной для казаков вкус полыни — *терпкий бражный* привкус полыни. *Терпкий* вызывает как вяжущее, так и горькое ощущение, острота которого резко усиливается из-за бражного привкуса. Использование автором редкого прилагательного *бражный*, которое характерно для народной речи, передает ярко ощущение оттенков кислого, квасного, винного, вишневого или рябинового вкуса.

В художественном преломлении такое сочетание вкуса (крепкого, вяжущего, кисловатого) может восприниматься как многогранный образ степи — крепости духа, терпения, многострадального символа родины для донских казаков.

Благодаря искусству А.П. Чехова синтезировать различные сенсорные оттенки вкуса, запаха читатель может ощутить и вкусить запах степной травы: «Пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами, но запах густ, *сладко-приторен* и нежен» [3: с. 24]. Синестезия позволяет запечатлеть реальный мир в его подвижности, добиться живой достоверности изображения и передать выразительность авторской мысли.

Выдающийся мастер слова И.С. Шмелев создавал уникальные по выразительности и экспрессивности перцептивные образы с помощью синестезии, обостряя чувства читателя и приближая его к авторскому мировосприятию. Читатель может ощутить вкус праздничных блюд и угощений, которые с удивительной точностью описаны в произведении «Лето Господне». Например, вкус хлеба воспринимается как *вязкий дух*. Капуста предстает тоже как дух, но уже с другими оттенками — кислым вкусом и воньким запахом: *кислый и вонький дух*. Восприятие окружающей действительности в книге — это восприятие ребенка, оценивающего происходящее сквозь призму времени. Из слова писателя рождается «ткань русского быта», которая отражает духовный смысл бытия.

Целая глава романа «Лето Господне» посвящена описанию вкуса и аромата праздничного кренделя: «<...> *огромный румяный* крендель будто плывет над всеми. Такой *чудесный, невиданный, вкусный-вкусный*, издали даже вкусный. Крендель совсем живой, будто *дышит румяным пузиком*. — И что такое они придумали, чудачье!» [4: с. 311]. Как видим из этого отрывка, воспроизведению вкусового ощущения отводится автором главная роль. Прилагательное *вкусный* повторяется три раза в одном предложении, непроизвольно акцентируя внимание читателя на уникальных вкусовых качествах этого кренделя. Для усиления эмоционально-оценочной окраски и выражения интенсивности ощущения вкуса используются оценочные прилагательные *чудесный, невиданный*, которые выступают в роли контекстуальных синонимов в этом предложении. Эмоциональная оценка дополняется визуальными характеристиками размера (*огромный*) и цвета (*румяный*). К вкусовым и зрительным впечатлениям добавляются и запахи, которые ассоциируются с дыханием ребенка — *румяным пузиком*. Путем смешения красочных впечатлений достигается кульминация в описании кренделя. С одной стороны, кулинарное произведение искусства, с другой стороны, — живое существо, которое вызывает великую радость и восторг толпы и готовность людей поклониться истинному чуду, словно святыне — иконе. Именно такое сравнение И.С. Шмелев находит для данного образа: «... столько народу, из лавок и со дворов бегут, будто икону принимаем, а огромный румяный крендель будто плывет надо всеми» [4: с. 311]. Автор устами персонажа, юного мальчика, передает мировоззрение

русских людей прошлого века: дух самобытности русского характера, традиции празднования на Руси православных обрядов, непреодолимое желание и веру в чудо. «И по всем комнатам раздается *сдобный, сладко-миндальный дух*» [4: с. 312]. За этой внешней красотой румяной и за сладко-миндальным духом скрывается любовь человеческого сердца, благодарность народа за ласку и доброту хозяина. Текст начинает оживать в сознании читающего: передается поучительный смысл чудо-кренделя; обнажаются чувства, ощущения, эмоции, переживания ребенка, впервые открывающего для себя окружающий мир, взаимоотношения людей. И вместе с литературным героем читатель возвращается к своим корням, по-новому осмысливает события той исторической эпохи.

Таким образом, у него складывается впечатление о кренделе не только как о царском угощении, но и как об антропоморфном существе под воздействием разнообразной гаммы вкусовых, обонятельных и зрительных ощущений. Для художественной литературы важны не столько конкретные представления о вкусах и других ощущениях, сколько ассоциативный характер восприятия вкуса, запаха. Яркое ощущение вкуса одновременно доставляет эстетическое наслаждение, приятное воспоминание не только непосредственно, но и в комплексе ассоциаций с другими ощущениями запаха и цветовой гаммы.

В произведении И.С. Шмелева «Лето Господне» часто используется синестезия на уровне фразы вкусовых и обонятельных ощущений. Это проявляется и в прямом значении: «Он вкушает румяную просвирку и запивает *сладкой-душистой* “теплотцою” — кагорчиком с кипятком: сегодня он причащался» [4: с. 310]. В данном предложении синестезия эмпирических смыслов реализуется с помощью прилагательных *сладкой-душистой*, которые в данном контексте выступают в качестве усилителей. Использование синонимов, интенсификаторов, сравнений может уточнять и актуализировать субъективную оценку вкусовых ощущений. Так, вкус церковного вина — кагора передает целый комплекс физических ощущений героя: вкусовых, ольфакторных и осязательных. Приятные физические ощущения отражают внутреннее состояние, духовные переживания героя в день своих именин — необыкновенную радость от происходящего великого события в жизни верующего человека — причастия. И.С. Шмелев через комплексное ощущение вкуса может вызывать сильную эмоциональную реакцию у читателя. Семантика вкуса ассоциируется с положительными переживаниями героя: любовью, радостью, добротой, великодушием, благочестием.

Мастер синестезии, И.А. Бунин достигает сильного эстетического воздействия с помощью аналогии между вкусами, звуками, запахами. Приведем пример: «Так навсегда и соединилась для меня Лиза с этими первыми днями купанья, с июньскими картинками и запахами, — жасмина, роз, земляники за обедом, этих прибрежных ив, длинные листочки которых очень пахучи и горьки на вкус, теплой воды и тины нагретого солнцем пруда <...>»

[1: с. 221]. В приведенном фрагменте образ любимой девушки воспринимается героем как необыкновенный сказочный узор, сотканный из пяти ощущений окружающего мира: вкуса земляники и листьев ивы, зрительной картины летнего купания, запахов цветов, тактильного ощущения кожей теплой воды. Комбинация вкусовых и тактильных ощущений, сочетания цвета и запахов позволяют писателю одухотворить чувственный мир и изобразить действительность во всех оттенках и проявлениях.

Примеры синестетических сочетаний прилагательных из художественных текстов, представленные в данной статье, служат ценным свидетельством того, что впечатление от прочитанного — это мысль, пропущенная через наши ощущения. Силой слова писатели воспроизводят зрительные образы, звуки, вкусовые и осязаемые ощущения, а вместе с ними мысли, которые переживают герои произведений, заставляя переживать читателя. В таком контексте актуально замечание О.А. Сулеймановой: «<...> читатель / реципиент включается в фабульное пространство, что усиливает иллюкутивную силу речевого произведения» [10: с. 72].

Синестетический перенос представляет собой один из способов формирования «недостающих» в языке значений, позволяя обозначить вновь познанные, еще не зафиксированные в языке сенсорные качества и свойства, более точно передать те или иные оттенки чувственных впечатлений, выразить эмоциональную оценку, вызванную определенными ощущениями.

Библиографический список

Источники

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Правда, 1988. С. 265–443.
2. Набоков В.В. Другие берега. М.: Книжная палата, 1989. 288 с.
3. Чехов А.П. Степь: История одной поездки. М.: Современник, 1989. 63 с.
4. Шмелев И.С. Лето Господне. 9-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. 640 с.
5. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 1–2. М.: Худож. лит., 1991. 606 с.
6. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. 3–4. М.: Худож. лит., 1991. 718 с.

Литература

7. Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации: практикум. М.: АСТ: АСТ Москва: Восток-Запад, 2008. 316 с.
8. Елисеева О.А. Концептуализация тактильных ощущений в естественном языке (на примере прилагательного сухой) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 88–93.
9. Колодкина Е.Н. Вкусовая синестетическая метафора // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 104–107.
10. Сулейманова О.А. Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения. К 90-летию И.-Э.С. Рахманкуловой // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 69–75.

References

Istochniki

1. *Bunin I.A. Zhizn' Arsen'eva* // Bunin I.A. *Sobr. soch. v 6 t. T. 3.* M.: Pravda, 1988. S. 265–443.
2. *Nabokov V.V. Drugie berega.* M.: Knizhnaya palata, 1989. 288 s.
3. *Chexov A.P. Step': Istoriya odnoj poezdki.* M.: Sovremennik, 1989. 63 s.
4. *Shmelev I.S. Leto Gospodne. 9-e izd.* M.: Izd-vo Sretenskogo monasty'rya, 2011. 640 s.
5. *Sholoxov M.A. Tixij Don. Kn. 1–2.* M.: Xudozh. lit., 1991. 606 s.
6. *Sholoxov M.A. Tixij Don. Kn. 3–4.* M.: Xudozh. lit., 1991. 718 s.

Literatura

7. *Vikulova L.G., Sharunov A.I. Osnovy' teorii kommunikacii: praktikum.* M.: AST: AST Moskva: Vostok – Zapad, 2008. 316 s.
8. *Eliseeva O.A. Konceptualizaciya taktil'ny'x oshhushhenij v estestvennom yazy'ke (na primere prilagatel'nogo suxoj)* // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie».* 2013. № 1 (11). S. 88–93.
9. *Kolodkina Y.N. Vkusovaya sinesteticheskaya metafora* // *Filol. nauki. Voprosy' teorii i praktiki.* Tambov: Gramota, 2009. № 1. S. 104–107.
10. *Sulejmanova O.A. Semanticheskaya rol' implicitnogo nablyudatelya v modeli predlozheniya. K 90-letiyu I.-E'.S. Raxmankulovoj* // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrasovanie».* 2015. № 3 (19). S. 69–75.

O.V. Chaley

Complex Perception of Taste Sensations in Literature Discourse

The article dwells on the complex taste perception based on various synesthetic adjectival combinations used in the classic Russian fiction.

Keywords: taste perception; synesthesia; synesthetic conversion; synesthetic adjectival combinations.

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81.33

**В.А. Разумовская,
Н.В. Климович**

**Манипуляция при переводе
интертекстуальных элементов
в художественном тексте**

Статья посвящена интертекстуальным элементам, которые используются как эффективное средство манипулирования сознанием читателей и целенаправленного воздействия на их восприятие переведенного текста. Уделяется внимание одной из наиболее многочисленных групп интертекстуальных элементов, представленных в художественной литературе и являющихся регулярными единицами перевода, — библеизмов.

Ключевые слова: манипуляция; интертекстуальный элемент; библеизм; единица перевода.

Возникнувшее в предметном поле психологии понимание манипуляции как скрытого социального и личностного воздействия (манипулирования) достаточно быстро распространилось и на другие области гуманитарных знаний и человеческой деятельности — переговоры, рекламу, торговлю, средства массовой информации и т. д. Лексема «манипуляция» представляет собой некую метафору, которая формировалась постепенно и стала в итоге обозначать технологию управления поведением людей, программирование мнений и устремлений масс, их настроений и психического состояния с целью обеспечить поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции. К наиболее эффективным и универсальным инструментам манипулирования сознанием, несомненно, относится литература. При этом литературные тексты и прежде всего «сильные» тексты культуры — тексты с высоким эстетическим потенциалом, создающие информационный резонанс [8], — нередко продолжают свое существование во вторичных формах, среди которых важное место принадлежит переводам. Как следствие, на протяжении десятилетий как вид манипулятивного воздействия рассматривается переводческая манипуляция.

В художественном переводоведении манипуляция определяется как один из важнейших категориальных признаков, она предполагает интерпретацию оригинала в социальном, историческом и культурном контекстах в целях оказания воздействия на читателя. Принципы школы манипуляции в переводоведении (Г. Тури, Д. Холмс) имеют исходную литературоведческую природу, они основаны на концепции литературной полисистемы израильского лингвиста и культуролога И. Эвен-Зохара, восходящей к идеям русского формализма и пражского структурализма. Согласно данной концепции литература, как общее культурное пространство, имеет гетерогенную структуру и состоит из отдельных литературных систем, в каждой из которых существуют свои собственные правила. Крайне важно, что системы, входящие в состав общей литературной полисистемы, находятся в постоянном движении: каждая из них может стать лидирующей, и в то же время ни одна из них не может занимать главенствующую позицию в течение продолжительного времени [12].

Переводная литература также составляет отдельную систему в пространстве полисистемы культуры и соответственно полисистемы литературы языка перевода и наравне с другими системами культуры может занимать как центральную, так и периферийную позицию. Параметры процесса перевода и встраивания переведенного текста в другую культуру задаются базовыми моделями и условиями литературной полисистемы языка и культуры перевода. Такому пониманию освоения «чужого» литературного текста в принимающей культуре созвучны рассуждения Р.Р. Чайковского о явлениях неисчерпаемости художественного оригинала и переводной множественности. Он предлагает рассматривать существующие переводные варианты художественных текстов как некую «третью литературу», занимающую промежуточное место между иноязычной литературой (литературой переведенного оригинала, «чужой») и литературой языка перевода («своей») [10].

Обращение к вопросам художественного перевода с позиции теории полисистемы значительно изменило статус переводного текста, показав, что переводную литературу следует изучать наравне с литературой, созданной на языке перевода. Придание корпусу переводных текстов статуса полноценной системы выявило необходимость и важность одновременного изучения большого объема переводов, что, в свою очередь, дало толчок к развитию нового направления переводоведения — корпусного, предполагающего внедрение в методологическую базу переводоведения корпусных технологий.

Представители манипулятивной школы считают, что каждый текст перевода — результат манипуляции языком оригинала и культурой перевода. Данный вывод позволяет утверждать, что манипуляция в художественном переводе практически неизбежна. Так, практик и теоретик перевода из Латвии А. Дукатэ считает манипуляцию в переводе «переводческой трактовкой текста, результатом которой является адаптация текста для аудитории языка перевода, учитывающая культурные, идеологические, лингвистические и литературные различия между контактирующими культурами, которая происходит в определенном культурном

окружении и осуществляется человеком-посредником, с возможным влиянием личных или психологических факторов на конечный продукт»¹ [11]. Рассматривая манипуляцию в аспекте интенциональности переводчика (манифестации творческой личности в переводе), Н.Г. Корнаухова использует термин «версия» для обозначения перевода как результата особого языкового посредничества и дает характеристику различным версиям перевода, выделяя конверсивный, субверсивный, перверсивный, аверсивный и диверсивный виды манипуляции в переводе [6: с. 181].

Таким образом, в специальных исследованиях манипуляция практически единодушно трактуется как важнейшая обязательная категория художественного перевода, поскольку она тесно связана с множеством различий контактирующих в процессе переводов культур и прежде всего с различиями идеологического характера. В создаваемом вторичном тексте переводчик будет вынужден либо избегать, либо демонстрировать столкновение языковых и культурных параметров оригинала с доминирующими культурными нормами языка перевода.

По мнению А. Краминой, в предметном поле перевода существует два вида манипуляции. На первый вид влияют идеологические, экономические, социальные, политические и культурные факторы, такая манипуляция происходит сознательно и может быть определена как *сознательная*. Второй вид происходит вследствие низкого профессионального уровня переводчика, его незнания или даже неспособности правильно и полностью воспринять и декодировать информацию оригинала и может быть определен как манипуляция *бессознательная*, т. е. возникающая под сильным воздействием психологических факторов и являющаяся соответственно психологическим феноменом.

Переводчик, стремясь произвести текст, приемлемый для общества языка перевода, вынужден учитывать различные ограничения, обусловленные политическими и литературными структурами власти в данном обществе [13: р. 37]. Один из основателей манипулятивного переводоведения — А. Лефевр, называет два ограничения, влияющие на сознание переводчика, это: 1) собственная (сознательная или бессознательная) идеология и «поэтика», доминантная в культуре языка перевода; 2) комбинация литературных приемов, жанров, мотивов, прототипов героев, ситуаций и символов, а также понимание того, какую роль играет или должна играть литература в социальной системе [14].

Нельзя не согласиться с тем, что доминантная роль в определении переводческой политики, бесспорно, принадлежит идеологическим факторам. Так, в странах мира в различные исторические периоды некоторые художественные тексты не переводились вовсе или переводились в соответствии с определенными требованиями. Одним из ярких примеров может служить переводческая политика, проводившаяся в СССР и являвшаяся частью властного института советской цензуры — контроля советских и партийных органов над содержанием

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

и распространением информации. Для осуществления цензуры печатных изданий в СССР в 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), просуществовавшее до 1991 г. В результате крайне жесткого и тотального литературного контроля очень многие произведения иностранной литературы, не соответствующие официальной идеологии государства, считались вредными или нежелательными и, как следствие этого, не переводились либо переводились с множеством купюр и изменений текста оригинала.

С точки зрения манипулирования сознанием потенциального читателя текста перевода большой интерес представляет история русских переводов романа Д. Дефо «Робинзон Крузо», увидевшего свет в 1719 г. Известно, что первый перевод романа на русский язык был выполнен Я. Трусковым с французского перевода и опубликован в 1762–1764 гг. Ярким примером влияния идеологии на содержание переводного произведения является русскоязычная версия романа Д. Дефо, напечатанная в Ленинграде в издательстве «Прибой» уже при советской власти в 1925 г. Примечательно, что коммунистическая идеология нашла отражение и в названии вторичного текста русского перевода, в котором содержится прямое указание на целевую аудиторию читателей: «Робинзон Крузо. Новая переделка для рабоче-крестьянской молодежи». Очевидно, что изменение социально-возрастного адресата романа «ведет к переосмыслению классического текста, нарушает идентичность адресности, идущей от автора, снижает авторитетность текста» [5: с. 111]. Книга вышла под редакцией и с предисловием партийного и государственного деятеля в области социального воспитания детей З.И. Лилиной, которая, не изменяя текста произведения, снабжает каждую главу собственными аннотациями, направляющими восприятие и понимание романа в идеологически правильное русло. Манипуляция сознанием читателей данного перевода проходит непосредственно и эксплицитно.

Большого внимания в контексте проблем манипуляции заслуживает и другой русский перевод романа Д. Дефо. В вольной интерпретации (нередко называемой пересказом в подзаголовке издания), опубликованной в 1934 г., К. Чуковский значительно трансформировал образы героев художественного текста, написанного в начале XVIII в. Изменения коснулись прежде всего религиозного контекста романа, религиозно-философских размышлений главного героя, поскольку потенциальными читателями русскоязычного перевода были советские дети. И роман стал «книгой для детей». Если в оригинале главный герой напрямую ассоциируется с известным библейским образом блудного сына и адресован прежде всего читателю-христианину, то у К. Чуковского очевидная библейская интертекстуальность практически полностью утрачена. Переводчик подверг оригинал существенным сокращениям за счет опущения описаний духовных мук и исканий героя. У Д. Дефо возвращение героя домой — это прежде всего возвращение к Богу после многолетних поисков смысла жизни, а отношения Робинзона и Пятницы — история обращения аборигена в христианскую веру. Следует заметить, что

герой романа Д. Дефо без религиозных размышлений и исканий не мог бы быть героем третьей книги о Робинзоне Крузо — «*Serious Reflections of Robinson Crusoe*», которая до настоящего времени не переведена на русский язык. Можно заключить, что поскольку интертекстуальные элементы могут быть легко идентифицированы переводчиком в художественном оригинале, в случае их замены или опущения речь идет о сознательной манипуляции, произошедшей по причине идеологического влияния.

Понимание манипуляции как социально-психологического феномена, представляющего собой стремление изменить восприятие или поведение других людей, позволяет рассматривать данное явление в предметном поле перевода как вид психологического, социального воздействия, которое осуществляется скрытно и ставит своей задачей установить контроль над поведением адресата информации, лишить объект воздействия свободы выбора через изменение его представлений. Манипуляция в переводе, несомненно, интересна тем, что в большинстве случаев читатели не осознают, что они подвергаются манипуляции.

В данном исследовании манипуляция в переводе рассматривается на примере библейских интертекстуальных элементов. Анализируемые переводы свидетельствуют о сознательной идеологической манипуляции. Единицей перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод, в данном случае выступают интертекстуальные элементы — *библейзмы*, понимаемые как слова и выражения, взятые автором из Библии и употребляемые в художественном оригинале. Исследуемые переводы произведений были сделаны в эпоху антирелигиозной кампании, в период которой религиозные ссылки и упоминания в художественной литературе были под запретом. Переводчики, стараясь избегать библейских элементов, должны были тем не менее осуществить эквивалентный и адекватный перевод оригинала, что соответствовало переводоведческой традиции и практике того времени.

Говоря о стратегиях перевода интертекстуальных элементов, необходимо учитывать, что сама культура интертекстуальна, и перевод является очевидным свидетельством связи между различными текстами одной или нескольких культур, важной формой межкультурной коммуникации. Передача в переводе любого интертекстуального элемента (в частности, библейзма) — «задача, бесспорно, сложная, так как требует от переводчика изучения различных слоев “ядерных” текстов принимающей и передающей культур наиболее энергетически сильных — как межкультурных и вневременных; текстов, общих для нескольких культур; и национально специфичных текстов» [7: с. 106]. Текст Библии, бесспорно, относится к сильным текстам мировой культуры, которые знакомы и значимы для большинства культур современного мира.

Библейзмы — универсальные интертекстуальные элементы, поскольку представлены как в русской, так и в англофонных культурах, выполняют идентичные функции в оригинальных и переводных произведениях. Библейзмы связаны

с передачей содержания Ветхого и Нового Завета и вызывают в памяти соответствующие ассоциации [9]. Таким образом, библеизмы могут быть переданы в переводе эквивалентными интертекстуальными элементами.

В анализируемых текстах — произведениях британских и американских авторов XIX – начала XX в. — были выявлены следующие способы перевода интертекстуальных элементов:

1. Опускание интертекстуального элемента: «What'd they get? *God knows the lan' ain't no good. Nobody been able to make a crop for years*» [2: p. 81]. «Что они еще получают? Земля истощена. У нас уже несколько лет плохие урожаи» [4: с. 55]. В приведенном отрывке междометие *God knows* проигнорировано переводчиком, что изменило экспрессивность художественного текста. Автор оригинала намеренно использует слова и выражения из Библии, показывая религиозность героев. В переводной версии данный аспект жизни главных героев произведения не представлен. Имеет место опускание единиц оригинала, имеющих культурные коннотации, данный прием является одной из форм манипуляции, искусной формой обмана, используемой для сокрытия истинной информации [15].

2. Замена интертекстуального элемента аналогом, не имеющим интертекстуальной связи с текстом Священного Писания: «She could not see why Mrs. Touchette should *make a scapegoat of* a woman who had really done no harm, who had only done good in the wrong way» [1: p. 271]. «Она отказывалась понимать, почему миссис Тачит *отыгрывается* на этой женщине, которая никому не сделала зла и даже делала много хорошего, хотя и дурными путями» [3: с. 227]. В данном отрывке фразеологическая единица *make a scapegoat of somebody* (сделать кого-то козлом отпущения) идентифицирована переводчиком, но в русском произведении сознательно заменена глаголом *отыгрывается*. Данный способ перевода интертекстуального элемента позволил передать его значение на семантическом уровне, но замена фразеологической единицы-библеизма глаголом изменила характер экспрессивности текста оригинала.

3. Антонимический перевод интертекстуального элемента библейского происхождения: «I remember a piece of poetry, this here guy wrote down. It was about him and an' a couple other guys goin' all over the world, drinkin' and raisin' hell and screwin' around. I wisht I could remember how that piece went. This guy had words in it that *Jesus H. Christ* wouldn't know what they meant» [2: p. 44]. «Одни его стихи я помню. Там так было: будто он и еще двое его приятелей разъезжают по всему свету, пьянствуют, дебоширят. Эх, жалость, всего не могу повторить! Он там таких длинных слов наворочал, сам *черт* не разберет!» [4: с. 13]. В данном отрывке библейская единица *Jesus H. Christ* переведена антонимичным наименованием *черт*. Этот способ позволяет сохранить интертекстуальный характер художественных текстов, но изменяет коннотацию перевода. Таким образом, идентифицировав интертекстуальный элемент в тексте оригинала, переводчик под влиянием идеологии передал его посредством негативного аналога, что изменило экспрессивное содержание высказывания главного героя произведения и, как следствие, восприятие текста читателем русскоязычного произведения.

4. Замена слов и выражений из Библии частицами: «Tom laughed. “By God, if he lives to be two hundred you never will get Grampa house broke,” he said. “You’re all set on goin’, ain’t you Grampa?”» [2: p. 118]. «Том засмеялся. — Да такой хоть до ста лет доживет, его все равно не обуздаешь, — сказал он. — Значит, в путь-дорогу, дед?» [4: с. 97]. В данном случае междометие *by God* из текста оригинала передано в переводе частицей *да*. Представленный способ перевода интертекстуального элемента изменяет семантику и экспрессивность перевода по сравнению с оригиналом.

Можно заключить, что в переводах указанных ранее произведений имеет место сознательная манипуляция — переводчики избегают использования интертекстуальных элементов из Библии, заменяя их полностью или изменяя коннотацию интертекстуального элемента. В большинстве случаев (замена или изменение коннотации) интертекстуальный элемент идентифицируется переводчиком, но не переводится соответствующим библеизмом. Данные способы перевода приводят к полной или частичной утрате интертекстуальности. При этом, согласно исследованиям Г.К. Саймона, делается ставка на наивность объекта манипуляции: жертве манипуляции трудно согласиться с идеей, что некоторые люди хитры, нечестны и безжалостны, что ею манипулируют [15]. Не имея возможности прочитать художественное произведение на языке оригинала, читатели искренне верят, что воспринимают эквивалентные переводы британских и американских авторов.

Таким образом, с учетом того, что переводы анализируемых произведений британской и американской литературы конца XIX – начала XX в. были выполнены при советской власти, когда существовавшая идеология не допускала никакой связи с религией, переводчик, идентифицировав интертекстуальный элемент в оригинале, по идеологическим, политическим и социальным причинам пытался соответствовать требованиям эпохи в силу особенностей экстралингвистической ситуации. Заметим, что большинство произведений, переведенных в тот период, по-прежнему еще без изменений переиздаются для современных читателей. Искаженная передача библеизмов оригинала в переводах или их купирование изменяет информационный потенциал вторичного художественного текста и снижает его экспрессивность, что является бесспорной переводческой потерей и имеет своим результатом манипулирование сознанием читателей переводов.

Библиографический список

Источники

1. James H. The Portrait of a Lady. London: Marshall Cavendish Ltd., 1987. 576 p.
2. Stainbeck J. The Grapes of Wrath. M.: Progress Publishers, 1978. 530 p.
3. Джеймс Г. Женский портрет / пер. с англ. М.А. Шерешевской, Л.Е. Поляковой. М.: Наука, 1984. 589 с.
4. Стейнбек Д. Гроздь гнева / пер. с англ. Н. Волжиной // Стейнбек Д. Собр. соч.: в 6 т. Т. III. М.: Правда, 1989. С. 5–480.

Литература

5. *Викулова Л.Г.* К проблеме понимания классики, или Как издатели отчуждают текст от автора // Понимание в коммуникации. Т. 1. М.: МГПУ. 2009. С. 109–115.
6. *Корнаухова Н.Г.* Перевод VS. Версия: виды манипуляции в художественном переводе // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. «Филология». 2011. № 2 (14). С. 176–184.
7. *Кузьмина Н.А.* Феномен художественного перевода в свете теории интертекста // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.) / Рос. академия наук. Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2001. С. 97–111.
8. *Разумовская В.А.* «Сильные» тексты культуры и центры переводческой аттракции // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 7 (5). С. 834–847.
9. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* Понятие «библейский язык» как переводческая проблема // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13). С. 47–53.
10. *Чайковский Р.Р.* Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
11. *Dukate A.* Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting. Riga: University of Latvia, 2007. 212 p.
12. *Even-Zohar I.* The position of Translated Literature within the Literary Polysystem // Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies. Leuven: Acco, 1978. P. 117–127.
13. *Kramina A.* Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes // Studies about Languages. 2004. № 6. P. 37–41.
14. *Lefevere A.* Translation, Rewriting and Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 1992. 170 p.
15. *Simon G.K.* In Sheep's Clothing: Understanding and Dealing with Manipulative People. Little Rock: A.J. Christopher & Co, 1996. 122 p.

References

Istochniki

1. *James H.* The Portrait of a Lady. London: Marshall Cavendish Ltd., 1987. 576 p.
2. *Stainbeck J.* The Grapes of Wrath. M.: Progress Publishers, 1978. 530 p.
3. *Dzhejms G.* Zhenskij portret / per. s angl. M.A. Shereshevskoj, L.E. Polyakovoj. M.: Nauka, 1984. 589 s.
4. *Stejnbek D.* Grozd'ya gneva / per. s angl. N. Volzhinoj // Stejnbek D. Sobr. soch.: v 6 t. T. III. M.: Pravda, 1989. S. 5–480.

Literatura

5. *Vikulova L.G.* K probleme ponimaniya klassiki, ili Kak izdateli otchuzhdaut tekst ot avtora // Ponimanie v kommunikacii. T. 1. M.: MGPU. 2009. S. 109–115.
6. *Kornaukhova N.G.* Perevod VS. Versiya: vidy' manipulyacii v xudozhestvennom perevode // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. «Filologiya». 2011. № 2 (14). S. 176–184.

7. *Kuz'mina N.A.* Fenomen xudozhestvennogo perevoda v svete teorii interteksta // *Tekst. Intertekst. Kul'tura: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 4–7 aprelya 2001 g.) / Ros. akademiya nauk. In-t rus. yazy'ka im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2001. S. 97–111.*
8. *Razumovskaya V.A.* «Sil'ny'e» teksty' kul'tury' i centry' perevodcheskoj attrakcii // *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser. «Gumanitarny'e nauki». 2014. № 7 (5). S. 834–847.*
9. *Xuxuni G.T., Osipova A.A.* Ponyatie «bibleiskii yazy'k» kak perevodcheskaya problema // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13). S. 47–53.*
10. *Chajkovskij R.R.* Real'nosti poe'ticheskogo perevoda (tipologicheskie i sociologicheskie aspekty'). Magadan: Kordis, 1997. 197 s.
11. *Dukate A.* Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting. Riga: University of Latvia, 2007. 212 p.
12. *Even-Zohar I.* The position of Translated Literature within the Literary Polysystem // *Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies. Leuven: Acco, 1978. P. 117–127.*
13. *Kramina A.* Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes // *Studies about Languages. 2004. № 6. P. 37–41.*
14. *Lefevere A.* Translation, Rewriting and Manipulation of Literary Fame. London; New York: Routledge, 1992. 170 p.
15. *Simon G.K.* In Sheep's Clothing: Understanding and Dealing with Manipulative People. Little Rock: A.J. Christopher & Co, 1996. 122 p.

*V.A. Razumovskaya,
N.V. Klimovich*

Manipulation in Translation of Intertextual Elements in a Literary Text

The paper considers the intertextual elements used as an effective means of manipulation of readers' consciousness and a purposeful influence on their perception of a translated text. Biblicisms, being one of the most numerous groups of intertextual elements presented in the literary texts and regular units of translation are in the focus of attention.

Keywords: manipulation; intertextual element; biblicism; translation unit.

Т.А. Быстрова

Реалии послевоенного времени в романе Энрико Брицци «Лоренцо Пеллегрини и женщины»: трудности перевода

В статье анализируются трудности, возникающие при переводе реалий, характерных для итальянского общества 1930–1940-х гг. Предпринята попытка классификации выявленных реалий, предлагаются и обосновываются варианты их перевода.

Ключевые слова: современная итальянская литература; художественный перевод; проблема перевода реалий; Энрико Брицци.

В романе современного итальянского писателя Энрико Брицци (Enrico Brizzi, род. 1970) «Лоренцо Пеллегрини и женщины» [1] наблюдается широкий пласт реалий, характерных для итальянского общества 1930–1940-х гг. Фоном для событий романа является родной город писателя — Болонья послевоенного времени. Трудно вообразить послевоенную Италию без общественно-политических и бытовых особенностей, характеризующих страну в годы фашистского режима и его распада, в связи с чем представляется важным рассмотреть реалии, передающие национально-историческую специфику данного периода, а также предложить возможные способы их перевода на русский язык.

Любой художественный текст можно воспринимать как источник культурологической информации [5: с. 30], где реалии помогают не только погрузить читателя в атмосферу произведения, но и подчеркивают те элементы культуры, на которых строится представление народа о собственной национальной идентичности. В конце 1940-х гг. национальная идентичность приобретает для итальянцев особую важность, поскольку пережившим войну европейцам требуются опорные понятия в собственной культуре, чтобы связать воедино жизнь до и после войны, преодолеть тяготение к замкнутости и настороженному отношению к чужой (немецкой) культуре [2: с. 39].

Являясь репрезентантами национального колорита, реалии, как правило, не имеют точных эквивалентов в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода [3: с. 47]. Принимая классификацию, предложенную С.И. Влаховым и С.Г. Флориным [3], выделим следующие типы реалий: *географические* (топонимы), *этнографические* (отражающие культуру, язык, быт), *общественно-политические* (политические организации и деятели, социальные явления и учреждения и т. д.),

местные (характерные только для данного региона), *временные* (характерные только для данного исторического периода).

В анализируемом романе присутствуют все типы обозначенных реалий. Приведем примеры использования реалий автором и переводческие решения, предлагаемые нами в каждом конкретном случае.

Географические реалии:

«I monumenti alla sua persona erano disseminati dall'Oltralpe ex austriaco ai margini del Sahara...» [1: p. 31].

В русском языке топоним *Oltralpe* («за Альпами») отсутствует, поэтому простая транскрипция реалии не будет восприниматься читателем перевода, вследствие чего представляется уместным опустить реалию и раскрыть смысл высказывания, прибегнув к генерализации: «Памятники в его честь можно было встретить *повсюду* от бывших австрийских Альп и до границ пустыни Сахара» (здесь и далее перевод наш. — Т. Б.).

В послевоенные годы в итальянском языке появляется целый пласт лексики для обозначения новых явлений и понятий. Победа над фашизмом и завершение периода диктатуры Бенито Муссолини, активное распространение социалистических и коммунистических идей, быстрый экономический рост, общий подъем патриотизма — все это принесло значительные перемены в жизнь итальянского общества. В послевоенный период итальянцы находятся в поисках новых ценностных ориентиров, и зародившийся на этом фоне «американский миф» о благодатной жизни оказывает сильное влияние на культуру и привычки народа, вследствие чего возникает масса заимствованных **этнографических реалий**. Пришедшие из-за океана джаз и свинг становятся популярными и модными музыкальными жанрами. Свинг — отправная точка в жизненной философии героя Брицци, синоним его внутренней свободы: «Evidentemente, per lei ego troppo *swing*...» [1: p. 26].

При переводе заимствования *swing* можно сохранить латинскую графику оригинала, чтобы передать колорит иностранного для героя слова или передать его прилагательным «свинговый»:

1. «Совершенно очевидно, что для нее я был очень уж *swing*».
2. «Совершенно очевидно, что для нее я был слишком *свинговый*».

Новая жизнь после войны дала толчок к увлечению модой. Туринская компания-производитель оправ и солнцезащитных очков *Persol* начала выпуск солнцезащитных очков, которые получили одноименное название от итальянского словосочетания *per il sole* — от солнца. При переводе данной реалии представляется уместным ввести уточнение, не ограничиваясь транслитерацией:

«Prima della fine della vacanza, babbo mi aveva scortato a comprare un paio di *Persol* e una maglia da mozzo a strisce bianche e rosse, feticci dai quali non mi sarei separato piu sino alla fine dell'estate...» [1: p. 22].

«Когда каникулы подходили к концу, отец отправился со мной в магазин, где купил мне *очки модной марки Персоль* и майку юнги в бело-красную полоску. Эти вещи сразу стали моими талисманами, и я не расставался с ними до конца лета».

Общественно-политические реалии составляют в романе Э. Брицци самую обширную группу. Исторический период, нашедший отражение в произведении, характеризовался кардинальными изменениями в политическом устройстве итальянского государства, что породило большое количество новых явлений в общественно-политической жизни. Например, слово *Дуче*, официальный титул Бенито Муссолини, вошло во многие языки. Диктатор уделял большое внимание унификации и распространению литературного итальянского языка, активно пользовался лозунгами [4], что нашло отражение в романе Э. Брицци:

«*“Vincere, e vinceremo” era scritto a vernice sui muri in rovina delle case bombardate...*» [1: p. 16].

«*“К победе и победим”* — зывали надписи со стен полуразрушенных бомбежками домов».

Придя к власти в 1922 г., Муссолини сразу взял под личный контроль большую часть министерств. Помимо занимаемой должности премьер-министра, он возглавлял Национальную фашистскую партию и фашистскую милицию, в задачи которой входило подавление всякого сопротивления действующему режиму. Выстраивая полицейское государство, Муссолини создавал новые военные подразделения, органы власти и общественные организации, названия которых рассыпаны по всему роману. При переводе подобных реалий уместно ввести пояснительные конструкции или использовать описательный перевод. Среди часто встречающихся аббревиатур можно отметить *OVRA (Organo di Vigilanza dei Reati Antistatali)* — выполнявший функции личной службы безопасности Дуче. При переводе мы использовали транслитерацию с пояснением:

«*Per fare capire al Vaticano che si faceva sul serio l’OVRA raccolse informazioni in tutta Italia sulla condotta dei sacerdoti...*» [1: p. 33].

«Ватикан понял серьезность намерений Дуче, когда *ОВРА — организация по выявлению и подавлению антифашизма* — начала крупномасштабную проверку деятельности священнослужителей по всей Италии».

В конце 1943 г. из десантников, принесших присягу итальянской республике, Муссолини образовал элитный парашютный полк *Folgore (Молния)*. При переводе данного наименования можно использовать как транслитерацию, так и калькирование, а также уместно ввести пояснительную конструкцию:

«*Il Duce non intendeva spingersi a scatenare la Folgore contro le Guardie svizzere, ma il secondo proposito corrispondeva esattamente al suo volere...*» [1: p. 35].

1. «И хотя Дуче не думал направлять на швейцарских гвардейцев *элитный парашютный полк Фольгоре*, в душе он хотел именно этого».

2. «И хотя Дуче не думал направлять на швейцарских гвардейцев *парашютный полк быстрого реагирования, так называемую “Молнию”*, в душе он хотел именно этого».

За время правления Муссолини в Италии было создано множество организаций для детей и подростков. Одной из первых стала фашистская военно-патриотическая организация *ONB (Opera Nazionale Balilla)*, просуществовавшая с 1926 по 1937 г. Ее название происходит от слова *balilla* (на генуэзском диалекте —

маленький мальчик). Аналогом организации можно считать пионерскую организацию. Несмотря на то, что лексема «пионер» отсылает прежде всего к советской истории, ее употребление может быть уместно при переводе данной реалии. Как второй вариант предлагается транслитерация.

«Replicai a fatica, emozionato come quand'ero *balilla*, che sarebbe stato davvero un peccato, lasciar passare tanto tempo...» [1: p. 25].

1. «Эмоции переполняли меня, точно я снова вступал в *пионеры*, и в ответ я смог лишь пролепетать, что было бы ужасно жаль потерять столько времени».

2. «Эмоции переполняли меня, как в детстве, когда меня принимали в *балиллы*, и в ответ я смог лишь пролепетать, что было бы ужасно жаль потерять столько времени».

Была и другая подобная организация, *GIL, Gioventù italiana del littorio*, просуществовавшая с 1937 по 1943 г. Название организации происходит от слова *littore* (ликтор, госслужащий в Древнем Риме). Эта аббревиатура активно используется Брицци. При переводе предлагается применять прием калькирования и транскрипции: *Итальянская ликторская молодежь, ДЖИЛ*.

Исследователи отмечают, что для итальянца характерна двойная идентичность: локальная и национальная. Родина итальянца — это прежде всего его городок, *paese*, затем регион и лишь потом Италия. Данное явление, получившее название *campanilismo*, находит свое отражение во всех областях итальянской жизни. Поскольку автор романа из города Болонья, местные реалии относятся к зоне региона Эмилия-Романья.

Наиболее активно используются такие реалии для обозначения блюд региональной кухни. Так, главный герой романа не просто обедает или ужинает, а скрупулезно перечисляет все местные блюда, которые употребляет: тортеллини, жаркое по-болонски, рисовая запеканка и т. д. Кулинарные реалии Италии уже вошли во многие языки мира, включая русский, поэтому применение транслитерации при их переводе вполне оправдано. В некоторых случаях переводчик может вводить в текст пояснения или аналогичную замену:

«Amava ricordare mio padre fra una scodella di *tortellini* e un *fritto misto alla petroniana*...» [1: p. 17].

«Мой отец обожал предаваться воспоминаниям в перерывах между *пельмешками тортеллини* и *традиционным жарким по-болонски*».

Если «тортеллини» хорошо знакомы российскому читателю, то «фрито мисто по-петрониански», смесь обжаренных в кляре кусочков мяса, сыра и овощей, легко перепутать с уже известными жареными морепродуктами. «По-петрониански» — еще одна местная реалия, означающая «по-болонски», поскольку покровитель города — святой Петроний.

Среди **временных реалий** выделим лексему *oratorio*. Первоначально ораторием называли специальное помещение при церкви, использовавшееся для чтения Библии и проповедей под музыку. В романе Э. Брицци данная лексема употреблена в современном понимании — помещение, где собираются дети для участия в богослужении и молитвах. В переводе предлагается транслитерация:

«Nella primavera 1949 furono tratti in arresto decine di preti, accusati di intollerabili abusi sui fanciulli degli *oratori* e delle colonie estive...» [1: p. 33].

«Полученные в ходе проверки сведения послужили основанием для отправки за решетку весной 1949 г. нескольких десятков священников, обвиненных в недопустимых действиях в отношении детей из *ораториев* и летних лагерей».

Брицци определяет жанр своего произведения как роман-фантазмагорию, что важно учитывать, поскольку, наряду с описанием действительно происходивших исторических событий, в тексте приводятся придуманные факты, описываются вымышленные события и герои. Вот почему представляется возможным выделить в отдельную категорию **псевдореалии**, созданные автором. Их цель — еще глубже погрузить читателя в атмосферу произведения. У подобных реалий есть прототипы. Описывая псевдореалии, Брицци опирается на уже существующие и известные читателю явления, события, названия и имена, с которыми сохраняется ассоциативная связь. Так, рассказывая про мальчика, который бравивирует перед одноклассниками значком *CLR, Comitato Littorio di Resistenza* (Ликторский комитет сопротивления) на лацкане пиджака, автор использует псевдореалию, проводя аналогию с действительно существовавшим во время Второй мировой войны *CLN, Comitato di Liberazione Nazionale* (Комитет национального освобождения).

Повествуя о сепаратистских движениях в Италии, автор выводит на сцену участников вымышленной организации *Fus, Fronte Unico Sardista* (Единый Сардский Фронт), по всей вероятности, делая отсылку на одну из старейших итальянских партий, борющихся за независимость острова Сардинии от Италии, Партию действия. Еще одна псевдореалия — организация *GESPE*, которую, исходя из контекста, можно раскрыть как *Gestione di proprietà ecclesiastica* (Управление церковным имуществом). При переводе аббревиатур возможно два варианта — передача итальянской аббревиатуры буквами русского алфавита — *КЛР, КЛН, ДЖЕСПЕ, ФУС*, или же создание новой, составленной из первых букв переведенного названия — *ЛКС, КНО, УЦИ, ЕСФ*.

Наряду с известными историческими фигурами в романе действуют и вымышленные персонажи, например, государственный секретарь Фадда и Папа Григорий XVII. Рассказывая об эвакуации во время военных действий, герой сообщает, что его семью отправили «на юг от Сципионовой линии» (*Linea Scipio*), каковой на самом деле никогда не существовало.

Проблема перевода псевдореалий заключается прежде всего в их выявлении и требует от переводчика большой эрудиции. Установив, что слово является псевдореалией, переводчик должен сопоставить ее с реальным прототипом, а при отсутствии такового определить мотивацию введения автором псевдореалии и выбрать наиболее подходящий вариант перевода.

Проанализировав реалии, фигурирующие на страницах романа Энрико Брицци, можно сделать вывод о том, что наиболее успешно итальянский колорит реалии передает прием транслитерации, однако часто требуется введение в текст перевода пояснительных слов и конструкций. Передача же культурно-маркированной лексики путем отсылок к реалиям страны языка перевода позволяет добиться эффекта узнавания реалии, однако лишает ее национального колорита.

Библиографический список**Источники**

1. *Brizzi E.* Lorenzo Pellegrini e le donne. Roma, Italice Edizione, 2012. 352 p.

Литература

2. *Викулова Л.Г., Кулагина О.А.* Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Черная тетрадь») // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 2 (12). С. 33–42.
3. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
4. *Костева В.М.* «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике. М.: МГПУ, 2013. 128 с.
5. *Тимашева О.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: Флинта, 2014. 192 с.

References**Istochniki**

1. *Brizzi E.* Lorenzo Pellegrini e le donne. Roma, Italice Edizione, 2012. 352 p.

Literatura

2. *Vikulova L.G., Kulagina O.A.* Nacional'naya identichnost' v kontekste inakovosti: yazy'kovaya reprezentaciya oppozicii «svoj» – «chuzhie» vo francuzskoj literature XX veka (na materiale sbornika e'sse F. Moriaka «Chernaya tetrad'») // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 2 (12). S. 33–42.
3. *Vlaxov S.I., Florin S.P.* Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1980. 343 s.
4. *Kosteva V.M.* «Totalitarnaya» lingvistika i ee proyavlenie v Yazy'kovoj politike. M.: MGPU, 2013. 128 s.
5. *Timasheva O.V.* Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii: ucheb. posobie. M.: Flinta, 2014. 192 s.

T.A. Bystrova

**Post-war Reality Items in Enrico Brizzi's Novel
«Lorenzo Pellegrini and Women»: Problems of Translation**

The article deals with the problems one faces when translating Italian reality items of 1930–1940 from Italian into Russian. A typology of the identified reality items is proposed, as well as justified ways to translate them.

Keywords: modern Italian literature; literature translation; reality items translation problem; Enrico Brizzi.

Н.А. Нечаева

Языковая картина мира: наивная и научная

В статье рассматривается понятие «картина мира» в аспекте корреляции с наивной и научной моделью мира. Данное понятие детерминируется как целостная система индивидуальных и коллективных знаний и представлений о мире, сформированных в сознании человека и оформленных в языке. Объясняется различие между научным и обиходным мышлением, связанное с проблемой представления знания в языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая, наивная и научная картины мира; гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

В современной научной трактовке термин «картина мира» понимается как «наиболее общее интегральное восприятие мира в его целостности, совокупности знаний, формирующееся при участии всех уровней и форм познания: теоретического, эмпирического, логического, чувственного, научного, философского, обыденного, религиозного и мифологического» [10: с. 118]. Концепция картины мира берет свое начало из предположения о существовании двух миров — первичного и вторичного, объективность которых обусловлена их отражением, что является принципиальным и существенным условием жизнедеятельности человека. Эволюция картины мира (в некоторых работах — образ мира, модель мира) определяется организацией существования мира по линейным и циклическим моделям, «конфликтная соотнесенность которых всегда была динамическим фактором развития культуры» (цит. по: [6: с. 83]).

Понятие языковой картины мира (ЯКМ) восходит к идеям В. фон Гумбольдта, который полагал, что языки различаются мировидениями, и язык обуславливает «языковое сознание народа». В современной трактовке данное понятие базируется также на идеях неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, В. Порциг, Й. Трир и др.) о внутренней форме языка как промежуточном мире, находящемся между сознанием человека и действительностью.

В исследованиях, посвященных картине мира, постулируется тот факт, что данный образ существует в сознании человека [5; 10; 13; 14 и др.]. Считается, что картина мира есть целостная система субъективных и объективных, индивидуальных и коллективных знаний и представлений о мире, сформированных в сознании человека и оформленных в языке, которые конфигурируются особым образом.

Эти идеи продолжены американской этнолингвистикой и выражены, в частности, в так называемой гипотезе лингвистической относительности

Сепира – Уорфа, суть которой состоит в том, что человек классифицирует явления в природе и вычленяет их соответственно своему сознанию, и этот «калейдоскопический поток впечатлений» организовывается языковой системой, хранящейся в сознании человека [16; 17]. Как результат — деление картины мира на *наивную* (обиходную) и *научную*, что связано с проблемой представления знания в языковой картине мира, потому что, во-первых, концепция картины мира есть метафорическое и метонимическое переосмысление понятия знания, полученного в результате индивидуального и социального опыта, и способов его представления, во-вторых, в языковой (или «языковленной») форме опытное знание представлено на двух уровнях: собственно языковое знание и текстовое знание [14: с. 98–101]. Поэтому при подходе к исследованию таких сложных понятий, как «образ мира» и «языковое сознание», необходимо учитывать центростремительные, т. е. коллективные, статические механизмы, а также центробежные, т. е. индивидуальные и динамические механизмы [6: с. 83].

Соотношение научного и обиходного мышления интересует многих лингвистов. Г. Гийом, не пользуясь термином «картина мира», признает «посредничество» «того образа мира, который носим в себе», в нашем видении окружающего мира [8: с. 44], и предлагает оппозицию «обыкновенное – научное мышление» [8: с. 146]. Под обыкновенным мышлением в данном случае понимается так называемая «общая анонимная мысль», т. е. обычное, обиходное мышление, которое характеризуется неосознанностью и находит воплощение в языке, совершаясь «на уровне образов и понятий» [8: с. 210].

По мнению ученых (Ю.Д. Апресян, Б.Л. Уорф и др.), различие между научным и обиходным мышлением — это различие между научной и наивной картиной мира, но провести логически четкую линию демаркации между ними не представляется возможным, поскольку естественный язык выступает основным семиотическим «поставщиком» научного языка — вторичной семиотической системы. Вторичность научной семиотики обусловлена вполне очевидной и естественной причиной: научный язык формирует познание, которое «зародилось в недрах обыденного познания, так как никакого другого познания просто не существовало» [15: с. 26]. Поэтому влияние языкового фактора сказывается и на содержательной, текстовой стороне научной картины мира, которая формируется благодаря уточнениям и спецификациям основных языковых моделей наивной картины мира.

При выявлении расхождений между наивной и научной картинами мира часто подчеркивается, что они заключаются прежде всего в различных способах отражения действительности — чувственном или рациональном, что находит свое выражение в номинации: в основе языковых единиц, отражающих обыденное восприятие, лежит чувственное освоение действительности, а в основе терминов, отражающих научные ментальные процессы, лежит рациональное познание окружающего мира. Действительно, данный постулат верен для идеальной корреляции *наивное — научное знание*. Но в науке фигурируют

и простые формы и методы познания, которые не отличаются от форм и методов, присутствующих вне ее. Одной из таких форм является метафора, которая, по своей сути, отражает обыденное знание. В то же время нередко собственно научные метафоры, проявляющиеся в двух основных формах: в номинации научных понятий и в их описании. Метафорические номинации научных понятий, основанные на обыденном знании, постоянно появляются в экономической терминологии, что подтверждается анализом языковых единиц французского языка экономики, где наблюдается постоянный переход единиц из общелитературного языка в специальные области, происходит процесс *специализации*, например: *portefeuille, maquillage, panier*, etc.:

1. «A la veille l'avocat de la société Bygmalion accuse l'UMP d'avoir *maquillé les comptes* de campagne de Sarkozy. "J'entends parler de l'affaire Bygmalion, mais je pense que c'est plutôt l'affaire des comptes de campagne de Nicolas Sarkozy". La déclaration de l'avocat de l'agence Bygmalion, ce lundi, va assurément... l'UMP [...] *ce système de maquillage des comptes de campagne...*». («Накануне адвокат компании "Бигмалион" обвинил партию "Союз за народное движение" в приукрашивании счетов президентской кампании Саркози. "До меня доходят слухи об афере Бигмалиона, но я думаю, что это скорее манипуляция со счетами кампании Саркози..."») [4].

Одновременно с процессом *специализации* происходит обратный процесс, *дифференциации* значений, при котором языковые единицы специальных областей знания, переходя в общелитературный язык, сохраняя свой «научный статус», становятся единицами общеупотребительного языка, например: *crise de confiance, capital culturel, tenir la banque, concurrence, budget*, etc.:

2. «Le traditionnel tapis vert déployé sur trois tables alignées, la partie commença. Don Nitto *tenait la banque*, moi la caisse, Ciccio Calafiore et Sasà Trubia étaient aux deux tableaux comme on les appelle» («Традиционное зеленое сукно на трех стоявших в ряд столах, партия началась. Дон Нитто *держал банк*, я — кассу, Чиччо Калафиоре и Саша Трубия находились у двух табло, как их называют») [1; p. 80].

Некоторые лингвисты понятие «наивная картина мира» традиционно уравнивают с понятием ЯКМ: «Языковые знания <...> суть не что иное, как компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в самой системе языка, то есть в его словаре и грамматике» [11: с. 100]. С данным автором согласен Ю.Д. Апресян, который связывает наивный образ мира с материальным и духовным опытом народа как носителя языка, в то же время Е.С. Яковлева сравнивает ЯКМ со схемой восприятия действительности определенным языковым коллективом. Из этих определений ясно, что обе картины равны по своему статусу: они существуют только в виде национальных картин мира.

Иной взгляд на соотношение данных понятий отражен в концепции А.В. Кравченко, где указывается на необходимость их различения как раз

по причине несводимости одной категории к другой. Тождество данных картин есть только универсальное выражение концептуализации опыта, в результате которого генерируются два типа знаний: феноменологическое, соотносимое с уровнем наивного представления действительности, и структуральное, включающее в себя научную картину мира. Но оба типа знаний невозможны без языка, следовательно, ЯКМ оказывается более широкой категорией, включающей в себя наивную картину мира [12: с. 139–140].

По нашему мнению, такое уточнение данных понятий достаточно продуктивно: оно обеспечивает системность иерархии картин мира. ЯКМ — языковое знание — становится понятийной категорией, охватывающей собственно языковое, наивное знание — семантическую систему или наивную модель мира, а также обиходное и научное знание в текстовом (языковом) выражении [Там же]. Текстовая, содержательная ЯКМ как герменевтическое понятие создается любой языковой личностью — ученым или обывателем.

Как пример репрезентации и интерпретации одного и того же понятия — экономической нестабильности в стране, субъективного восприятия экономического кризиса и решения выхода из него, основанного на субъективном и коллективном опыте, создание «своей» картины мира, в первом примере — *научной*, во втором — *наивной*, можно привести два текста. Первый текст представляет отрывок из научной диссертации, второй — отрывок из статьи на эту же тему из популярного журнала:

3. «Les solutions pour sortir de la *crise* sont de deux ordres. Il existe d'abord les solutions de court terme, destinées à redonner de la confiance aux différents acteurs, comme les plans de relance. Mais les solutions les plus importantes sont celles qui prennent en compte le long terme, c'est-à-dire les solutions qui assurent une régulation globale de l'*économie* au niveau mondial». («Есть два варианта выхода из *кризиса*. Прежде всего это краткосрочные решения, направленные на восстановление доверия к различным участникам, как, например, план подъема экономики. Но наиболее важные решения — долгосрочные, то есть те, которые обеспечивают глобальное *регулирование экономики* на мировом уровне») [2; p. 121].

4. «C'est sûr le *climat économique* n'est pas folichon. Cependant, ce n'est pas une raison pour se morfondre dans son coin et accepter sa condition sans rien faire. On ne se laisse pas abattre, on agit et pour cela, Cosmo vous donne des conseils pour sortir de "la *crise*" la tête haute. Je me mets au vélo. Prendre sa voiture pour aller au bureau est loin d'être une *économie* pour votre budget, votre temps et votre santé: entre la montée du prix du pétrole, la pollution engendrée, les problèmes techniques qui vous coûtent bonbon, les embouteillages, le temps perdu à trouver une place au parking, le stress et la fatigue accumulés lors des trajets». («Это так, *экономический кризис*, это не шутка. Однако это не повод, чтобы хандрить дома, ничего не предпринимая. Нельзя позволить себе поддаться, нужно действовать, и Космо дает вам советы, как выйти из *кризиса* с высоко поднятой головой. Я сажусь на велосипед. Пользоваться автомобилем, чтобы доехать

до работы, — это не *экономия* для вашего бюджета, времени и здоровья: подъем цен на нефть, увеличение загрязнения среды, технические проблемы стоят вам дорого, как и пробки, потерянное время для поиска места парковки, стресс и усталость, накопленная во время поездки») [3].

Несмотря на одинаковую тему, затронутую в этих текстах, и употребление почти одних и тех же экономических терминов (*crise, économie*), характеризующих ситуацию кризиса, мы получаем две картины мира: с точки зрения ученого и с точки зрения обывателя, каждый из которых дает свой совет выхода из данной ситуации.

Отмечается, что в результате информатизации общества, роста научного знания, интеграции, «срастания науки и жизни, обозначилась “прозрачность” границы между наивной и научной картинами в модели современного человека, появилась “естественная и нерасчленимая ментальность”» [7], что особенно актуально для языковой экономической картины мира. Многие понятия, ранее считавшиеся научными, такие, как *système bancaire, titrisation, créance hypothécaire, taux de rentabilité* и др., стали частью повседневного речевого общения.

Одной из общих проблем, связанных с описанием ЯКМ, является вопрос соотношения в этом описании собственно лингвистической и экстралингвистической, энциклопедической информации. Согласимся с мнением А.А. Зализняк, которая указывает на необходимость разграничения информации, «содержащейся в самом языке и из него извлекаемой», и той информации, которую исследователь может получить «путем анализа других объектов — прежде всего текстов на этом языке», не говоря уже об информации, которую могут дать другие науки о человеке [9: с. 153]. Утверждение автора о том, что «языковую картину мира образуют лишь те смыслы, которые входят в значения языковых единиц» [Там же], можно продемонстрировать следующими примерами. Так, для обозначения понятий «кризис» и «рецессия» во французских научно-популярных экономических текстах используются следующие единицы, выражающие как обыденное, так и научное знание: *accident cardiaque, accident systémique, ajustement, correction immobilière, destruction créatrice, essoufflement, grippe, mésaventure du subprime, perturbation, pneumonie, problème des subprimes, ralentissement, rhume, turbulence*, например:

5. «Le premier ministre estime que la France n'est pas “à l'abri d'*accidents systémiques*” et anticipe une panne de croissance pour 2009 et ses conséquences sur le taux de chômage et le déficit public». («Премьер-министр считает, что Франция не избежит кризиса, и ожидает провал экономического роста в 2009 г. и его влияние на уровень безработицы и дефицит государственного бюджета») [4].

6. «Quant à la crise financière, le “gros” est probablement passé, mais ses conséquences “se feront ressentir pendant encore longtemps” et “de nouvelles *perturbations* ne peuvent être exclues”». («Что касается финансового кризиса, «пик», вероятно, прошел, но его последствия “будут ощущаться в течение длительного времени” и “новые” кризисы не могут быть исключены») [4].

Таким образом, анализ таких категорий, как *картина мира*, *научная*, *наивная* и *языковая картина мира*, позволяет сделать выводы, что языковая картина мира — особое интегральное образование, «постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но и в известной мере и правила их образования и функционирования» [14: с. 64–65], эксплицирующее различные картины мира человека и отображающее общую *интегральную картину мира*, которая объективируется специфическими формами отражения структурального знания, что является важным фактором лингвистического развития, который обуславливает поступательное развитие не только языка и науки, но и всего общества.

Библиографический список

Источники

1. *Bufulino Gesualdo*. Argos l'Aveugle ou les songes de la mémoire, 1988. P. 80.
2. *Cuenoud Thibault*. Crises financières et fondamentaux macroéconomiques: une relation ambivalente // Thèse pour le Doctorat ès Sciences Economiques. Université de Poitiers, Faculté de Sciences Economiques, 2012. P. 121.
3. Cosmopolitan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Cosmopolitan.fr/> (дата обращения: 11.04.2016).
4. Le Figaro [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 11.04.2016).

Литература

5. *Болдырев Н.Н., Бабина Л.В.* Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 4. С. 79–86.
6. *Бубнова И.А., Красных В.В.* Человек и его образ мира как объект и предмет современных интегративных исследований: традиции и новации // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Филологическое образование». 2014. № 4 (16). С. 80–83.
7. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с.
8. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики // Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством Рока Валена / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрединой. М.: Прогресс, 1992. 218 с.
9. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Школа «Языки русской культуры», 2005. 544 с.
10. *Захарова Т.В.* Термин «картина мира» в современных лингвистических исследованиях // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. С. 118–121.
11. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 288 с.
12. *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. 160 с.
13. *Ковлакас Е.Ф.* Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2009. 373 с.

14. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
15. *Лазарев В.В.* К теории обыденного / когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестник Пятигорского государственного университета. Пятигорск, 1999. № 2. С. 25–34.
16. *Сенур Э.* Язык и среда // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
17. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку. Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. 462 с.

References

Istochniki

1. *Bufalino Gesualdo.* Argos l'Aveugle ou les songes de la mémoire, 1988. P. 80.
2. *Cuenoud Thibault.* Crises financières et fondamentaux macroéconomiques: une relation ambivalente // Thèse pour le Doctorat ès Sciences Economiques. Université de Poitiers, Faculté de Sciences Economiques, 2012. P. 121.
3. Cosmopolitan [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.Cosmopolitan.fr/> (data obrashheniya: 11.04.2016).
4. Le Figaro [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (data obrashheniya: 11.04.2016).

Literatura

5. *Boldy'rev N.N., Babina L.V.* Vtorichnaya reprezentaciya kak osoby'j tip predstavleniya znaniy v yazy'ke // Filologicheskie nauki. 2001. № 4. S. 79–86.
6. *Bubnova I.A., Krasny'x V.V.* Chelovek i ego obraz mira kak ob'ekt i predmet sovremenny'x integrativny'x issledovanij: tradicii i novacii // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Filologicheskoe obrazovanie». 2014. № 4 (16). S. 80–83.
7. *Gachev G.D.* Nacional'ny'e obrazy' mira: kurs lekcij. M.: Akademiya, 1998. 432 s.
8. *Gijom G.* Principy' teoreticheskoy lingvistiki // Sbornik neizdanny'x tekstov, podgotovlenny'j pod rukovodstvom Roka Valena / obshh. red., poslesl. i comment. L.M. Skrelinoj. M.: Progress, 1992. 218 s.
9. *Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D.* Klyuchevy'e idei russkoj yazy'kovoj kartiny' mira. M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 2005. 544 s.
10. *Zaxarova T.V.* Termin «kartina mira» v sovremenny'x lingvisticheskix issledovaniyax // Slovo, vy'skazy'vanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektax. Chelyabinsk: REKPOL, 2008. S. 118–121.
11. *Kasevich V.B.* Buddizm. Kartina mira. Yazy'k. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996. 288 s.
12. *Kravchenko A.V.* Yazy'k i vospriyatie: Kognitivny'e aspekty' yazy'kovoj kategorizacii. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1996. 160 s.
13. *Kovlakas E.F.* Osobennosti formirovaniya toponimicheskoy kartiny' mira: leksiko-pragmaticheskij i e'tnokul'turny'j aspekty': dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Krasnodar, 2009. 373 s.
14. *Kubryakova E.S.* Yazy'k i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazy'ke. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. 560 s.

15. Lazarev V.V. K teorii oby'dennogo / kognitivnogo poznaniya (ot Kopernika k Ptolomeyu) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. Pyatigorsk, 1999. № 2. S. 25–34.
16. Sepir E'. Yazy'k i sreda / E'. Sepir // Izbranny'e trudy' po yazy'koznaniyu i kul'turologii. M.: Progress, 1993. 656 s.
17. Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i my'shleniya k yazy'ku. Novoe v lingvistike. 1960. Vy'p. 1. 462 s.

N.A. Nechaeva

Linguistic View of the World: Naive vs. Scientific

The article considers the concept of view of the world in terms of correlation with naïve and scientific models of the world, determined as a holistic system of individual and collective knowledge and ideas about the world, formed in the human mind, and represented in a language. The difference between scientific and common ways of thinking is associated with the problem of knowledge representation in the linguistic view of the world — a hermeneutic concept created by the linguistic persona, combining various forms of structural knowledge, and, therefore, functioning as an integral view of the world.

Keywords: linguistic, naive and scientific view of the world; Sapir – Whorf hypothesis of linguistic relativity.

**Е.С. Романичева,
А.В. Горелкина**

«Возвращенное» сочинение: итоги проверки и перспективы оценивания

Статья написана на основе анализа итоговых сочинений, проведенного преподавателями МГПУ. В ней проблематизирована ситуация, связанная с подходами к проверке сочинения, сделан вывод о необходимости разработки метапредметных критериев проверки как о новой исследовательской задаче.

Ключевые слова: итоговое сочинение; критерии оценивания; компетенции выпускника.

В 2014/15 уч. г. в школу вернулся выпускной экзамен в форме сочинения. После многочисленных обсуждений он обрел свой статус — сочинение метапредметного характера, написание которого является допуском к итоговой аттестации. Его проведение в декабре 2014 г. выявило болевые точки в школьном литературном образовании. Стало очевидным одно: возвращение к сочинению в «традиционном» формате не произошло и произойти не может, потому что методика обучения сочинениям не применима к современным выпускникам, которые по-другому воспринимают текст и пишут о нем, у школьников иначе устроена память, по-другому выстраивается цепочка ассоциативных связей. Не может еще и потому, что изменились и сами практики чтения. Известный нейрофизиолог и филолог Т.Г. Черниговская пишет об этом так: «Мы столкнулись с ситуацией, когда нужно быстро, без остановки, перерабатывать большие блоки информации. Для этого просто необходимо поверхностное чтение — сканирование по ключевым словам, умение читать по диагонали, определять, надо ли мне это вообще читать. <...> Другое дело, когда ты сидишь в имении и долго, медленно читаешь сонеты Шекспира — совершенно другая работа, для которой действительно нужно время, нужно медленное, многослойное чтение. Это разные процессы, которые по некоторому недоразумению называются одним и тем же

словом» [6]. Однако эти столь разные процессы не только называются одним и тем же словом, но и смешиваются в сознании юных читателей: практика быстрого, сканирующего чтения-просмотра переносится ими на художественные произведения, прежде всего большого формата. Результат — поверхностный уровень восприятия, обилие фактических ошибок при анализе и интерпретации текста и, как следствие, практически полное отсутствие фоновых знаний, потому что в режиме просмотрочного чтения современный молодой человек предпочитает читать все доступные ему тексты: художественные, учебные, научно-популярные, информационные. Примем это за данность. И попробуем ответить на вопрос: а зачем тогда нужно такое итоговое сочинение? Чтобы в очередной раз констатировать печальное состояние литературного образования? Думается, что нет.

Нам представляется, что «возвращение» сочинения в таком формате — первый шаг к оценке не знаний, а общекультурных компетенций выпускника, к числу которых мы отнесем компетенцию читательскую и речевую: живя в информационном обществе, ученик должен уметь читать тексты, говорить и писать о них. Это, во-первых. А во-вторых, в процессе перехода на федеральные государственные образовательные стандарты необходимо принять тот факт, что содержание образования — это не пресловутые ЗУНы¹, овладение которыми нужно проверить по завершении каждого этапа образования, а планируемый результат плюс учебное содержание, освоение которого и позволяет достичь заданного результата. Экзаменационное (итоговое) сочинение в этом случае призвано проверить не столько предметные знания, сколько достижение планируемого «комплексного» результата: ведь «раздельность (учебных программ и предметных результатов. — *Е. Р., А. Г.*) относительна: их объединяют не только общие принципы построения, но и то, что сами границы между отдельными предметами, в соответствии с новыми стандартами, условны. Ведь помимо предметных, эти программы руководствуются также метапредметными и личностными результатами, достижению которых они должны способствовать не просто каждая в силу специфики своего предмета, но во взаимодействии внутри единого образовательного процесса школы» [1]. Именно поэтому во всех нормативных документах обосновывается принципиально иной характер итогового сочинения, его нацеленность на проверку сформированности/несформированности общекультурных компетенций, в первую очередь — речевой и читательской.

Насколько итоговое сочинение соответствует новому формату, пытался определить коллектив преподавателей нашего вуза², которые проанализировали

¹ Знания, умения и навыки. — *Примеч. ред.*

² Анализ сочинений проводился в рамках выполнения государственного задания «Разработка новых средств формирования и оценивания метапредметных компетенций обучающихся: от литературоцентричного итогового сочинения к метапредметному» (рук. Е.С. Романичева, А.И. Смирнова) коллективом преподавателей ИГН, в состав которого входили Т.В. Белошапкина, А.В. Горелкина, Н.М. Девятова, И.И. Мурзак, Е.Ю. Полтавец, И.Н. Райкова, Э.Ф. Шафранская.

1340 сочинений абитуриентов МГПУ 2015 г. Анализ проводился по следующим критериям: формулировка темы и ее трактовка учащимися, выбор литературного источника («аргумента») в сочинении, уровень восприятия литературного произведения, наличие/отсутствие логических, композиционных, стилистических ошибок, «выход» на межпредметные связи. Выбор этих критериев был продиктован основной задачей анализа: с опорой на рекомендованные ФИПИ критерии определить степень «выявленности» в сочинении читательской (выбор текста для раскрытия темы, уровень его освоения и т. д.) и речевой компетенций выпускника (умение выстраивать письменное высказывание на заданную тему); т. е. компетенций, необходимых для обучения в педагогическом вузе по любому направлению/профилю подготовки и свидетельствующих о том, что выпускник обладает необходимым уровнем общекультурной, а не только специальной, подготовки.

Остановимся на результатах анализа по каждому критерию.

Формулировка темы и ее трактовка учащимися

В целом при анализе сочинений по данному критерию были выявлены ошибки, *связанные с непониманием темы сочинения*. Не все абитуриенты верно поняли и интерпретировали тему сочинения. Очень часто информация, заложенная в формулировке, откровенно игнорировалась. Создалось впечатление, что абитуриенты опирались не на предложенные темы, а на обобщенные, заранее заготовленные шаблоны: «Тема войны», «Тема любви», «Творчество М.Ю. Лермонтова» и т. д. Ряд работ представлял собой набор фраз-штампов, имеющих мало общего с предложенной темой: «настоящий патриотизм», «почему нельзя жить в мире?», «гордость за самоотверженного русского солдата», «надо быть благодарным нашим предкам, защищавшим родину», «мирное небо над головой — величайшая ценность», «мы за мир». Сам выбор текста-«аргумента» и объяснение этого выбора не всегда можно было считать удачными: часто сочинение представляло собой простой пересказ.

Серьезные затруднения вызывает у поступающих формулировка темы в виде строки поэтического текста: они не пытаются или не могут понять ее смысл. Этим можно объяснить большое количество откровенно неудачных сочинений, написанных по теме «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне» (Ю.В. Друнина). Чаще всего абитуриента хватает только на то, чтобы выявить ключевое, с его точки зрения, слово — «война», но он не может определить ни предмет размышления, ни самостоятельно сформулировать вопрос, над которым стоит рассуждать.

Таким образом, сочинения наглядно показывают состояние коммуникативной компетентности выпускников средней школы: учащиеся не владеют навыками смыслового чтения, затрудняются при интерпретации содержания художественного произведения, не умеют строить собственное письменное высказывание, связно и последовательно излагать свое мнение, точно выражать

свои мысли. Самый большой недостаток почти всех проанализированных сочинений — пристрастие к штампам, клишированным формулировкам, демагогическим рассуждениям.

Выбор литературного источника («аргумента») в сочинении

При раскрытии темы абитуриенты в основном опирались на классические тексты, однако в процессе анализа были выявлены тексты-лидеры: два программных («Гранатовый браслет» А.И. Куприна и «Судьба человека» М.А. Шолохова) и три непрограммных (В.А. Закруткин «Мать человеческая», Б.Л. Васильев «В списках не значился», В.О. Богомолов «Иван»). Нам представляется, что обращение именно к первым двум текстам продиктовано небольшим объемом (можно прочесть «залпом») и возможностью обращаться к ним в разных темах. По существу, произведения стали определенными текстами-шаблонами для раскрытия нескольких тем. Обращение же к перечисленным непрограммным текстам, на наш взгляд, обусловлено тем фактом, что они входили в обязательный список для внеклассного чтения, по ним в 1970–1980 гг. проводились уроки. Именно поэтому осмелимся предположить: учителя готовили учеников к сочинению по методическим разработкам 40-летней давности. Возможно, поэтому ни в одной работе нет рассуждений о причине (принципе) выбора литературного источника; только иногда дается пояснение типа *«мне понравилось, произвело сильное впечатление»*. Ни в одном сочинении не предпринимается попытка обосновать выбор аргументов художественными особенностями произведения.

Привлечение литературных аргументов для раскрытия темы нередко носит случайный характер, не соотносено с литературным процессом и культурно-историческим контекстом. Так, без всяких логических переходов в сочинении о войне говорится то о героях Л.Н. Толстого, то о героях И. Бабеля, В. Быкова, Б. Васильева, то о 1812 г., то о гражданской войне, то о Великой Отечественной. Складывается впечатление, что автор сочинения полагает, будто все упомянутые им авторы — современники.

Особо хочется отметить обращение абитуриентов к непрограммным текстам. Привлеченный литературный материал свидетельствует о том, что, во-первых, ученики упоминали (скорее всего, не читая) произведения, которые текстуально (например, А.Н. Толстой «Русский характер», Б.Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке») или обзорно (особенно это касается текстов поэтических) изучались в школе в советское время (причина, как нам кажется, та же: натаскивание по старым методичкам); во-вторых, выбирали книги из круга своего детского/подросткового чтения (например, Е. Ильина «Четвертая высота», Ю. Яковлев «Девочка с Васильевского острова»), а это значит, что у них нет соответствующего возрасту круга чтения. Из современной литературы привлекались «Мефодий Буслаев» Д. Емца и малоизвестные «маскультовские» тексты. Это свидетельствует о том, что ученики либо

не знают современной литературы, либо боятся по какой-либо причине обращаться к ней в сочинении.

К сказанному можно добавить: художественный текст в большинстве случаев используется лишь как «иллюстрация». По существу, обращение к нему происходит так, как это требует часть 3 (С1) ЕГЭ по русскому языку, когда в качестве одного из аргументов должен быть обязательно назван/упомянут, но не проанализирован, художественный текст.

Уровень восприятия литературного произведения

На основе анализа представленных абитуриентами сочинений можно сделать вывод о *поверхностном, наивном* и одновременно *утилитарном* восприятии литературы школьниками. Литература «учит», «нацеливает», «дает образцы поведения» и пр. В ряде работ обнаруживается поверхностное знакомство с произведением. Из сочинений видно, что не все школьники читали текст, некоторые ограничились чьим-то пересказом или же знакомством с «кратким изложением». Отсюда ошибочные суждения (например, «Герой нашего времени» — роман о счастье; Раскольникову важно быть любимым). Существенный недостаток многих работ — пересказ вместо анализа, при этом пересказывается определенный фрагмент и к нему дается ничем не подкрепленный вывод.

В целом приходится констатировать, что масса выпускников находится на том уровне литературного развития, который в методике называется «задержанным наивным реализмом». Во многих работах герои произведений воспринимаются как реально живущие люди, а события, представленные в русском классическом романе, как случай из жизни. Поэтому и литературное произведение в целом воспринимается как некая картинка для иллюстрации житейских тезисов и правил и соответствующим образом интерпретируется.

Наличие/отсутствие логических и композиционных ошибок

При анализе сочинений были выявлены следующие ошибки, которые свидетельствуют о несформированности речевых умений: нарушение смысловой цельности сочинения: литературные аргументы не подтверждают главный тезис; абзацное членение не соответствует логике изложения материала; вывод либо отсутствует, либо не соответствует теме / главному тезису сочинения; при изложении материала используются противоречащие друг другу утверждения; нарушаются причинно-следственные связи; нет логической связи между фразами, предложениями внутри одного абзаца, между самими абзацами; неформальное (непродуманное) начало сочинения логически контрастирует с остальной частью по стилю и содержанию и т. д. Наиболее часты случаи отсутствия связи между композиционными частями сочинения, между крупными смысловыми фрагментами в основной части сочинения или нарушение логики, связности изложения внутри микротемы.

«Выход» на межпредметные связи

Есть лишь единичные примеры, где ученики в качестве аргументов для рассуждения пытались привлечь еще какой-то материал, кроме литературного. Однако, на наш взгляд, это едва ли можно признать удачным решением. Так, в сочинениях о войне наиболее распространено введение с опорой на актуальное событие, например, на только что где-нибудь разгоревшийся военный конфликт (Ливия, Сирия, Украина). Вероятно, это следствие неверной установки учителя всегда связывать сочинение с современностью.

В некоторых работах учащиеся для раскрытия темы использовали «внелитературные» аргументы: сериал, художественный фильм-экранизацию, музыкальный цикл, картины известных художников, песни из фильмов, мемуары, античную мифологию, речи общественных и политических деятелей, даже семейный нарратив. Однако такие случаи единичны. Это говорит о том, что и в сознании учащихся, и в сознании учителей-словесников господствует убеждение: если это сочинение, то обязательно «по литературе».

В заключение необходимо сказать несколько слов о критериях проверки сочинения.

Судя по разбросу оценок, сформулированные критерии не всегда прочтываются однозначно, проверяющим порой трудно понять, что нужно проверить: сочинение по предмету «Литература» (как это было до введения ЕГЭ по литературе) или итоговое сочинение, которое не является экзаменационной работой по конкретному предмету.

Вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Итоговое сочинение должно стать универсальной комплексной формой проверки уровня компетенции учащихся в области владения мыслью и словом, а не знаний по предмету «литература». До тех пор пока оно будет интерпретироваться как *предметный экзамен*, школа не будет ставить перед собой задачу формирования читательских и речевых компетенций как приоритетных.

При чтении работ не покидает ощущение, что выпускник часто не понимает, *зачем и что* он пишет. Навык рефлексии над своим впечатлением, умение вербализовать эту рефлексию в письменной форме не сформирован даже у мотивированных школьников, нацеленных на дальнейшее получение гуманитарного образования. В основном выпускник, ориентируясь на свое впечатление и эмоциональное переживание произведения, на этом и останавливается при создании собственного текста.

К сказанному остается добавить, что отдельным предметом исследования в рамках государственного задания был анализ мнений внешних экспертов в научно-методической периодике и социальных сетях. Однако при обращении к четырем общероссийским научно-методическим изданиям — журналам «Русский язык в школе», «Литература в школе», «Русский язык», «Литература» — удалось выявить ничтожно малое количество материалов, посвященных итогам/анализу декабрьского сочинения 2014 г. Сам факт такого невнимания

к теме «возвращенного» сочинения со стороны профессионального сообщества вызывает тревогу: хотя у ФИПИ есть существенный массив данных об итогах сочинения, он либо остается недоступным для большинства исследователей (или — хуже — не востребованным ими) и поэтому не может быть проанализирован, либо тема подготовки и оценивания/доработки критериев проверки итогового сочинения не является для них приоритетной. Нам представляется, что в сознании большинства современных методистов сочинение все еще связывается с традиционным письменным экзаменом по литературе, и поэтому большее внимание уделяется его содержательному аспекту (например, литературному материалу, на котором можно раскрыть тему). В этом, например, убеждает статья главного редактора журнала «Русская словесность», известного методиста, автора школьных учебников литературы А.И. Княжицкого [3].

В журналах «Литература» и «Русский язык» опубликованы отклики учителей [4; 5] на прошедший в декабре 2015 г. экзамен. Их волнуют те же вопросы: выбор темы из числа предложенных, уровень «открытости» и «откровенности» пишущего, процедура проведения экзамена и апелляции, но... не критерии проверки. Возможно, отсутствие к ним интереса объясняется, во-первых, тем, что сочинение оценивается по шкале «зачет – незачет» (а не по методике «критериального оценивания»); во-вторых, тем, что его проверяют учителя-словесники, давно работающие с предметными критериями. Лишь очень немногие из них понимают: «итоговое сочинение» — это не традиционное сочинение по литературе, а письменный экзамен, проверяющий уровень читательской и речевой компетенции выпускника.

То же можно сказать и о дискуссиях в социальных сетях: основное обсуждение итогов декабрьского сочинения проходило в Фейсбуке в ноябре и декабре, а также на этапе проверки сочинения в период вступительной кампании в июле. Основной вопрос, который обсуждался, касался содержательного аспекта сочинения (шаблонный/нешаблонный характер, выбор текстов для анализа и т. д.), обилия фактических ошибок, допущенных учениками, т. е., по существу, участники говорили о своих наблюдениях, которые вполне соотносимы с выводами, сделанными преподавателями МГПУ.

В Интернете нам встретилося одно заслуживающее внимания мнение, касающееся критериев оценивания итогового сочинения: «Самой существенной недоработкой предложенных критериев, на мой взгляд, является постоянное принижение, умаление в них роли грамотности. В чем это проявляется? Текст сопроводительной инструкции к критериям оценки выпускного сочинения школами также несовершенен. Во-первых, с моей точки зрения, необходимо убрать из этого документа примечание о том, что количество привлеченных для аргументации тезисов произведений не так важно, как глубина раскрытия темы с опорой на литературный материал. Даже если объем привлекаемого литературного материала не является столь важным, не стоит сосредоточивать внимание экзаменуемых на этом факте. Во-вторых, не вполне ясно, как

трактовать следующую фразу: «При оценке сочинения в первую очередь учитывается соответствие выбранной теме и аргументированное привлечение литературных произведений». Это очевидный намек на то, что грамотность текста сочинения не играет ключевой роли при его оценке. А это абсолютно неверная позиция с точки зрения процесса обучения. Школьники будут знать, что грамотность — это не самый важный показатель оценки их работ, и поэтому перестанут уделять ей должное внимание при подготовке к выпускным испытаниям. Полагаю, что подобными избыточными формулировками в инструкции, которую изучают и сами школьники, мы специально провоцируем их на безграмотное сочинение... Вывод из всего сказанного следует один: введение итогового сочинения оказывается очередным, не до конца продуманным экспериментом в системе отечественного образования» [2]. Обратим внимание на интересный «прием», который все чаще используется в дискуссиях по поводу сочинения: перевод разговора из плоскости научно-методической в социально-политическую. Вместо того чтобы внести «профессиональное» предложение по доработке/переработке критериев, автор сбивается на «общие слова».

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод: если мы хотим поменять формат сочинения с «псевдопредметного» на метапредметный и проверять речевую и читательскую компетенцию выпускников, то необходимо поменять критерии проверки. К сожалению, современное образование заточено под «контроль»: именно поэтому, пока оно не перестроится и не начнет ориентироваться в своей работе на планируемые результаты, оно будет нацелено на предметные критерии. И первый шаг в перестройке учительского сознания видится в изменении критериев оценивания сочинения — с предметных на метапредметные, что является серьезной исследовательской задачей.

Библиографический список

Литература

1. Асонова Е.А, Павловец М.Г. Программа по литературе. Дорожная карта перемен // Учительская газета. 2 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ug.ru/article/908> (дата обращения: 12.04.2016).
2. Доцинский Р. Выпускное сочинение: аргументы против грамотности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/doschinskiy/582112/#ixzz3tzHZAwGf> (дата обращения: 12.04.2016).
3. Княжицкий А.И. Свободное чтение на экзаменах по литературе // Рус. словесность. 2015. № 5. С. 3–5.
4. По следам декабрьского сочинения: отклики читателей «Литературы» // Литература. 2015. № 2. С. 22–26.
5. Учителя об итоговом декабрьском сочинении: первые впечатления // Рус. язык. 2015. № 2. С. 4–8.
6. Черниговская Т.Г. Вне фокуса: как меняется чтение в цифровую эпоху [Электронный ресурс]. URL: <http://daily.afisha.ru/archive/vozduh/technology/reading-in-digital-age/> (дата обращения: 12.04.2016).

References

Литература

1. *Asonova E.A., Pavlovecz M.G.* Programma po literature. Dorozhnaya karta pere-men // Uchitel'skaya gazeta. 2 marta 2016 g. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://ug.ru/article/908> (data obrashheniya: 12.04.2016).
2. *Doshhinskij R.* Vy'pusknoe sochinenie: argumenty' protiv gramotnosti. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/doschinskiy/582112/#ixzz3tzHZAwGf> (data obrashheniya: 12.04.2016).
3. *Knyazhiczkiy A.I.* Svobodnoe chtenie na e'kzamenax po literature // Rus. slovesnost'. 2015. № 5. S. 3–5.
4. Po sledam dekabr'skogo sochineniya: otkliki chitatelej «Literatury'» // Literatura. 2015. № 2. S.22–26.
5. Uchitelya ob itogovom dekabr'skom sochinenii: pervy'e vpechatleniya // Rus. yazy'k. 2015. № 2. S.4–8.
6. *Chernigovskaya T.G.* Vne fokusa: kak menyaetsya chtenie v cifrovuyu e'poxu. [Elektronny'j resurs]. URL: <http://daily.afisha.ru/archive/vozduh/technology/reading-in-digital-age/> (data obrashheniya: 12.04.2016).

*E.S. Romanicheva,
A.V. Gorelkina*

The «Returned» Composition: Audit and Assessment Prospects

The article is based on the results of final works analysis carried out by lecturers of MCU. It raises the problem of approaches to assessing compositions based on developed criteria. The paper concludes with the necessity of development of interdisciplinary assessment criteria as a new research task

Keywords: final composition; assessment criteria; graduate competence.

Е.Ю. Полтавец

О современной концепции экзаменационного сочинения

Судьбу экзаменационного сочинения, как и других ученических творческих работ, в последние годы можно назвать не только драматической, но и трагической. Лев Толстой считал, что ученик, не научившийся в школе творить, и в дальнейшем будет только подражать и копировать. Литературная работа — главное средство развития творческих способностей ученика. Однако современные концепции практически сводят на нет экзаменационные сочинения, как и школьное чтение.

Ключевые слова: экзаменационное сочинение; школьное сочинение; творческие способности учеников.

Как отмечал А.С. Пушкин, лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений. Однако школьное преподавание литературы, а с ним и концепция экзаменационного сочинения никак не могут преодолеть зону турбулентности.

Долгие годы выпускные классы средней школы на уроках литературы готовились к выпускному сочинению, отдавая себе отчет, что экзамена-сочинения не минует и абитуриент *любого* высшего учебного заведения. Вуз имел право каждый год самостоятельно формировать темы сочинений для абитуриентов и в рамках подготовительных курсов честно предупреждать о требованиях к вступительным экзаменам.

Однако система аттестации выпускников, а тем более система вузовских экзаменов стала вытесняться ЕГЭ, который объединил выпускные и вступительные экзамены.

Отказ от школьно-абитуриентского сочинения обернулся исчезновением из русского языка не только педагогического, но и культурного концепта. «Культурная значимость слова определяется его употреблением в исторически засвидетельствованных текстах той или иной культуры» [1: с. 13]. Сочинение перестало быть «классной» (в глазах школьника «очень хорошей») работой, перестало быть «домашним», т. е. как бы «своим», и вообще перестало быть. Русское слово «сочинение» по своей культурной значимости превосходит, допустим, английское «composition», в котором так явственно ощущается «составление». «Сочинять» — это не только «упорядочивать», составлять по «чину» готовые блоки, но, в первую очередь, «творить», «создавать». «Сочинять... изобрѣтать, вымышлять, придумывать, творить умственно, производить духомъ, силою воображенья» [3: с. 285] (ср. украинское слово «твір» (сочинение) — от «творить»). Потеряв сочинение

как ученическую письменную работу, мы потеряли компонент не просто методики преподавания, а нашей русской культуры. Получается, что прав был Н.А. Бердяев, считавший, что интересы распределения и уравнивания в России доминируют над интересами производства и творчества?..

Казалось бы, известный литературоцентризм нашей культуры должен заставить крайне осторожно относиться к заимствованию западных методик, порожденных иными культурами. К сожалению, отечественные методики постепенно дрейфовали в сторону «метапредметности» еще до введения ЕГЭ. И наметившийся в последнее время робкий поворот к «возвращению сочинения» нельзя назвать обнадеживающим симптомом, так как сочинение, все более отрывающееся от преподавания литературы, утрачивающее литературоведческую аналитику и принципы научного построения «текста о тексте», вырождается в демагогические «практики». Современная концепция «метапредметного» сочинения восходит к тем попыткам раскрепостить, как говорилось, школьное преподавание литературы, которые предпринимались в начале перестройки. К сожалению, уже тогда путь был выбран самый легкий и антиметодический: школа повернула в сторону профанации самой литературы. Сочинения стали ориентироваться на «восприятие» и «оценку», которые рекомендовались в многочисленных работах по методике, а не на анализ произведения; «свободные» и так называемые цитатные темы отвоевывали все большее пространство, превращая обучение написанию сочинения в какое-то натаскивание на задушевность.

Еще М.Е. Салтыков-Щедрин возмущался «свободными» темами сочинений, которые предлагались в гимназиях, например, темой «Язык народа — хранитель его славы». Тему «Море и пустыня» он высмеивал, говоря, что гимназистам нельзя предлагать описание того, чего они никогда не видели. А когда толпа гимназисток, готовившихся к сочинению «Аничков мост», явилась на мост и стала его подробно осматривать, всполошились городовые, как рассказывал Щедрин. Помогая дочке-гимназистке писать домашние сочинения на свободные темы, писатель, ненавидевший ложь и демагогию, получал не пятерки, а тройки с минусом...

Позже неплохая идея рассылки по школам комплектов тем в качестве экзаменационных материалов была дискредитирована некорректными формулировками тем, и данное обстоятельство способствовало превращению экзамена сочинения в посмешище всей страны. Так называемые цитатные темы нередко отдают самоуверенной пошлостью, и тем больше, чем более узнаваемым и уважаемым является источник цитаты. Известны слова Л. Толстого о том, что мысль, вырванная из «лабиринта сцеплений», «страшно понижается». Ну что школьник напишет на тему: «“Болезнь любви неизлечима!” (А.С. Пушкин)», «“Чехов — странный писатель” (Л.Н. Толстой)»? А ведь предлагались такие темы (да и слова такие у писателей есть), не было только здравого смысла у изобретателей тем. Бывали и не цитатные, но крайне неудачные формулировки, казавшиеся их изобретателям солидными, проблемными. Например: «Нужен ли России Базаров?»

(Недоставало еще спросить школьников, нужен ли России Тургенев.) «Достойна ли Софья любви Чацкого?» Об этих абсурдных формулировках отрицательно высказывались и педагоги, и писатели, и журналисты, и академики (см. [2]). А нынче в комплектах тем 2015 г. обнаруживаем: «Чем творчество М.Ю. Лермонтова может быть интересно современному читателю?» Проблема перед экзаменуемым поставлена крайне сомнительная.

Традиционное отсутствие в цитатных темах библиографических ссылок в прошлом ставило учителя перед необходимостью самостоятельно разыскивать 350 цитат (порой даже не из художественных произведений), исправляя безответственность составителей экзаменационных материалов, и потом разъяснять ученикам смысл и значение контекста. А теперь ученики вообще должны забыть, что их учили видеть интертекст, учили понимать, например, смысл эпитафий к «Евгению Онегину» и роль евангельских цитат в «Преступлении и наказании». Тема по цитате из стихотворения Ю. Друниной: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне», предложенная школьникам в прошлом году, не только провокационная, но и вопиюще кощунственная. Большинство школьников войны не видело. Что бы сказал о такой теме Салтыков-Щедрин? Дело не в том, чтобы исключить из круга чтения школьников произведения о войне (вместе с «Войной и миром» и «Севастопольскими рассказами»), а в том, чтобы предлагать корректные формулировки: «Основные мотивы поэзии Юлии Друниной», «Изображение войны в поэзии Друниной» и т. д.

Цитатная тема обязывает, она *отсылает к контексту*. Однако авторы сочинений не считали нужным сказать о самой поэтессе, ее творчестве, трагической судьбе! Беда и с пресловутым «привлечением литературного материала», которое рекомендуется в современных методиках. К сочинению по стихам Друниной «привлекаются» «Тихий Дон» или произведения Л. Толстого. Ни ученики, ни педагоги не озабочены возникшим диссонансом, потому что и сами составители экзаменационных материалов совершенно не задумываются над таким антипедагогическим отношением к художественному произведению (иначе эта формулировка не могла бы иметь место). Другие, не цитатные, но расплывчатые и некорректные формулировки тем в настоящее время приводят к созданию работ невнятных и абсолютно лишенных какой-либо композиционной основы. Так, отвечая в 2015 г. на вопрос темы «Какие события и впечатления жизни помогают человеку взрослеть?», школьники не давали ответа о «событиях» и «впечатлениях» «жизни», а пересказывали сюжетные линии какого-нибудь произведения. В итоге получался абсурд. «События» *жизненные* и «события» *литературного произведения* перемешались в головах учащихся по причине некорректной формулировки, внутренне противоречащей рекомендации «привлечь литературный материал». Да и в любой «свободной» теме экстенсивное использование литературного материала для «опоры» приводит к верхоглядству, недобросовестному цитированию, непониманию специфики художественного произведения,

потребительскому отношению к произведению как к картинке для иллюстрации житейских тезисов и правил, вроде «проверба» для салонного разыгрывания.

В современной концепции «метапредметный» (!) уровень экзамена и темы «общекультурного характера», апелляции к тому, что дети, мол, не читают классику, вследствие чего надо предлагать сочинения с «опорой» на что-нибудь более близкое и понятное, выглядят так же странно, как предложение питаться до старости лет исключительно манной кашей, потому что она переваривается лучше, чем другие продукты.

Да, молодежь не очень любит оперы и симфонии, все больше модные клипы продолжительностью две-три минуты. А классический русский роман — та же симфония. И поэтическая книга — тоже симфония, из которой нельзя вырывать одно стихотворение «для текстуального ознакомления». То есть школьная методика сама насаждает клиповое мышление. Отсюда у современных школьников неумение последовательно излагать мысли, строить логические переходы, выдержать соотношение вступления, заключения, основной части. Отсюда дискретность, фрагментарность письменной речи. И дело здесь не только в бедности или отсутствии терминологического аппарата и навыков литературоведческого анализа. Не обладая объемностью, клиповое мышление не в силах воспринимать картину мира художественного произведения как отдельную, самостоятельную, подлежащую вчувствованию и осмыслению.

Формирующее мировоззренческий вектор преподавание естественно-научных дисциплин осуществляется в школе независимо от того, любят ли школьники закон Авогадро, признаки подобия треугольников и квадратные уравнения. Почему же мы складываем руки, если школьники не любят читать? Знакомство с художественными произведениями и их анализ — такая же составляющая учебы, как решение задач и примеров на уроке математики, где не предлагается квазиглубокомыслие о том, «нужна ли России математика» или «как математика помогает нам взрослеть».

Школьная, а также театральная, музейная педагогика идут по пути наименьшего сопротивления. Школьная дисциплина «русская литература» все больше вырождается в *медленное чтение* (вместо вдумчивого, комментированного, как формулируются задачи чтения, например, в методической литературе, выпускаемой для учителя издательством МГУ), а сочинение, якобы возвращенное, деградирует до клипового воспроизведения коротеньких мыслей. Нет, автор статьи не предлагает подражать Катону Старшему (Цензору), разрушить карфаген интермедальности и запретить всё, кроме «единственно верного учения». Но о какой метапредметности можно вести речь, если мы теряем сам предмет?

О героях произведения школьники в сочинениях говорят как о своих знакомых и соседях, анализ подменяется пересказом и нелепыми «впечатлениями»: «Я считаю правильным поведение Веры...», «На примере Жени Комельковой мы видим, что убить человека очень нелегко и даже неприятно...» Не предпринимаются попытки хотя бы обосновать выбор «примеров» художественными особенностями произведения.

В новом учебном году темы выпускных сочинений снова предполагается ориентировать не на творчество изучаемых писателей, а на абстрактные «направления»: «Время», «Дом», «Любовь», «Путь» и т. д. То есть ходим по кругу, уставленному граблями. Проверка же *знания литературы* (а не «опоры») предполагается только для тех, кто будет сдавать экзамен по выбору. Но и в этом случае проверка литературоведческих знаний и умения анализировать произведение почему-то отделена от собственно сочинения, т. е. второй части экзаменационного задания. Таким образом внедряется мысль, что сочинение — работа, не требующая литературоведческих знаний.

Характерно то, что экзаменаторы теперь не снабжают выставление оценки рецензией (да и как можно рецензировать «раскрытие темы» в сочинениях «Что важнее: любить или быть любимым?», «Как вы понимаете слово “долг”?» и т. д.). «Оптимизируя» «свободные» и цитатные темы, их разработчики старались уйти от категоричности и навязывания утверждений типа «В жизни всегда есть место подвигу», а в результате получилась еще большая профанация экзамена. Нет и не может быть четких требований к знанию того, что такое любовь, долг, счастье. А вот требования научного этикета, хотя бы корректного цитирования, совершенно подрываются демагогической общекультурностью и метапредметностью, т. е. невнятицей, которая неизбежно приведет к дискредитации в глазах учеников и их родителей дисциплины «русская литература», к окончательной потере достижений методологического и методического характера, традиционно составлявших гордость отечественной педагогической мысли.

Жанр сочинения как выпускного и вступительного экзамена один: экзаменационное сочинение, а не «рассуждение», не «описание», не «эссе», не «рецензия». (Помилуйте! Какую рецензию Вася и Маша из 11 «Б» могут написать на рассказ Бунина или стихи Блока?) Пагубное увлечение надуманной разножанровостью сочинений порождает неразбериху и в критериях оценки. Вспомним мудрое правило: не множить сущности без необходимости. Школа, подстегиваемая ЕГЭ (какими бы модификациями этого продукта ни удивляли общественность разработчики), идет по пути исключения из круга педагогических вопросов самого главного: изучения специфики художественной литературы. Понятие о литературном произведении сводится к примитивной иллюстративности, а круг чтения учеников — к необязательной и облегченной вариативности, что говорит о катастрофе нашей педагогической концепции в целом. Педагогической общественности приходится практиковать сидение между двух стульев, защищая вступительный экзамен хотя бы в его нынешнем нелепом виде (гибрида сочинения с ЕГЭ), а выпускное сочинение — в виде демагогического демарша, чтобы литература как школьная дисциплина не перешла окончательно в разряд второстепенных, по которым и экзамен-то не предусмотрен. Отказ же от экзамена по литературе — это отказ от школьной дисциплины «русская литература» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что в настоящее время мы имеем дело не с возвращением сочинения и уж тем более не с восстановлением системы преподавания и аттестации, а с антиметодическим и антипедагогическим забалтыванием проблемы.

Итак, цитатные темы в силу привязанности к контексту и отсутствия сформулированной проблемы абсолютно не могут рассматриваться как пригодные для экзаменационных материалов. Следует вернуть в школу полноценное сочинение-экзамен, направленное на проверку знания литературы и умения ее анализировать. Формулирование тем для школьного экзамена должно быть заботой не чиновников, не писателей и литературных доброхотов, а высококвалифицированного научного филологического сообщества, профессоров ведущих филологических факультетов страны.

Библиографический список

Литература

1. *Алексеев А.В.* Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2014. № 1. С. 8–14.

2. *Полтавец Е.Ю.* Экзамен по литературе... Каким ему быть? // Единый государственный экзамен. Белая книга / сост.: В.Я. Линков, В.А. Недзвецкий, И.В. Петровицкая. М.: Фак-т журналистики МГУ, 2008. С. 227–234.

Справочные и информационные издания

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. Т. 4. Р–V. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1882. 683 с.

References

Literatura

1. *Alekseev A.V.* Kulturnaya znachimost' slova kak kategoriya istoricheskoy leksikologii // Vestnik. MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1. S. 8–14.

2. *Poltavec E. Yu.* E'kzamen po literature... kakim emu by't'? // Ediny'j gosudarstvenny'j e'kzamen. Belaya kniga / sost.: V.Ya. Linkov, V.A. Nedzveczkij, I.V. Petroviczkaya. M.: Fak-t zhurnalistiki MGU, 2008. S. 227–234.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

3. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivago velikoruskago yazy'ka Vladimira Dalya. T. 4. R–V. SPb.; M.: Izdanie M.O. Volfa, 1882. 683 s.

E. Yu. Poltavets

On the Modern Conception of the Examination Composition

The fate of school and examination composition may be regarded of late not only as dramatic but tragic. Leo Tolstoy thought that a pupil who didn't learn to create at school in future would only imitate and mimic. Literary creative work is the main way to develop the pupil's creative abilities. However, modern conceptions practically bring examination compositions as well as school reading to naught.

Keywords: examination composition; school composition; pupils' creative abilities.

Ближе к классике! (Обсуждение «Примерной основной образовательной программы по литературе для 10–11 классов» на кафедре русской литературы ИГН)

Представлены результаты обсуждения членами кафедры русской литературы ИГН «Примерной основной образовательной программы по литературе для 10–11 классов»: методология, формулировка тем, список произведений для изучения, предложенные авторами документа, не убедительны. Центральные положения программы требуют доработки.

Ключевые слова: проблемно-тематический принцип; принцип историзма; классика; беллетристика; единое образовательное пространство.

Программа по литературе для средних учебных заведений имеет непосредственное отношение к деятельности кафедры литературы педагогического вуза. Прописывая в рабочих программах требования к результатам освоения дисциплины и указывая, какие трудовые функции и профессиональные компетенции студенты должны освоить, преподаватели ориентируются на содержание и методологию дисциплины. Не удивительно поэтому, что любые изменения в школьной программе живо отдаются в вузовском преподавании. В рамках Общественной экспертизы, которая организована Минобрнауки России, сотрудники кафедры русской литературы ИГН МГПУ обсудили «Примерную основную образовательную программу по литературе для 10–11 классов» (далее — ПООП) [2], при этом учитывались критические замечания, оставленные заинтересованными читателями на сайте.

И.А. Беляева указала, что обнародованная ПООП содержит серьезные провалы и недостатки, которые обнаруживают себя и в целеполагании, и в методологических основаниях, и в содержательных принципах. Цель ПООП, как она сформулирована разработчиками, вызывает недоумение. Она вроде бы соответствует Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях РФ, где указано, что «освоение ресурсов во всем его многообразии и формирование потребности открывать для себя богатство литературных произведений страны связаны с развитием важных для человека навыков чтения и понимания прочитанного» [1]. Разработчики ПООП цель предмета «литература» определили так: «...формирование культуры читательского восприятия и понимания литературных текстов, читательской самостоятельности и речевых компетенций».

Однако ПООП ориентирована на школьников 10–11-х классов, когда читательская культура уже должна быть сформирована (это едва ли не задача еще начальной школы, ну уж как минимум не старшей!). И какие «*речевые компетенции*» имеют в виду разработчики? Умение связно выражать свои мысли должно быть привито школьникам в 5–9-х классах. При этом из целей исключен аксиологический и нравственный аспект предмета «Литература».

В качестве методологической основы ПООП разработчики берут «опыт медленного чтения конкретных произведений отечественной и зарубежной литературы», что также вызывает возражения.

Г.И. Романова уточнила, что само понятие «медленное чтение» многозначно, в российском литературоведении оно было введено еще в начале XX в. («Художественная критика — не что иное, как искусство медленного чтения, то есть искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника...» — писал М.О. Гершензон в 1919 г. [3]). В англо-американской «новой критике» (1930–1950-е гг.) «медленное» или «тщательное» прочтение (*close reading*) означает имманентный анализ произведения, без учета какого-либо контекста [5]. Использование именно этого метода в современном обучении должно быть обосновано, а значение термина «медленное чтение» должно быть в программе уточнено. Конечно, если в виду имелось не простое обозначение темпа усвоения текста или комментированное чтение.

И.А. Беляева. Едва ли, как мне кажется, тут речь идет о «художественной критике» в понимании Гершензона. Принципами же так называемой новой критики тоже нужно пользоваться осторожно. Одно дело, когда в университетских курсах студенты, руководствуясь методом «*close reading*», читают тот или иной текст, как в свое время в Московском университете изучал со своими слушателями роман «Евгений Онегин» проф. А.П. Чудаков, но этот опыт основывался на фундаментальных знаниях, уже полученных его подопечными, историческом принципе и был дополнением к базовым курсам. Разработчики ПООП не только ничего не поясняют, что они имеют в виду под так называемым медленным чтением, но и не учитывают наших отечественных традиций в литературном образовании. Все-таки мы не можем согласиться с тем, чтобы наши школьники выходили из стен школы с памятью об одном-двух текстах, а «*close reading*» как раз предполагает правило «лучше меньше, да лучше», но это на самом деле весьма иллюзорное преимущество. Можно много спорить по поводу достоинств и недостатков западноевропейской практики литературного образования, где принципы «новой критики» взяты за основу, или отечественного историко-литературного подхода, на котором — со времен проф. С.П. Шевырева и А.Н. Веселовского — базируется изучение литературы в школе и вузе, но очевидно одно: разрушить легко, а вот возродить бывает много сложнее.

Не говорю уже о том, что и другие «методы анализа» литературного текста, сформулированные в ПООП («Мотивный анализ. Поуровневый анализ. Компаративный анализ. Структурный анализ (метод анализа бинарных оппозиций). Стиховедческий анализ» [2]), также представляются не проясненными, их выбор случаен и не обоснован.

Но едва ли не самые серьезные возражения в обсуждаемой ПООП вызывает замена *принципа историзма*, на котором базировался школьный курс литературы и до сих пор основываются вузовские практики ее преподавания в большинстве университетов страны, *проблемно-тематическим принципом*.

Участники обсуждения согласились, что именно эта часть ПООП является самой уязвимой.

С.А. Васильев. Проблемно-тематический подход ведет к тому, что в центре внимания фактически оказывается не образно-символическое единство произведения, которое, в особенности в литературной классике, фактически неисчерпаемо и может затрагивать и затрагивает самый широкий круг тем и проблем, каждая эпоха и каждый читатель открывают в нем нечто новое и неповторимое. Вместо линии *произведение – творчество автора – направление – эпоха – национальные традиции* предлагаются произвольные «блоки», которые резко обедняют содержание классических произведений, жестко (вопреки декларативному утверждению авторов ПООП) связывая их с тем или иным «блоком». Причем каждый из них, вопреки коллективистским традициям русской культуры, искусственно акцентирует «личность» (с чего и начинается каждый «блок»). Личность читателя при таком подходе, очевидно, будет формироваться с явным индивидуалистически-эгоистическим креном, а картина русской словесности будет принципиально искаженной.

И.И. Матвеева. Проблемно-тематический подход низводит литературу до простого иллюстрирования жизни общества, до «фотографии». Для школьников имена писателей, живших в разные века, уже сегодня сливаются в единое целое по признаку тем и проблем, затронутых в их творчестве. Целостной же картины движения литературного процесса, его соотносительности с развитием общественной и философской мысли при проблемно-тематическом подходе сформировать у школьников невозможно. При этом, что также недопустимо, уничтожаются межпредметные связи (в частности, истории, мировой художественной культуры и литературы), тогда как необходимо увязывать программу по литературе с программами других дисциплин, чтобы у учащихся была возможность сопоставлять сведения, к примеру, из учебников истории с их художественным воплощением в произведениях классиков.

Все участники обсуждения согласились с тем, что формулировка тем в ПООП вызывает вопросы, а также с тем, что проблемно-тематический подход (адаптированный к школе) ведет к отказу от изучения специфики, самоценности литературы, литературного творчества.

Г.И. Романова. В рассматриваемой программе есть на это прямые указания. Во-первых, формулировки: «Личность и семья», «Личность – общество – государство», «Личность – природа – цивилизация». Это темы, которые в том или ином виде прописаны в «Образовательных стандартах основного общего образования. Обществоведение». Перенос их в изучение литературы, автоматически определяют ей вспомогательную роль иллюстрации к другим наукам. Безусловно, сопряжение литературы, например, с социологией правомерно и может быть плодотворным, но только на общем фоне понимания литературы

как системы, знания ее имманентных законов, представлений о литературной эволюции и пр. Во-вторых, в программе прямо говорится о том, что проблемно-тематические блоки обусловлены «историей России, ее культурой и традициями», — т. е. не содержанием собственно литературы.

А.И. Смирнова. Галина Ивановна обратила внимание настораживающий симптом, когда художественной литературе отводится вторичная, иллюстративная, роль. Главный недостаток обсуждаемой программы заключается в отсутствии системного подхода к изучению литературы, в игнорировании принципа историзма и целостного анализа художественного текста.

О.Ф. Ладохина. Программа по литературе для старших классов традиционно формировала представление об истории отечественной литературы в контексте мировой, отражала картину единства мирового литературного процесса. В этом видится ее большое преимущество. В ПООП культурно-исторический контекст не учитывается.

Е.Ю. Полтавец указала на целый ряд несоответствий в ПООП. Почему «проблема свободы и миссии писателя» соотносится только с «литературой советского времени», а проблема, например, «идеала» — только с «реализмом»? На каком основании, например, рекомендуется учителю соотнести проблему «психологизма» непременно с «Вешними водами» Тургенева, а проблему «влияние среды на личность человека» — непременно с «Анной Карениной» Толстого? А может быть, надо сделать наоборот? Умилительно заботливое распределение произведений по «блокам» свидетельствует о наивном представлении разработчиков, которое сводится к тезису: ценность художественной литературы в том, что она иллюстрирует «темы и проблемы».

И.А. Беляева. Не ясно, что нового дает предлагаемый разработчиками проблемно-тематический блоковый принцип по сравнению с традиционным изучением *тематики и проблематики* произведений, предполагающим использование историко-литературного подхода и позволяющего анализировать художественный текст системно? Предложенный разработчиками ПООП «блоковый» принцип такую системность явно не приемлет.

Таким образом, структура «блочного» изучения литературы сомнительна, спорна, грешит неизбежными повторами и недоразумениями. Трудно представить, как школьный учитель на основе этой ПООП может разработать свою рабочую программу. Логика литературного процесса, преемственность, связь литературы и истории выхолащиваются при таком «блочном» подходе.

Нарекания вызывает и предложенный список художественных произведений. В основе ПООП нет единого корпуса текстов, который можно было бы назвать «золотым списком» русской литературы. Тем самым утрачивается идея *единого образовательного пространства*.

Разработчики ПООП предлагают сократить список изучаемых в школе (в 10–11-х классах) текстов двумя способами. Первый — лукавое предложение поделить произведения, которые включены в ПООП, на «Список литературы, традиционно включаемой в круг чтения школьника» и «Список рекомендованных произведений» (второй — рекомендованный — явно читается как предпочтительный!).

При таком рекомендательном варианте в одном и том же «блоке» «Личность» (и почему только в этом блоке?) вместо романа И.А. Гончарова «Обломов» предлагается изучать роман «Обыкновенная история», а вместо романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» повесть «Первая любовь». Замена неравноценная и несправедливая. «Исключенные» из списка «рекомендованных» произведения традиционно изучались в школьном курсе «Литературы». Это «Преступление и наказание», «Война и мир», «Отцы и дети», «Обломов», «Гроза», рассказы А.П. Чехова, комедия «Вишневый сад» и многие другие сочинения русской классики. Но в новой ПООП они оказываются вытесненными, ненужными. Такая же участь постигла давно включенные в привычный школьный список сочинения И.А. Бунина, М.А. Булгакова, Н.А. Некрасова, А.И. Солженицына, О.Э. Мандельштама, не говоря уже о вышеупомянутых И.С. Тургеневе, И.А. Гончарове, Л.Н. Толстом и Ф.М. Достоевском и их «программных» текстах. Чем чревата такая беспечность разработчиков ПООП по отношению к судьбе русской классики, даже трудно себе представить.

Е.Ю. Полтавец обратила внимание на нелогичность замен в списке изучаемых произведений. Показательно в этом смысле творчество А.Т. Твардовского. В школьном преподавании традиционно изучалась не лирика, как указано в ПООП, а поэма «Василий Теркин». Изгнание этой дантовской линии из рассмотрения русской поэзии (как и изгнание поэзии Блока) — грубая ошибка! Шаламов открыто противопоставлен «устаревшему» Солженицыну. Этично ли это? Булгаков решительно перечеркнут. Нет ему места в нашей современности, как не было ему места и в эпоху создания «Собачьего сердца», «Мастера и Маргариты»... Литература зарубежья осталась без И.А. Бунина. В. Быков представлен «Сотниковым» и «Обелиском». Это не уровень «Знака беды», такое предпочтение несправедливо по отношению к творческой эволюции писателя и к литературному процессу в целом. Деталь, в очередной раз подтверждающая подход авторов программы к литературе как к иллюстративному материалу.

И.И. Матвеева. Выбор произведений для чтения вызывает, мягко сказать, недоумение. Поддерживаю мнение коллег о неравнозначности замены романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» повестями «Вешние воды» и «Первая любовь». Почему-то А.П. Платонову, М.А. Булгакову, М.А. Шолохову, А.И. Солженицыну отказано в праве представлять русскую литературу. Неужели «Машенька» В. Набокова, «Чемодан» С. Довлатова, произведения О. Славниковой, Л. Улицкой, Н. Абгарьян (при всем уважении к этим писателям) предпочтительнее вещей названных авторов? Очевидно, что ПООП необходимо серьезно переработать.

С.А. Васильев. С точки зрения формирования единого культурного и образовательного пространства страны, наконец национальной безопасности, необходимо сделать максимум для того, чтобы как можно больше художественных произведений русской классики, в первую очередь тех, которые уже традиционно, в течение многих десятилетий составляют основу списка текстов для обязательного изучения, детально анализировались в обязательном порядке во всех школах России на русском языке, вне зависимости от региона. Тенденция на все

большую замену русской и советской классики современной литературой, подчас спорной и с художественной, и с идеологической, воспитательной точек зрения, также должна быть признана ошибочной. Образование, тем более общее, призвано объединять, а не разделять поколения, дети должны читать в целом тот же круг классических, содержащих русскую картину мира, произведений. Современную литературу можно оставить на самостоятельное чтение, факультативы, уроки внеклассного чтения, что вполне решается в плане методического сопровождения и обоснования.

А.И. Смирнова. Не могу согласиться с предложением Сергея Анатольевича оставить современную литературу на самостоятельное чтение, факультативы, уроки внеклассного чтения, в этом случае мы отводим ей второстепенную роль. Изучение текущего литературного процесса и прежде было слабым местом в школьном обучении литературе. Но, как считают многие исследователи, освоить творчество своих современников — значит понять дух времени, определить его нравственный закон. И с этим трудно поспорить. Я уже не говорю о необходимости «изучения текущего литературного процесса» как «одной из самых важных задач» [4: с. 6] отечественной литературной науки. В литературном образовании старшеклассников мы не можем игнорировать очевидного факта: знание произведений современных авторов позволяет ориентироваться в проблемах развития сегодняшней художественной культуры, способствует постижению национального самосознания, широте кругозора и выработке самостоятельного мышления.

С.А. Васильев. Свою позицию по современной литературе могу уточнить. Речь идет о том, что из богатого сегодняшнего литературного процесса методистами упорно выбирается и агрессивно навязывается прежде всего и практически исключительно постмодернизм, одной из определяющих черт которого является установка на разрыв культурных традиций либо их уничтожающее пародирование. Вот такой современной литературе вряд ли место на школьном уроке. Что касается современной классики, то здесь желательны ее общее понимание в связи с целями образования и выбор тех произведений, которые имеют высокий содержательный и воспитательный потенциал, причем профессиональное сообщество должно рекомендовать тексты для изучения по всей стране, что также способствовало бы культурному объединению, а не разделению.

И.А. Беляева сформулировала основной вывод, к которому пришли участники обсуждения: в предложенной ПООП нивелировано представление о нравственном, аксиологическом, национальном и общемировом значении русской классической литературы, уничтожен принцип «золотого списка» художественных произведений отечественной словесности, который является залогом единства нашей многонациональной и многоконфессиональной страны и преемственности ее культуры.

Библиографический список

Источники

1. Концепция преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://uchitel-slovesnik.ru/data/uploads/obsugdenie-concepicii/2/proekt-koncepicii-prepodavania-russkogo-yazyka-i-literaturi.pdf> (дата обращения: 29.02.2016).
2. Примерная основная образовательная программа по литературе для 10–11 классов [Электронный ресурс]. URL: http://edu.crowdexpert.ru/secondary_school/programs/literature (дата обращения: 11.01.2016).

Литература

3. Гершензон М. Избранное: в 4 т. Т. 4: Тройственный союз совершенства. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. 306 с.
4. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 256 с.
5. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции. Школы. Теории / сост. И.П. Ильин, Е.А. Цурганова. М.: Интрада, 1996. С. 88.

References

Istochniki

1. Konceptsiya prepodavaniya russkogo yazy'ka i literatury' v obshheobrazovatel'ny'x organizatsiyax Rossijskoj Federacii. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://uchitel-slovesnik.ru/data/uploads/obsugdenie-concepicii/2/proekt-koncepicii-prepodavania-russkogo-yazyka-i-literaturi.pdf> (data obrashheniya: 29.02.2016).
2. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma po literature dlya 10–11 klassov. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://edu.crowdexpert.ru/secondary_school/programs/literature (data obrashheniya: 11.01.2016).

Literatura

3. Gershenzon M. Izbrannoe: v 4 t. T. 4: Trojstvenny'j soyuz sovershenstva. M.; Ierusalim: Universitetskaya kniga, 2000. 306 s.
4. Lejderman N.L. Dvizhenie vremeni i zakony' zhanra. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1982. 256 s.
5. Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie. Strany' Zapadnoj Evropy' i SSHA. Konceptii. Shkoly'. Teorii / sost. I.P. Il'in, E.A. Czurganova. M.: Intrada, 1996. S. 88.

В обсуждении приняли участие:

*И.А. Беляева, С.А. Васильев, О.Ф. Ладохина,
И.И. Матвеева, Е.Ю. Полтавец,
Г.И. Романова, А.И. Смирнова*

Публикация подготовлена Г.И. Романовой

Closer to the Classics!**(A Discussion of «An Approximate Basic Literature Syllabus for Grades 10–11»
at the Russian literature department of the Institute of Humanities)**

The article presents the main results of the discussion by the members of the Russian literature department of «An approximate basic literature syllabus for grades 10–11». The methodology, formed topics, list of literary works to study proposed by the authors of the document are not convincing. The main provisions of the syllabus require further development.

Keywords: problem-thematic principle; principle of historicism; classics; belles-lettres; unified educational space.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

Лу Вэнья

Поэзия Николая Рубцова в Китае

В статье исследуется история переводов стихотворений Н.М. Рубцова на китайский язык, выявляется интерес к его поэзии и высказываются рекомендации по расширению круга переводимых текстов поэта.

Ключевые слова: Николай Рубцов; стихи; перевод; китайский язык.

Николай Рубцов — выдающийся русский поэт второй половины XX в., творчество которого известно не только в России, но и в других странах. По словам В.Н. Баракова, «началось открытие его поэзии и за рубежом, прежде всего в Польше, Чехии и Словакии, Румынии, Венгрии. Показательно в этом отношении название статьи польских авторов П. Фаста и М. Кизиля: “Николай Рубцов. Неизвестный поэт” (1988). Одна из наиболее полных работ, вышедших на английском языке, статья Р. Фрееборна “Николай Рубцов. Жизнь и лирика” (1987). В это же время написала диссертацию о Рубцове и немецкая исследовательница З. Вабер. Появились первые рецензии в Японии и Китае, после того как там были сделаны переводы, в других странах Азии, а также Латинской Америки» [14: с. 4].

Обратимся к истории переводов стихотворений Н. Рубцова на китайский язык. Китайский читатель знакомится с его стихотворениями, опубликованными в 80-е гг. прошлого века в литературных журналах либо в поэтических сборниках разных авторов. Впервые в переводе на китайский язык стихотворения Н. Рубцова появились в журнале «Иностранная литература» в 1981 г., спустя 10 лет после смерти поэта. Это были стихи «清晨» («Утро») и «白桦树» («Береза») в переводе специалиста по русской литературе Ван Шоужэнь. В журнале вместе с переводными текстами Н. Рубцова были представлены стихи Л. Мартынова, Г. Эмина, Ю. Друниной, Я. Смелякова и В. Солоухина. Позже они вошли в книгу «Избранная советская лирика», переводчиком и составителем которой был Ван Шоужэнь.

В 1984 г. переводчик Дин Лу напечатал четыре стихотворения Н. Рубцова в журнале «Литература и искусство СССР» [4] — «鹤» («Журавли»), «松涛»

(«Сосен шум»), «九月» («Сентябрь»), «河上荡漾着美妙的月光» («Чудный месяц плывет над рекою»). Его переводы стали классическими среди других переводов этих стихов и часто цитировались в научных работах о Рубцове. Издание «Литература и искусство СССР» [12], которое теперь переименовано в «Литературу и искусство России», — самый авторитетный научный журнал о русской литературе в Китае. В 1987 г. именно в нем опытный переводчик Фэн Юйлюй поместил шесть переводных стихотворений Н. Рубцова — «田野的星星» («Звезда полей»), «大雁» («Журавли»), «房里» («В горнице»), «离家途中» («По дороге из дома»), «我的家乡是多么宁静» («Тихая моя родина»), «松涛阵阵» («Сосен шум»). Несмотря на некоторые неточности (перевод слова «журавли» как «дикие гуси»), здесь проявилось и мастерство Фэн Юйлюя. Так, подобно оригиналу, в котором каждая строка состоит из семи слогов (в том числе трех ударений), в тексте переводчика строки состоят из шести иероглифов, что позволяет переводу сблизиться с авторским вариантом по структуре. В том же выпуске Фэн Юйлюй опубликовал статью под названием «Изливается заветная любовь тихо — о современном советском поэте Н. Рубцове», в которой охарактеризовал лирическое творчество поэта. Автор статьи выявил особенности его стихов, опираясь на свои переводы, при том указал достойные внимания факторы в формировании творческого стиля Рубцова: несчастную жизнь поэта, изменение деревни и конфликт «тихой лирики» с «громкой лирикой» [16: с. 99–101].

В 1997 г. в известном журнале литературных переводов «Илинь» были напечатаны три стихотворения Н. Рубцова: «田野之星» («Звезда полей»), «故乡之夜» («Ночь на родине»), «我宁静的故乡» («Тихая моя родина») в переводе Ли Хуа [6]. Поскольку у него была возможность учитывать предыдущие переводы, ему удалось представить идеальный вариант перевода — точный и изящный по исполнению.

Особого упоминания заслуживает поэт молодого поколения Ли Хань, родившийся в 1970-е гг. В 1999 г. он перевел одно из немногих стихотворений любовной лирики Н. Рубцова, «Букет», и опубликовал его в Аомыньском журнале «Поэзия Востока и Запада» [5]. В одном из своих писем он сообщал, что, когда жил в России, купил календарь с небольшими стихотворными текстами: «Читал, читал и полюбил, поэтому я попытался переводить их». Ли Хань считается не столько традиционным ученым, сколько свободным поэтом. Он очень чуток к поэзии, поэтому уровень его перевода не ниже переводов ученых старшего поколения.

Кроме вышеупомянутых отдельных переводов, напечатанных в литературных журналах, стихи Н. Рубцова выходили в Китае в составе сборников стихотворений. Во многих из них представлены не только переводы его лирических произведений, но и дано описание жизненного и творческого пути поэта. Еще в 1981 г. на кафедре советской литературы Шанхайского института иностранных языков была подготовлена книга «Избранные современные советские стихотворения» [11], в которую вошли четыре произведения

Н. Рубцова: «惜别之歌» («Прощальная песня»), «我宁静的故乡» («Тихая моя родина»), «田野上的星星» («Звезда полей»), «心灵保留着» («Душа хранит»), в переводе Фэн Ижо.

Как упоминалось ранее, в 1984 г. вышла в свет книга профессора Ван Шоужэнь «Избранная советская лирика» [1], в которой подобраны десять стихотворений Н. Рубцова, в том числе «田野之星» («Звезда полей»), «故乡之夜» («Ночь на родине»), «清晨» («Утро»), «我宁静的故乡» («Тихая моя родина»), «白桦树» («Береза»), «冬天的歌» («Зимняя песня»), «界限» («Грани»), «离别之歌» («Прощальная песня»), «火车» («Поезд»), «枯叶飘去» («Улетели листья»). Судя по тому, что стихов Рубцова было больше, чем текстов других поэтов, ученый признает его выдающуюся роль в истории советской лирики.

В 1985 г. издательство «Лицзян» выпустило универсальное собрание переводов, включающее в себя поэзию, прозу, пьесы и письма авторов из разных стран, — «Туннель» [3]. В книге представлены девять стихотворений Н. Рубцова в переводе знаменитого исследователя русской поэзии Гу Юньпу: «我宁静的家乡» («Тихая моя родина»), «你好啊, 俄罗斯...» («Привет, Россия»), «田野上空的星» («Звезда полей»), «绿色的花» («Зеленые цветы»), «离别吟» («Прощальная песня»), «松涛» («Сосен шум»), «“一块冰冷死寂的石头”» («Брал человек / Холодный мертвый камень...»), «诗意» («Поэзия») и «“美妙的月光在河上荡漾”» («Чудный месяц плывет над рекою»). Его перевод отличается стройной формой и высокой поэтичностью, например, в «Тихой моей родине» он добавил эпитеты к словам «ивам», «рекой» и «соловьям».

После этого стихотворения Н. Рубцова постоянно печатались в различных изданиях сборников стихов. В книгу «Одинокая роза — избранная современная иностранная лирика» (1986) [13] включены «渡口之夜» («Ночь на перевозе») и «无题» («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»), которые перевел Чжан Цаожэнь; в книге «Избранные известные советские стихи для чтения» (1987) [7] — «Добрый Филя» («善良的菲利亚») в переводе Сюй Сяньсюй, в «Международной поэтической трибуне» (4-й выпуск) (1988) [2] помещены «我的宁静的故乡» («Тихая моя родина»), «在堂屋里» («В горнице»), «面包» («Хлеб»), «我的靴子» («Сапоги мои — скрип да скрип»), «献给朋友» («Посвящение другу»), автором переводов стал авторитетный русист и переводчик Гу Юй, в сборнике «Советские лирики» (1991) [8] опубликовано стихотворение «Журавли» («仙鹤») в переводе Тан Юйцян. Помимо этого, в 1989 г. известный переводчик и критик Фэйбай издал большой труд — «Словарь шедевров мировой поэзии» [10], в который вошли два стихотворения Н. Рубцова — «别离曲» («Прощальная песня») и «故乡之夜» («Ночь на родине»). В 2008 г. его ученик У Ди заново перевел «Ночь на родине» («故乡之夜») и опубликовал стихи в монографии «Оценка шедевров мировой поэзии» [9].

Для того чтобы наглядно представить историю переводов стихотворений Н. Рубцова на китайский язык, приведем хронологическую таблицу их изданий.

Переводы стихотворений Н. Рубцова на китайский язык

№	Переводчик	Переводные стихотворения	Издание	Год
1	Фэн Ижо	«Прощальная песня», «Тихая моя родина», «Звезда полей», «Душа хранит»	«Избранные современные советские стихотворения»	1981
2	Ван Шоужэнь	«Звезда полей», «Ночь на родине», «Утро», «Тихая моя родина», «Береза», «Зимняя песня», «Грани», «Прощальная песня», «Поезд», «Улетели листья»	«Избранная советская лирика»	1984
3	Дин Лу	«Журавли», «Сосен шум», «Сентябрь», «Чудный месяц плывет над рекою»	«Литература и искусство СССР»	1984
4	Гу Юньпу	«Тихая моя родина», «Привет, Россия», «Звезда полей», «Зеленые цветы», «Прощальная песня», «Сосен шум», «Брал человек / Холодный мертвый камень...», «Поэзия», «Чудный месяц плывет над рекою»	«Туннель»	1985
5	Чжан Цаожэнь	«Ночь на перевозе», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны»	«Одинокая роза — избранная современная иностранная лирика»	1986
6	Фэн Юйлой	«Звезда полей», «Журавли», «В горнице», «По дороге из дома», «Тихая моя родина», «Сосен шум»	«Литература и искусство СССР»	1987
7	Сюй Сяньсюй	«Добрый Филя»	«Избранные известные советские стихи для чтения»	1987
8	Гу Юй	«Тихая моя родина», «В горнице», «Хлеб», «Сапоги мои — скрип да скрип», «Посвящение другу»	«Международная поэтическая трибуна» (вып. 4)	1988
9	Фэй Бай	«Ночь на родине», «Прощальная песня»	«Словарь шедевров мировой поэзии»	1989
10	Тан Юйцян	«Журавли»	«Советские лирики»	1991
11	Ли Хуа	«Звезда полей», «Ночь на родине», «Тихая моя родина»	«Илинь»	1997
12	У Ди	«Ночь на родине»	«Оценка шедевров мировой поэзии»	2008
13	Ли Хань	«Букет»	«Поэзия Востока и Запада»	2012

Данные, представленные в таблице, показывают, что всего тринадцать китайских переводчиков сделали переводы 28 стихотворений Н. Рубцова. Среди них восемь стихотворений имеют не меньше двух вариантов перевода. В количественном отношении лидирует стихотворение «Тихая моя родина», имеющее

шесть вариантов перевода, «Звезда полей» — пять, «Прощальная песня» и «Ночь на родине» — по четыре, «Журавли» и «Сосен шум» — три варианта. Это, несомненно, свидетельствует о широком признании поэтического достоинства названных стихов. Отметим, что вышеназванные стихотворения являются классическими произведениями в истории русской поэзии XX в. Судя по количеству переводчиков и качеству их переводов, распространение поэзии Рубцова в Китае достигло значительных успехов. Большинство из переводчиков — авторитетные мастера в области перевода русской поэзии, и у каждого из них особый стиль. Возьмем, к примеру, стихотворение «Тихая моя родина», в различных переводах которого ощущаются индивидуальные стилистые оттенки. Особенность пера Гу Юньпу заключается в стройности, Ван Шоужэнь — в эмоциональности, Фэн Юйлюй — в сдержанности, Гу Юй — в вольности, Ли Хуа — в простоте, Фэн Ижо — в лиричности и т. д. Переводчиков отличают ответственное отношение к переводческому труду и высокое мастерство, благодаря чему они внесли большой вклад в распространение поэзии Рубцова в Китае. Так, стихотворение «Тихая моя родина» даже включено в китайский школьный учебник наряду со стихами Есенина, что подтверждает популярность творчества Н. Рубцова в Китае.

В восприятии китайских ученых и читателей имя Н. Рубцова прочно связано с именем С. Есенина. В монографии «Ворота рая: биография Есенина» Ван Шоужэнь подчеркивает: «Почти во всех стихах Рубцова можно уловить есенинскую лирическую тональность. Рубцов особенно успешно овладевает художественным навыком изображения и выражения Есенина, к примеру, “Ночь на родине”» [15: с. 179]. «“Тихая моя родина” Рубцова — это типичная есенинская лирика. Внутреннее волнение и боль “просвечивают” сквозь медленное и спокойное описание» [15: с. 195]. Есенинская поэзия и «тихая лирика» Рубцова привлекают многих китайских поэтов лиричностью, привязанностью к родине и земле, восприятием мира природы. Среди них назовем известного современного поэта Лю Чжаньцю, который пользуется в Китае славой «короля лирики». Он посвятил себя созданию китайской «легкой лирики», издал несколько сборников стихов, в которых продолжает и развивает особый стиль, присущий данному направлению. Влияние творчества Н. Рубцова на Лю Чжаньцю проявляется в поэтическом описании природы, музыкальности стиха, тяготении к прозрачности образов и «тихому» звучанию голоса лирического героя.

Как уже отмечалось, большинство из переведенных на китайский язык стихотворений Рубцова было опубликовано в 80–90-е гг. прошлого века. Русская лирика Есенина и Рубцова оказала глубокое воздействие на литературный стиль и эстетический вкус русистов старшего поколения. В последние годы интерес переводчиков к поэзии Н. Рубцова ослаб. Хотя многие стихи, ставшие на родине поэта классикой, не известны в Китае — к примеру, такие, как «Русский огонек», «Видение на холме», «Я умру в крещенские морозы». До сих пор в Китае не издан ни один сборник стихов Николая Рубцова, что является назревшей потребностью в контексте общего интереса в стране к творческому наследию великих русских поэтов XX века — А. Блока, В. Брюсова, А. Ахматовой, В. Маяковского, С. Есенина и др.

Библиографический список

Источники

1. 王守仁. 苏联抒情诗选. 湖南: 湖南人民出版社, 1984. 369 p. (*Ван Шоужэнь*. Избранная советская лирика. Хунань: Изд-во хунаньского народа, 1984. 369 с.)
2. 谷雨. 国际诗坛第4辑. 桂林: 漓江出版社, 1988. 321 p. (*Гу Юй*. Международная поэтическая трибуна. Вып. 4. Гуйлинь: Лицзян, 1988. 321 с.)
3. 顾蕴璞. 暗沟. 桂林: 漓江出版社, 1985. 500 p. (*Гу Юньпу*. Туннель. Гуйлинь: Лицзян, 1985. 500 с.)
4. 丁鲁. 苏联文艺. 1984 (1). P. 42–43. (*Дин Лу*. Литература и искусство СССР. 1984. № 1. С. 42–43.)
5. 李寒. 中西诗歌. 2012 (3). P. 118–119. (*Ли Хань*. Поэзия Востока и Запада. 2012. № 3. С. 118–119.)
6. 黎华. 译林. 1997 (1). P. 165–166. (*Ли Хуа*. Илин. 1997. № 1. С. 165–166.)
7. 许贤绪. 苏联名诗选读. 上海: 上海外语教育出版社, 1987. 235 p. (*Сюй Сяньсюй*. Избранные известные советские стихи для чтения. Шанхай: Шанхайское изд-во пед. литературы по иностранным языкам, 1987. 235 с.)
8. 汤毓强. 苏联抒情诗. 广州: 花城出版社, 1991. 226 p. (*Тан Юйцян*. Советские лирики. Гуанчжоу: Изд-во города цветков, 1991. 226 с.)
9. 吴笛. 世界名诗欣赏. 浙江: 浙江大学出版社, 2008. 263 p. (*У Ди*. Оценка шедевров мировой поэзии. Чжэцзян: Изд-во Чжэцзяньского ун-та, 2008. 263 с.)
10. 飞白. 世界名诗鉴赏辞典. 桂林: 漓江出版社, 1989. 968 p. (*Фэй Бай*. Словарь шедевров мировой поэзии. Гуйлинь: Лицзян, 1989. 968 с.)
11. 冯逸若. 苏联当代诗选. 上海: 上海译文出版社. 1981. 277 p. (*Фэн Ижэо*. Избранные современные советские стихотворения. Шанхай: Шанхайское изд-во перевода, 1981. 277 с.)
12. 冯玉律. 苏联文学. 1987 (4). P. 96–98. (*Фэн Юйлюй*. Литература и искусство СССР. 1987. № 4. С. 96–98.)
13. 张草纫. 孤独的玫瑰: 当代外国抒情诗选. 上海: 上海译文出版社, 1986. 377 p. (*Чжан Цаожэнь*. Одинокая роза — избранная современная иностранная лирика. Шанхай: Шанхайское изд-во перевода, 1986. 377 с.)

Литература

14. Баратов В.Н. «И не она от нас зависит...»: Заметки и размышления о поэзии Н. Рубцова: пособие к спецкурсу. М.; Вологда: Русь, 1995. 40 с.
15. Ван Шоужэнь. Ворота рая: биография Есенина. Хунань: Литература и искусство, 1995. 219 с.
16. Фэн Юйлюй. Изливается заветная любовь тихо — о современном советском поэте Н. Рубцове // Литература и искусство СССР. 1987. № 4. С. 99–103.

References

Istochniki

1. *Van Shouzhzen*. Izbrannaya sovetskaya lirika. Xunan': Izd-vo xunan'skogo naroda, 1984. 369 s.
2. *Gu Yuj*. Mezhdunarodnaya poe'ticheskaya tribuna. Vy'p. 4. Gujlin': Liczyan, 1988. 321 s.
3. *Gu Yun'pu*. Tunnel'. Gujlin': Liczyan, 1985. 500 s.

4. *Din Lu*. Literatura i iskusstvo SSSR. 1984. № 1. S. 42–43.
5. *Li Xan'*. Poe'ziya Vostoka i Zapada. 2012. № 3. S. 118–119.
6. *Li Xua*. Ilin'. 1997. № 1. S. 165–166.
7. *Syuj Syansyuj*. Izbranny'e izvestny'e sovetskie stixi dlya chteniya. Shanxaj: Shanxajskoe izd-vo ped. literatury' po inostranny'm yazy'kam, 1987. 235 s.
8. *Tan Yujczyan*. Sovetskie liriki. Guanchzhou: Izd-vo goroda czvetkov, 1991. 226 s.
9. *UDi*. Ocenka shedevrov mirovoj poe'zii. Chzhe'czyan: Izd-vo Chzhe'czyan'skogo un-ta, 2008. 263 s.
10. *Fe'j Baj*. Slovar' shedevrov mirovoj poe'zii. Gujlin': Liczyan, 1989. 968 p.
11. *Fe'n Izho*. Izbranny'e sovremenny'e sovetskie stixotvoreniya. Shanxaj: Shanxajskoe izd-vo perevoda, 1981. 277 p.
12. *Fe'n Yujlyuj*. Literatura i iskusstvo SSSR. 1987. № 4. P. 96–98.
13. *Chzhan Czaozhe'n'*. Odinokaya roza — izbrannaya sovremennaya inostrannaya lirika. Shanxaj: Shanxajskoe izd-vo perevoda, 1986. 377 p.

Literatura

14. *Barakov V.N.* «I ne ona ot nas zavisit...»: Zаметki i razmy'shleniya o poe'zii N. Rubczova: posobie k speczkursu. M.; Vologda: Rus', 1995. 40 s.
15. *Van Shouzhen'*. Vorota raya: biografiya Esenina. Xunan': Literatura i iskusstvo, 1995. 219 s.
16. *Fe'n Yujlyuj*. Izlivayetsya zavetnaya lyubov' tixo — o sovremennom sovetskom poe'te N. Rubczove // Literatura i iskusstvo SSSR. 1987. № 4. S. 99–103.

Lu Wenya

Nikolay Rubtsov's Poetry in China

This paper researches the history of translation of N.M. Rubtsov's poems into Chinese, shows interest in his poems, and expresses recommendations to widen the range of the poet's translated texts.

Keywords: Nikolay Rubtsov; poetry; translation; Chinese language.

М.С. Дроздова

Образы природы в поэтических реминисценциях романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»

Статья посвящена анализу образов природы, садов и парков в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта». Рассматриваются реминисценции из поэзии А. Теннисона и Т. Гарди в контексте методов литературной герменевтики и рецептивной эстетики.

Ключевые слова: Викторианская эпоха; Джон Фаулз; интертекст; реминисценция; эпитафия.

Тема природы, как известно, занимает особое место в жизни и творчестве английского писателя Джона Фаулза (1926–2005). Ключ к его произведениям, по мнению Т.Л. Селитриной, следует искать в общении с природой, особенно с деревьями [8: с. 240]. Большую часть жизни писатель провел в своем доме на берегу моря в городке Лайм-Риджис на юге Англии. Этот городок стал основным местом действия в знаменитом романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» [1].

При этом ключевые события романа разворачиваются не в самом городе, а на природе неподалеку от Лайма. В настоящее время, как и при жизни Фаулза, здесь располагается национальный парк (The Undercliff National Nature Reserve). Примечателен в романе образ садов и парков, созданный писателем с помощью реминисценций из творчества Т. Гарди и А. Теннисона. Оговоримся, что под реминисценциями, вслед за Ю.Т. Листровой-Правдой, понимаются «точные, а также преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным — ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [6: с. 78].

Рассмотрим две реминисценции из стихотворений английского писателя Викторианской эпохи Томаса Гарди (1840–1928), посвященные усадьбе и саду. Первая из них выступает в качестве эпитафии к главе 34: «*And the rotten rose is ript from the wall*» [1: р. 253]. «*И увядшая роза сорвана со стены*» (здесь и далее перевод наш. — М. Д.).

Для анализа реминисценции целесообразно обратиться к методу литературной герменевтики, который подразумевает наличие разных уровней понимания и продвижение от одного уровня к другому по так называемому «герменевтическому кругу» [5: с. 157; 7: с. 9].

Данная строка заключает в себе кульминацию стихотворения. Роза, любимый цветок поэтов со времен античности, символизирует скоротечность счастливой жизни, молодости (что подчеркивает эпитет *rotten* — увядшая). Традиционно розу уничтожает ветер [9: р. 174]. Эффект разрушения достигается с помощью аллитерации — преобладает звук /r/.

На первом уровне герменевтического круга очевидно, что с помощью данного эпиграфа Фаулз прогнозирует разрушение несостоявшейся семьи Чарльза и Эрнестины, подчеркивает неотвратимость трагичного финала. Напомним, что глава 34 повествует о прощании Чарльза с Эрнестиной перед его отъездом в Лондон. Смитсону тяжело быть рядом со своей невестой по причине нарастающих чувств к Саре, с которой он целовался незадолго до этого. В этом смысле увядшая роза — аллегория угасающих чувств Чарльза к Эрнестине.

Вместе с тем на втором уровне герменевтического круга читатель обращает внимание на контраст трагического пафоса стихотворения Гарди и ироничного, насмешливого отношения Фаулза к Эрнестине («a sugar Aphrodite, the ageless attraction of shallow-minded women») [1: р. 255]. В данном случае роза, традиционно символизирующая молодую, хрупкую, чистую девушку, приобретает новое качество («увядшая»), что также свидетельствует о пренебрежительном отношении автора к героине. Данное обстоятельство позволяет говорить о содержательно-подтекстовой информации и рассматривать данную реминисценцию как гипертекст.

Опытному читателю известно, что цитируемое стихотворение «Дождь и ветер» («During Wind and Rain», 1917) написано в память о жене Гарди и посвящено ее семье. Основные темы произведения — необратимость времени и неизбежность смерти. Центральное место занимает образ усадьбы, где живет счастливая семья, имеющая благополучный дом, цветущий сад, который в данном контексте появляется не случайно. В первую очередь он напоминает об эдемском саде, что позволяет провести параллель между безмятежной жизнью Адама и Евы до грехопадения и благополучием героев стихотворения перед надвигающейся катастрофой. Деревья также служат воплощением семьи, которая, как и все живое, растет, расцветает, приносит плоды и умирает. Возникают образы ветра, разрушающего сад, и дождя, олицетворяющего страдания [9].

Вторую реминисценцию из поэзии Т. Гарди Фаулз дает в качестве эпиграфа к главе 23: «Portion of this yew / Is a man my grandsire knew...» [1: р. 189]. «Часть этого *тиса* — человек, которого знал мой дед...»

Глава 23 посвящена описанию усадьбы Винзиэтт. Чарльз приезжает к дяде и замечает изменения, произошедшие за время его отсутствия. На первом уровне понимания читателю ясно, что название стихотворения Гарди «Трансформации» («Transformations») несет в себе содержательно-фактуальную информацию. На следующем глубоком уровне понимания читатель отмечает содержательно-концептуальную информацию, которую передает эпиграф.

Обратимся к анализу стихотворения. Гарди утверждает, что усопшие не исчезают навсегда, а становятся частью окружающей природы, которая дала им жизнь. Первая строфа, ставшая источником реминисценции, представляет собой описание тиса, частью которого, по мнению поэта, является знакомый его деда, похороненный рядом.

Мотив сопоставления человека с растением, восходящий к фольклору и Библии, типичен для европейской литературы [4: с. 17]. Согласно древним преданиям тис считали деревом смерти, его часто можно встретить на кладбищах Великобритании. В английской культуре ядовитое хвойное дерево означает смерть и вечность. Более того, его ветки издавна заменяли пальмовые во время празднования Входа Господня в Иерусалим (в русской традиции — Вербное воскресенье).

Образ тиса как символа вечной жизни позволяет объяснить выбор данного эпитафия Фаулзом и провести параллель с духовными исканиями его экзистенциального героя. Чарльз Смитсон следует по этому пути, проходя через все трансформации, которые в итоге приводят его к надежде на духовное возрождение.

Интересной в данном контексте представляется рецепция Дж. Фаулзом поэзии Альфреда Теннисона (1809–1892). Так же как и Т. Гарди, он жил и творил в Викторианскую эпоху (1837–1901), а в 1850 г. удостоился звания поэта-лауреата. Фаулз приводит реминисценцию на поэму А. Теннисона «In Memoriam» (1850, глава СХХIII) в качестве эпитафия к главе 8: «There rolls the deep where grew the tree, / O earth, what changes hast thou seen! / There where the long street roars, hath been / The stillness of the central sea. / The hills are shadows, and they flow / From form to form, and nothing stands; / They melt like mist, the solid lands, / Like clouds they shape themselves and go». [1: p. 49]. «Где росло дерево, сейчас бушует море, / О, земля, какие ты видела перемены! / Там, где шумит длинная улица, был / Штиль центрального моря. / Холмы — это тени, они плывут / Из одной формы в другую, и ничто не стоит на месте; / Они тают, как туман, эти твердые земли, / Словно облака, меняют форму и уходят».

Понимание данной реминисценции также предполагает движение по герменевтическому кругу. Сначала читатель проводит параллель между стихами А. Теннисона об изменчивости природы и содержанием главы 8, посвященной описанию палеонтологических исследований Чарльза, которые происходят в Вэрской пустоши, будущем национальном парке. Напомним, что главный герой увлечен злободневной для того времени теорией Дарвина, а исследования ископаемых помогают ему наблюдать изменчивость природы на примерах. Отсюда вытекает второй, глубокий, уровень понимания данной реминисценции.

Читателю с большим литературным опытом известно, что поэма А. Теннисона «In Memoriam» [3] создавалась в виде отдельных стихотворений

на протяжении 17 лет после того, как в 1833 г. поэт узнал о смерти своего лучшего друга Артура Генри Хэллэма. Поэма написана в жанре элегии. Она обладает глубоким философским смыслом, привлекая внимание читателя к темам скорби и обновления, потери и обретения, смерти и бессмертия. Наблюдая за природой, ее изменчивостью и постоянным возрождением, лирический герой поэмы находит утешение и надежду. Он понимает, что, хотя и невозможно вернуть близкого человека в его земной, телесной форме, душа его жива, что дает надежду на встречу в лучшем мире.

А. Теннисон пытается найти равновесие между догматами христианской религии и актуальными в Викторианскую эпоху научными открытиями (исследованиями Лайелла, позднее Дарвина). Поэт приходит к выводу, что достижения науки объясняют устройство вселенной лишь частично, сохраняя веру в Бога, любовь и спасение.

На глубоком уровне понимания очевидно сопоставление лирического героя поэмы с Чарльзом Смитсоном, который также пытается найти равновесие в жизни. Здесь целесообразно обратиться к названию, которое поэт изначально хотел дать своему творению: «Путь души» («The Way of the Soul»). У читателя неизбежно возникает ассоциация с душевными и духовными исканиями Чарльза. Автор характеризует его как человека сомневающегося, постоянно задающего вопросы: «And he had always asked life too many questions» [1: p. 34].

Так же, как и Чарльз, лирический герой поэмы «In Memoriam» (очень близкий автору — поэма написана от первого лица) задается вопросами экзистенциального характера. Первоначальное название «Путь души» может быть понято читателем двояко: с одной стороны, это путь, который проделывает душа человека (в частности, А. Хэллэма) после смерти; с другой стороны, это путь душевных и духовных исканий самого героя. По этому пути и движется Чарльз, недаром Фаулз часто показывает его в дороге (главы 3, 23, 39, 40, 42–45, 49, 50, 54, 55, 58–60). «Путь души» лирического героя поэмы А. Теннисона приводит его к обретению веры в спасение, дает необходимую ему надежду на вечную жизнь. Нечто подобное происходит и с Чарльзом в конце заключительной главы романа (глава 61): «...he has at last found an atom of faith in himself, a true uniqueness, on which to build...» [1: p. 445].

Духовное возрождение человека, дающее надежду на будущее, лежит в основе концепции романа Фаулза, что становится особенно очевидным благодаря образу садов и парков, возникающему в поэтических реминисценциях. Человек у Фаулза отождествляется с деревом, которое постоянно растет и обновляется. Особое значение природы в романе подчеркнуто выбором в качестве основного места действия Вэрской пустоши, где в настоящее время располагается национальный парк. Таким образом, с течением времени меняется отношение к природе, связанное с драматическими событиями XX в., переосмыслено прошлое, в том числе и Викторианская эпоха.

Библиографический список

Источники

1. *Fowles J.* The French lieutenant's woman: [A novel]. London: Vintage, 1996. 445 p.
2. *Hardy T.* Poems: Selections. Oxford: Oxford university press, 1984. 547 p.
3. *Tennyson A.* In memoriam. London: The Nonesuch press, 1933. 145 p.

Литература

4. *Громова А.В.* Растительные образы в прозе Л.Ф. Зурова: мифопоэтический аспект // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 16–23.
5. *Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Киринозе З.И.* Методы литературы. Системно-синергетический подход: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.
6. *Листрова-Правда Ю.Т.* Библейские и иные текстовые реминисценции в русской литературной речи // Вестник ВГУ. 2004. № 2. С. 78–83.
7. *Меркулова М.Г.* Роль Б. Шоу в становлении двухчастной модели национальной шекспировсферы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 8–13.
8. *Селитрина Т.Л.* Мифологическое сознание Джона Фаулза // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 240–244.

Справочные и информационные издания

9. *Ferber M.* A Dictionary of Literary Symbols. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 263 p.

References

Istochniki

1. *Fowles J.* The French lieutenant's woman: [A novel]. London: Vintage, 1996. 445 p.
2. *Hardy T.* Poems: Selections. Oxford: Oxford university press, 1984. 547 p.
3. *Tennyson A.* In memoriam. London: The Nonesuch press, 1933. 145 p.

Literatura

4. *Gromova A.V.* Rastitel'ny'e obrazy' v proze L.F. Zurova: mifopoe'ticheskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 16–23.
5. *Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I.* Metody' literatury'. Sistemno-sinergeticheskij podxod: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. 200 s.
6. *Listrova-Pravda Yu.T.* Biblejskie i iny'e tekstovy'e reminiscencii v russkoj literaturnoj rechi // Vestnik VGU. 2004. № 2. S. 78–83.
7. *Merkulova M.G.* Rol' B. Shou v stanovlenii dvuxchastnoj modeli nacional'noj shekspirosfery' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 8–13.
8. *Selitrina T.L.* Mifologicheskoe soznanie Dzhona Faulza // Filologiya i kul'tura. 2015. № 2 (40). S. 240–244.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. *Ferber M.* A Dictionary of Literary Symbols. Cambridge: Cambridge university press, 1999. 263 p.

M.S. Drozdova

**Images of Nature in Poetic Reminiscences
of the Novel by J. Fowles «The French Lieutenant's Woman»**

The paper focuses on analysing the images of nature, parks and gardens in *The French Lieutenant's Woman* by John Fowles. The paper deals with the reminiscences from Alfred Tennyson's and Thomas Hardy's poetry using literary hermeneutics and reception-aesthetics methods.

Keywords: Victorian period; John Fowles; intertext; reminiscence; epigraph.

И.В. Зоц

Билингвальные навигационные сообщения в контексте городской среды

В статье рассматриваются стандарты транслитерации, принятые в рамках городского ландшафта, а также билингвальные городские указатели в пространстве современного города. Приводятся примеры несоответствий в переводе и сопутствующих им проблем. Анализируются противоречия в переводах таких текстов. Предлагаются пути совершенствования стандартов в целях адекватной передачи названий на английский язык.

Ключевые слова: язык города; навигационные указатели; билингвальная городская среда; языковой плюрализм.

В связи с постоянно возрастающим потоком иностранных туристов, ежегодно посещающих Москву, и для завершения полноценного образа мегаполиса в его многоязыковом аспекте возникает необходимость пересмотра стандартов транслитерации, в настоящее время применяемых в условиях городского ландшафта согласно разработанным официальным ГОСТ (например, ГОСТ 7.79-2000) [10]. Единая система навигации призвана обеспечить однообразие передачи иноязычных названий, однако стандарты не рассматривают все возможные сочетания звуков.

При передаче названий станций городского метрополитена, принятых на официальной карте, утвержденной городским департаментом транспорта, используется ГОСТ 52290-2004 [9: с. 115]. В то же время при переводе названий на картах Единой системы транспортной навигации (далее — ЕСТН) [11], внедряемой Департаментом транспорта Москвы, используются другие практики. Переводы названий станций метрополитена на этих картах расходятся с текстом официальной карты метро (ср. *Ploschad Revolyutsii* на карте метро и *Ploshhad Revolyutsii* на карте Единой системы). Кроме того, одни и те же звуки на карте ЕСТН передаются различными способами (см. рис. 1: окончание *-ий* передано буквой *-у* в переводе *Vernadsky Geological Museum* и окончание *-ый* передано диграфом *-iy* в переводе *Okhotniy Ryad Shopping Mall*).

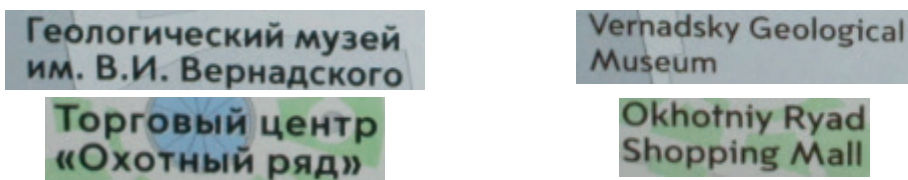

Рис. 1. Пример перевода на карте системы Единой транспортной навигации

Наблюдаются случаи недостаточной информативности переводов на городских указателях [4], как демонстрируют соответствующие примеры.

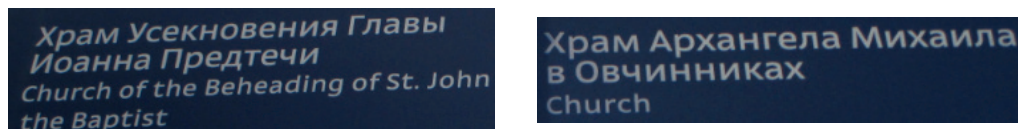

Рис. 2. Пример городского указателя с неточным переводом

На рисунке 2 на навигационном указателе название культурного объекта Храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи имеет перевод *Church of the Beheading of St. John the Baptist*, а Храм Архангела Михаила в Овчинниках — перевод одним словом *Church*.

В рамках города как новой среды эпохи глобализации проявляется взаимодействие множества культур. Следовательно, целесообразно рассматривать городской ландшафт как мультилингвальное пространство, в рамках которого на примерах множества городских объектов (афиши, указатели, объявления и т. д.) проявляется затрагиваемый в настоящей статье билингвальный аспект (когда сочетаются, взаимодействуя, русский и английский языки). Билингвальные сообщения оказывают непосредственное влияние на адресата (прохожих), вызывая реакцию бессознательного опознания и оценки таких сообщений. В свою очередь, это ведет к формированию пространственного опыта жителей города и возникновению языкового плюрализма. Наиболее очевидно этот эффект проявляется в коллективных секторах городского пространства, ориентированных непосредственно на всех жителей города [1].

В этой связи следует обратиться к самому понятию «язык города» и принципам его формирования. Актуальной представляется точка зрения, высказанная Б.А. Лариным: научная разработка языкового быта города значительно отстает от практических нужд и требует широкого и систематического пересмотра [3: с. 175–176]. В работах Л.П. Крысина указывается на необходимость зафиксировать текущую языковую норму и создать единый свод правил, которые таким образом закрепили бы в языке принципы передачи городских указателей, названий станций метро и иных важных объектов [2]. Языковая норма непосредственно связана со сложившейся в городском ландшафте языковой традицией, поэтому важную роль играет направленность перевода на конкретную социальную группу. Следует опираться на результаты, полученные в ходе социальных и прежде всего социолингвистических опросов и исследований [7].

При выборе оптимального варианта передачи указателей и названий необходимо принимать во внимание разницу в фонетической системе русского и английского языков. Английский язык лежит в основе исследования потому, что на сегодняшний день является языком международного и межнационального общения и одним из официальных языков ООН и широко распространен по всему миру.

Исходя из того, что английский язык относится к вокалическому типу, а русский — к консонантическому, наблюдается различие ролей смыслообразующих звуков, что необходимо учитывать при переводе. Так, в трудах Н.А. Федяниной отмечена разница в механизмах воспроизведения некоторых английских и русских звуков, а также разница в смысле, которая из них вытекает: например, русский фрикативный заднеязычный [x] не имеет аналогии в английском языке. При произнесении согласного [x] язык оттянут назад, задняя часть спинки языка поднята к мягкому нёбу и напряжена. Английский фарингальный согласный [h] фонетически и акустически представляет собой другой звук. Щель образуется в гортани, через которую проходит слабая воздушная струя. Англичане часто воспринимают на слух русский согласный [x] как [k], который они произносят вместо [x], что ведет к неразличению слов *код* – *ход*, *мука* – *муха* [6]. Поэтому [x], находящийся в иных позициях, кроме начальной, на письме допустимо передавать как *kh*. Но при транслитерации в ряде случаев используется *h*, который англоговорящие туристы могут воспринять как глухой. Например, см. рисунок 3: название станции метро «Охотный ряд» переведено на карте метро как *Ohotny Ryad*, а на картах Единой системы транспортной навигации — как *Okhotny Riad*.

Рис. 3. Сравнение фрагмента карты системы Единой транспортной навигации с картой метрополитена

Передача названий с окончанием -ий/-ый также осуществляется различными способами, ср.: Глинищевский переулок — *Glinishhevskiy side-street* и Водный стадион — *Vodny Stadion*. В данном случае в целях систематизации и приведения транслитерированных названий к удобочитаемому виду представляется возможным упростить выраженные диграфами окончания *-iy*, *-ij*, *-ui* и другие до вида *-u* за счет эффекта редукции гласного в безударном положении. Сохранение одинарной *-u* позволяет обеспечить адекватность интерпретации [8]. Одновременно это решение поможет устранить противоречия вида *Maly Theatre* и *Teatralniy Proezd* и избыточные варианты с двойной *-uu*: *SEREBRYANYU side-street*.

Для городских навигационных указателей характерно непостоянство переводов классификаторов *улица*, *бульвар*, *набережная*, *переулок* и других, как отмечено в работе «Система городской навигации города Москвы как проблема мультикультурного моделирования лингвистического образа города» [1]. На картах Департамента транспорта для передачи классификатора улицы используется транслитерация — *Ulitsa (Mokhovaya Ulitsa, Tverskaya Ulitsa)*, однако более сложные для нерусскоязычных реципиентов классификаторы, такие как *подворье*, *бульвар*, в некоторых случаях имеют полноценный перевод (*Savvinskoe Courtyard*,

Tverskoy boulevard) [5]. На отдельных указателях английские классификаторы дополнительно сокращаются, причем графический формат сокращений носит отличный характер от надписей на русском языке, что также позволяет говорить о необходимости унификации (Сыромятнический пр. — *Syromyatnicheskiy PSGE*, Костомаровская наб. — *Kostomarovskaya EMB*).

Для выработки единого стандарта передачи русских имен собственных необходим анализ принятых и активно используемых в городских масштабах стандартов транслитерации (таких, как ГОСТ Р 52290-2004, ГОСТ 7.79-2000) [12], а также международных стандартов (Международный стандарт, рекомендованный ИКАО). Важно экспериментально проверить, какие из них позволяют полноценно передать название на другом языке и получить верное исходное название при обратном переводе. Кроме того, следует провести специальное социологическое исследование среди носителей европейских языков, предназначенное для определения наиболее оптимальных способов передачи символов кириллического алфавита средствами латинского алфавита. Потребуется учесть отзывы как лингвистов, так и нелингвистов, чтобы охватить широкий круг иностранцев, не имеющих опыта чтения транслитерированных русских названий. Для сбора материалов предполагается использовать наблюдение и документирование переводов на указателях, объявлениях, инструкциях, афишах в рамках полевого исследования.

Таким образом, перевод городских указателей является лингвокультурологической проблемой, практическое значение которой состоит в создании новой нормы транслитерации, нацеленной специально на перевод названий городских объектов, ориентированной непосредственно на социальные слои, для которых предназначен перевод, и учитывающей как лингвистические, так и социальные требования к процессу перевода.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: докл. и сообщения Междунар. конф. / Ин-т языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М., 2014. С. 302–309.
2. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 36–46.
3. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание: избр. работы. М.: Просвещение, 1977. С. 175–189.
4. Резник И., Берсенева А. Хохlovskij pereulok перепутал буквы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2014/10/20/6268253.shtml> (дата обращения: 26.06.2015).
5. Сулейманова О.А., Холодова Д.Д. Система городской навигации города Москвы как проблема мультикультурного моделирования лингвистического образа города // Journal of English Studies at New Bulgarian University (ESNBU). 2015. P. 97–115.

6. Федянина Н.А. Основные черты русской фонетики в сопоставлении с английской // Русский язык за рубежом. 1979. № 2. С. 27–35.
7. Юнаковская А.А. Социальная дифференциация языка города (проблемы и перспективы) // Филологический ежегодник. Омск, 1999. С. 80–85.
8. Minkova D. The history of final vowels in English: the sound of muting. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. 220 p.

Источники

9. ГОСТ Р 52290-2004. Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Технические требования. М.: Изд-во стандартов, 2006. 125 с.
10. ГОСТ 7.79-2000. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом. М.: Изд-во стандартов, 2002. 23 с.
11. Единая система транспортной навигации для москвичей и гостей города. [Электронный ресурс]. URL: http://dt.mos.ru/upload/Final_book_Russian.pdf (дата обращения: 27.06.2015).
12. Регламент размещения и содержания указателей наименований улиц и номеров домов на зданиях, строениях и сооружениях в городе Москве: приложение к распоряжению ДЖКХиБ города Москвы от 14.10.2014 // Собрание законодательства. 2014. № 05. С. 1–34.

References

Literatura

1. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Gorodskoe prostranstvo kak novaya kommunikativnaya sreda e'poxi globalizacii // Yazy'kovaya politika i yazy'kovy'e konflikty' v sovremennom mire: dokl. i soobshheniya. Mezhdunar. konf. / Ins-t yazy'koznaniya RAN, Nauchno-issledovatel'skij centr po nacional'no-yazy'kovy'm otnosheniyam. M., 2014. S. 302–309.
2. Kry'sin L.P. Yazy'kovaya norma i rechevaya praktika // Otechestvenny'e zapiski. 2005. № 2 (23). S. 36–46.
3. Larin B.A. O lingvisticheskom izuchenii goroda // Istoriya russkogo yazy'ka i obshhee yazy'koznanie: izbr. raboty'. M.: Prosveshhenie, 1977. S. 175–189.
4. Reznik I., Berseneva A. Xoxlovskij pereulok pereputal bukvy' [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2014/10/20/6268253.shtml> (data obrashheniya: 26.06.2015).
5. Sulejmanova O.A., Xolodova D.D. Sistema gorodskoj navigacii goroda Moskvy' kak problema mul'tikulturnogo modelirovaniya lingvisticheskogo obraza goroda // Journal of English Studies at New Bulgarian University (ESNBU). 2015. P. 97–115.
6. Fedyanina N.A. Osnovny'e cherty' russkoj fonetiki v sopostavlenii s anglijskoj // Russkij yazy'k za rubezhom. 1979. № 2. S. 27–35.
7. Yunakovskaya A.A. Social'naya differenciaciya yazy'ka goroda (problemy' i perspektivy') // Filologicheskij ezhegodnik. Omsk, 1999. S. 80–85.
8. Minkova D. The history of final vowels in English: the sound of muting. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. 220 p.

Istochniki

9. GOST P 52290-2004. Texnicheskie sredstva organizacii dorozhnogo dvizhniya. Znaki dorozhny'e. Texnicheskie trebovaniya. M.: Izd-vo standartov, 2006. 125 s.

10. GOST 7.79-2000. Sistema standartov po informacii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu. Pravila transliteracii kirillovskogo pis'ma latinskim alfavitom. M.: Izd-vo standartov, 2002. 23 s.

11. Edinaya sistema transportnoj navigacii dlya moskvichej i gostej goroda. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://dt.mos.ru/upload/Final_book_Russian.pdf (data obrashheniya: 27.06.2015).

12. Reglament razmeshheniya i sodержaniya ukazatelej naimenovanij ulicz i numerov domov na zdaniyah, stroeniyah i sooruzheniyah v gorode Moskve: prilozhenie k rasporyazheniyu DZhKXiB goroda Moskvy' ot 14.10.2014 // Sobranie zakonodatel'stva. 2014. № 05. S. 1–34.

I.V. Zots

Bilingual Navigation Texts in the Context of a City Environment

The paper demonstrates the transliteration standards adopted in the city environment, as well as bilingual navigation signs in the modern city environment. Examples of translation discrepancies and inconsistencies are demonstrated. The paper analyzes the inconsistencies in such translated texts and offers suggestions on the possible improvements of the current standards in order to establish uniformity of English translations.

Keywords: city language; navigation signs; bilingual city environment; language pluralism.

Н.В. Новиков

Коммуникативные особенности цифровой дипломатии в медийном пространстве

Статья посвящена анализу коммуникативных стратегий манипуляции и дискредитации в сфере нового коммуникативного пространства — цифровой дипломатии. Анализируется сопряженность цифровой дипломатии с публичной дипломатией и медийной сферой.

Ключевые слова: цифровая дипломатия; медийное пространство; твитпломатия; манипуляция; дискредитация.

Термин «цифровая дипломатия» («интернет-дипломатия», «дипломатия социальных сетей» или «Web 2.0 дипломатия») изначально использовался в отношении публичной политики США, проводимой с опорой на цифровые технологии [10: с. 114]. Такая дипломатия активно задействует возможности Интернета и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для решения дипломатических задач.

Современное «информационное общество» характеризуется постоянной вовлеченностью человека в аудиовизуальные потоки сетевого и синергетического типа коммуникации [4: с. 55], что обуславливает применение в рамках цифровой дипломатии новых медиа, социальных сетей, блогов и других медиаплощадок глобальной сети [10: с. 112]. В электронной дипломатии принимают участие в первую очередь внешнеполитические, правительственные органы, а также неправительственные организации, чья деятельность связана с реализацией внешнеполитической повестки дня [6].

Наблюдается высокий уровень персонификации цифровой дипломатии, когда дипломаты ведут информационные блоги в социальных сетях, таких, как Facebook и Twitter. Цифровая дипломатическая площадка продвигает внешнеполитические интересы через интернет-телевидение, социальные сети, мобильные телефоны и направлена на массовое сознание и политические элиты [5].

Так, цифровая дипломатия (*la diplomatie numérique*) официально объявлена одним из приоритетных направлений развития МИД Франции [2]. Формируется дискурс цифровой дипломатии, который по аналогии с медиадискурсом можно трактовать как инструмент виртуальной культуры продвижения и культуры медиапропаганды [7: с. 67].

Виртуальная культура, понимаемая, вслед за Л.М. Земляновой, как комплекс форм и приемов восприятия и моделирования реальности с помощью компьютерной техники, на которой основывается сетевая логика информационного общества и переход к нему, занимает все более значимое место в современной

жизни [12: с. 348]. Виртуальное пространство напрямую влияет на события и людей в зарубежных странах, даже находясь за границами суверенного и международного права, меняет информационную картину [9]. Такое игнорирование медийных фильтров цифровой дипломатии представлено в дискурсивном пространстве: 1) текстами на цифровом портале внешнеполитических ведомств; 2) сообщениями, создаваемыми видными дипломатами в личных блогах на социальных порталах.

Обратимся к разделу «Dossiers pays» на официальном портале МИД Франции, который позволяет получить актуальную характеристику международных отношений Франции с любым государством. Наблюдается нарушение норм дипломатического дискурса, отступление от традиционных сдержанности и некатегоричности при характеристике государственных режимов других стран: «*Considérant que l'élection présidentielle syrienne organisée par le régime de Bachar al-Assad constitue une parodie de scrutin, la France a fait usage du choix qu'offre la Convention de Vienne sur les relations consulaires du 24 avril 1963, dont l'article 5.m) autorise les pays hôtes à s'opposer à la tenue d'un scrutin sur l'ensemble de leur territoire*» [2].

Используя номинацию *parodie de scrutin* (пародия на выборы) в тексте, представители пресс-службы французского МИД показывают мировой интернет-общественности негативный образ действующего режима в Сирии, характеризуя его как нелегитимный. Происходит дискредитация правительства Асада, тем самым мотивируется невозможность установления равновесных дипломатических отношений.

В последнее время в системе международного политического общения важное место стали занимать социальные сети, в частности Twitter, позволяющие получать информацию о мировой политике непосредственно от участников международного общения, минуя медийных посредников (пресс-службы, СМИ). Объяснение феномена *твитпломатии* связано с увеличивающейся потребностью политиков в расширении контактов с людьми [4]. Вместе с тем это сопряжено с определенным риском, так как традиционные медийные фильтры в подобной практике общения не действуют, хотя современные аналитики сетевой политики подчеркивают, что «Твиттер нужно использовать не в качестве Интернет-оружия, а в качестве конструктивного инструмента распространения информации». В практике дипломатической коммуникации Twitter служит проводником дискурсивной категоричности» [1]. В частности, исследователи отмечают, что Twitter стал модным инструментом для монтажа и дестабилизации в информационной и психологической войне [11].

Характер предоставляемой информации во многом определяется ключевыми особенностями дискурса твитпломатии, в частности объемом твитов (коротких сообщений в микроблоге Twitter), который не может превышать 140 символов [13]. Следовательно, полноценную характеристику комментируемого события дать невозможно, упор делается на образные номинации, нередко несущие недопустимую для дискурса дипломатии свехотрицательную коннотацию.

Обратим внимание на то, что французский язык — официальный язык на сайте МИД Франции. Однако в социальных сетях французские дипломаты используют преимущественно английский язык. Следовательно, они в микро-блогах информируют в первую очередь иностранных граждан. При этом важные твиты пишутся крупным шрифтом с целью привлечь особое внимание общественности. Дискурс англоязычных твитов французских дипломатов можно условно подразделить на нейтральный, агрессивный и лаудативный, комплиментарный.

Нейтральные твиты выполняют, как правило, информационную функцию, направлены на информирование общественности о внешнеполитических событиях и не содержат в себе оценочных суждений. Агрессивный дискурс дипломатических твитов носит манипулятивный характер. В качестве примера приведем твит г-на Жерара Аро, постоянного представителя Франции при ООН: «We think that Bashar and ISIS are *the two sides of the same coin*. French MFA Fabius to the WSJ» [3: <https://twitter.com/gerardaraud@GerardAraud> 2.06.2015].

В твите, набранном крупным шрифтом, как особо важном, дипломат цитирует своего непосредственного руководителя, министра иностранных дел Франции Лорана Фабиуса, солидаризируясь тем самым с его позицией. Твиттер дипломата предстает площадкой для распространения дискредитирующего образа главы Сирии Башара Асада. Прием дискурсивной агрессии состоит в сопоставлении сирийского лидера с террористической организацией. Таким образом, в сознании мирового сообщества за ним пытаются закрепить ярлык террориста.

Второй твит Жерара Аро, напротив, является ярким примером лаудативного, комплиментарного дискурса: «Quand on me demande ce qui me frappe le plus aux US, je répons: *la gentillesse, l'énergie et l'esprit positif des Américains*» [3: <https://twitter.com/gerardaraud@GerardAraud> 8.06. 2015].

Используя термины с положительной коннотацией, дипломат стремится продемонстрировать лояльность к внешней политике США, а также способствовать формированию проамериканской позиции у интернет-общественности.

Иногда во французских твитах может наблюдаться смешение двух языков в одном текстовом сообщении, что делается с тем, чтобы на дискурсивном уровне подчеркнуть близость французской и американской культур и приоритетов во внешней политике: «*Charming, délicieux!* But why to choose? We love both: TheAtlanticVID: Paris or New York?» [3: <https://twitter.com/gerardaraud@GerardAraud> 26.05.2015].

Одна из важнейших задач исследования дипломатического дискурса — выявление его интенциональной структуры [8: с. 47]. В дискурсе цифровой дипломатии структурной основой являются аналогичные медийным средства воздействия на адресата. Изменение коммуникативного пространства оказало влияние на медиатизацию дипломатического дискурса. Медийность дипломатии обусловила отход на второй план ее традиционной некатегоричности и сдержанности. Это создает определенную опасность, так как к дипломатическим источникам информации мировое сообщество относится с бóльшим доверием, чем к прессе.

Дипломатические позиции находят яркое выражение на уровне определенных приемов воздействия, как правило, носящих идентичный характер

с приемами из сферы масс-медиа. Так, в исследованных примерах использовались дискредитация и делигитимация, а также противоположные им солидаризация и восхваление. При этом стиль описания, механизмы, способы и средства языкового воздействия обусловлены особенностями аудитории: дискурс цифровой дипломатии направлен не на статусных участников процессов мировой политики, а на массовую аудиторию.

Библиографический список

Источники

1. Отдел новостей и СМИ радио ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/185093/#.VYP42vntmko> (дата обращения: 29.06.2015).
2. France Diplomatie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/> (дата обращения: 27.06.2015).
3. Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/> (дата обращения: 27.06.2015).

Литература

4. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
5. Зиновьева Е.С. Россия во всемирной паутине: цифровая дипломатия и новые возможности в науке и образовании [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=121#top-content (дата обращения: 28.06.2015).
6. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf> (дата обращения: 27.06.2015).
7. Русакова О.Ф. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 65–77.
8. Терентий Л.М. Интенциональная структура дипломатического дискурса: беседы между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 47–56.
9. Трофименко Н.В. Цифровая дипломатия как одно из направлений публичной дипломатии [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2617/2200_13689_ecbb0a.pdf (дата обращения: 27.06.2015).
10. Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура: периодика. 2011. № 3. С. 109–122.
11. Viloría E. La guerra mediática a través de twitter [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aporrea.org/medios/a196347.html> (дата обращения: 29.06.2015).

Словари и справочные издания

12. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 416 с.
13. Твитт.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://twtt.ru/slovar/tweet.html> (дата обращения: 28.07.2015).

References

Istochniki

1. Otdel novostej i SMI radio OON [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/185093/#.VYP42vntmko> (data obrashheniya: 29.06.2015).
2. France Diplomatie [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/> (data obrashheniya: 27.06.2015).
3. Twitter [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://twitter.com/> (data obrashheniya: 27.06.2015).

Literatura

4. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v mass-medijnom kommunikativnom prost-ranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.
5. *Zinov'eva E.S.* Rossiya vo vsemirnoj pautine: cifrovaya diplomatiya i novy'e vozmozhnosti v nauke i obrazovanii [E'lektronny'j resurs]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=121#top-content (data obrashheniya: 28.06.2015).
6. *Zinov'eva E.S.* Cifrovaya diplomatiya, mezhdunarodnaya bezopasnost' i vozmozhnosti dlya Rossii. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf> (data obrashheniya: 27.06.2015).
7. *Rusakova O.F.* Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty' politicheskoy kommunikativistiki // Nauchny'j ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2014. T. 14. Vy'p. 4. S. 65–77.
8. *Terentij L.M.* Intencional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa: besedy' mezhdru L.I. Brezhnevym i R. Niksonom // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 47–56.
9. *Trofimenko N.V.* Cifrovaya diplomatiya kak odno iz napravlenij publichnoj diplomatii [E'lektronny'j resurs]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2617/2200_13689_ecbb0a.pdf (data obrashheniya: 27.06.2015).
10. *Czvetkova N.A.* Programmy' Web 2.0 v publichnoj diplomatii SShA // SShA i Kanada: E'konomika, politika, kul'tura: periodika. 2011. № 3. S. 109–122.

Slovari i spravochny'e izdaniya

11. *Zemlyanova L.M.* Kommunikativistika i sredstva informacii: Anglo-russkij tolkovy'j slovar' koncepcii i terminov. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 416 s.
12. Twitt.ru [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://twitt.ru/slovar/tweet.html> (data obrashheniya: 28.07.2015).

N.V. Novikov

Communicative Particularities of Digital Diplomacy in Media

The paper deals with the analysis of the communicative strategies of manipulation and discrediting in the new communicative area of digital diplomacy. The origins of the digital diplomacy, its connections with public diplomacy and media are analyzed.

Keywords: digital diplomacy; media space; twiplomacy; manipulation; discrediting.

К.Э. Коцик

Концепции топиковых структур в языкознании Новейшего времени

В статье представлен генезис понимания структуры «топик – комментарий» в Новейшее время. Начиная с 1976 г. «топиковая проблематика» в западном языкознании развивалась достаточно стремительно, что привело к появлению разных и иногда диаметрально противоположных подходов к изучению проблемы.

Ключевые слова: топик; комментарий; предикативная конструкция.

Под *топиковыми структурами* в статье понимается синтаксическая структура типа «топик – комментарий», в лингвистических кругах обычно противопоставляемая структуре типа «подлежащее – сказуемое». В классическом понимании «топик – комментарий» рассматриваются американскими лингвистами Ч. Ли и С. Томпсон как расширенные члены предложения [10: с. 193–235]. В дальнейшем данные категории приобретают и такие версии, как текстовая, психолингвистическая и типолого-стилистическая, которые, как отмечает В.А. Курдюмов, «не вступают в противоречие и могут быть сведены к одному, наиболее сущностному» [3: с. 114].

Этимология термина «топик» восходит к античной философии, а именно к учению Аристотеля о *топах* (с *греч.* *topos* — место), которые понимались им как ментальные категории, выступающие стимулом для «размножения» идей, способствующие созданию смыслового каркаса речевого произведения, определяющие структуру речи, синтаксический строй языка [1: с. 13–165].

Одной из предпосылок зарождения топиковой теории стало выдвинутое на рубеже XIX и XX вв. положение о том, что язык включает в себя психический компонент. Г. Штейнталь ввел в теорию языка такие понятия, как «психологический субъект», «психологический предикат» (что примерно соответствует понятиям современного коммуникативного синтаксиса: «тема» — данное и «рема» — новое) [11: с. 47].

В свою очередь, Г. Пауль считает, что любая грамматическая категория возникает на основе психологической [7: с. 143]. В классическом труде «Принципы истории языка» (1880) он расчленяет понятие «субъект» на грамматический (формальный) субъект, т. е. подлежащее, и логический субъект, т. е. тему, который соответствует отправному пункту, основе сообщения, данному.

В 1958 г. выходит «A Course of Modern Linguistics» Ч. Хоккета, в котором он подробно описывает типы синтаксических связей, выделяя вслед за Л. Блумфильдом две синтаксические группы:

1) эндоцентрические (*endocentric*) — такие построения, в которых одна или любая из составляющих может заменить всю группу в большей (т. е. в расширенной) структуре. Примерами могут служить следующие: *poor John, John and Mary* и т. д.;

2) экзоцентрические (*exocentric*) — характеризуются отрицательным признаком и определяются как построения, в которых ни одна из составляющих не может заменить всего словосочетания в расширенной структуре [2: с. 207].

Дальнейшая субкатегоризация экзоцентрических типов словосочетаний согласно Ч. Хоккету заключается в выделении трех типов синтаксической связи: 1) подчинения (*Directive*); 2) согласования (*Connective*); 3) предикации (*Predicative*).

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет *предикационный тип*. Подробно описывая его, Ч. Хоккет отмечает, что предикационные конструкции можно охарактеризовать при помощи категорий *топик* и *комментарий* [9: с. 201]. Далее автор делает не менее важное заключение о том, что в английском и во многих других европейских языках топик обычно является подлежащим, а комментарий сказуемым, однако данное синтаксическое совпадение часто не соблюдается в разговорном английском и в некоторых неевропейских языках. Так, природа предикационных конструкций китайского языка фундаментально отличается от природы подобных конструкций в английском языке. Если отделить подлежащее от сказуемого в простом английском предложении, сказуемое не сможет функционировать как самостоятельное предложение. Однако в китайском предложении при разделении топика и комментария последний сможет выполнять функции предложения.

Таким образом, Ч. Хоккет выявляет главное отличие конструкции «топик – комментарий» от структуры «подлежащее – сказуемое»: последняя характеризуется отношением «действие – действие», чего не требует первая [9: с. 203]. Видимо, это первое понимание недеятельностного характера топиковых структур.

Последующее развитие идеи Ч. Хоккета получили в работе Дж. Лайонза, который принимает терминологию Ч. Хоккета в качестве нормативной для дальнейшего описания предикативных структур, но при этом делает два замечания:

1) субъект и предикат как синтаксические категории отграничиваются от называния и толкования (т. е. «топик – комментарий» в современном понимании);

2) называние обязательно предшествует толкованию [5: с. 354].

Завершив на этом чисто лингвистическое описание, Дж. Лайонз углубляется в исследование философских категорий субстанции и акциденции, коррелируя их с понятиями «топик» и «комментарий», что возвращает нас к учению Аристотеля о топах и Платона об универсальных именах. Такое смешение лингвистики и логики, хотя и является весьма любопытным, не играет значительной роли для построения современной синтаксической концепции.

Более подробное изучение понятий топика и комментария, в особенности применительно к китайскому языку, находим в трудах американского лингвиста китайского происхождения Чж. Юаньжэня (1892–1982), который в «Грамматике разговорного китайского языка» ввел понятия «топик» и «комментарий» путем расширения значения подлежащего и сказуемого. Как отмечает В.А. Курдюмов, «понятия топика и комментария использовались в американской лингвистике и раньше, но именно Чж. Юаньжэнь показал оптимальность их использования применительно к анализу китайского синтаксиса» [3: с. 51]. Одним из значимых выводов Чж. Юаньжэня стало утверждение о том, что грамматическим значением подлежащего и сказуемого в китайском языке обладают топик и комментарий, а не деятель и действие [8: с. 69].

Изучением *топиковости* языка занимались видные американские лингвисты Ч. Ли и С. Томпсон, обосновавшие необходимость противопоставления предикативной структуры «топик – комментарий» традиционной паре «подлежащее – сказуемое» (Topic – comment vs. subject – predicate, см. [6: с. 193–235]). Лингвисты предложили новые, отличные от морфологического подхода, идеи о типологии языков: «...для типологии языка обоснованно предлагаются уже не морфологические, как в прошлом, а коммуникативно-синтаксические критерии, установленные в ходе обобщения данных по сино-тибетским языкам» [3: с. 52].

Американские лингвисты приходят к важному заключению: «Понятие подлежащего с давних пор считалось базисным грамматическим отношением в структуре предложений всякого языка. Однако факты, собранные нами в ряде языков, позволяют предполагать, что в базисных конструкциях этих языков представлено не столько отношение “подлежащее – сказуемое”, сколько отношение “топик – комментарий”. Эти факты доказывают не только то, что понятие топика в грамматическом описании может быть в такой же степени базисным, как и понятие подлежащего, но также и то, что языки могут различаться своими стратегиями построения предложения в зависимости от того, что выдвигается на первый план — топик или подлежащее» [6: с. 193].

В соответствии с результатами исследования предложили разделить языки на четыре основных типа в зависимости от выдвигения на первый план:

- 1) подлежащего (subject – prominent vS);
- 2) топика (topic – prominent vT);
- 3) как подлежащего, так и топика;
- 4) без выдвигения подлежащего или топика.

Следовательно, китайский язык может быть отнесен к категории языков с выдвигением топика на основании того, что «типичный говорящий в типичной ситуации общения выбирает не “подлежащую” стратегию с уподоблением любой ситуации деятелю и действию, а топиковую, где канонически расчлененное предложение состоит из характеризуемой и характеризующей части без необходимости согласования и унификации ролевой формы» [4: с. 38].

Существенно новым стало высказанное в 1976 г. предположение о том, что понятие топики является универсальным [6: с. 193–235].

Таким образом, начиная с 1976 г. топиковая проблематика в западном языкознании развивалась достаточно стремительно, что привело к появлению разных и иногда диаметрально противоположных подходов к изучению проблемы. В отечественной традиции, в том числе и в китаеведении, данная проблема долгое время была объектом концептуального изучения (вплоть до появления предикационной концепции).

Лингвисты общего профиля, воспитанные в русле «европейской традиции», как правило, отождествляли топик и комментарий с темой и ремой (во всем разнообразии вариантов), китаеведы — под влиянием воззрений, сформированных в 1950-х гг. («постмарристская» дискуссия в советском языкознании и последовавшая за ней советско-китайская дискуссия о частях речи, общим посылом которой стало типологическое «выравнивание» флективных языков и языков типа китайского) — полагали, видимо, что топиковые структуры несовместимы с уже достигнутыми результатами и являются излишне «американскими».

Анализ концепции топиковых структур в языкознании Новейшего времени показал, что актуальным является рассмотрение таких структур в синтаксическом, психолингвистическом, дискурсивном, онтологическом аспектах, а также выявление возможных путей их дальнейшего изучения в мировой лингвистике.

Библиографический список

Литература

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 13–165.
2. *Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
3. *Курдюмов В.А.* Курс китайского языка. Теоретическая грамматика. М.: Цитадель-трейд: Вече, 2006. 576 с.
4. *Курдюмов В.А.* Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 1 (13) 2014. С. 37–46.
5. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ.; под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2010. 544 с.
6. *Ли Ч., Томпсон С.* Подлежащее и топик: новая типология языков подлежащего / пер. с англ. Е.Н. Саввиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 193–235.
7. *Пауль Г.* Принципы истории языка / пер. с нем.; под ред. А.А. Холодовича. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 500 с.
8. *Chao Y.R.* A grammar of spoken Chinese. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1968. 846 p.
9. *Hockett Ch.* A Course in Modern Linguistics. New York: Macmillan, 1958. 621 p.

10. *Li Ch.N., Thompson S.A.* Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkley: Univ. of California Press, 1981. XVIII. 691 p.
11. *Steinthal H.* Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin: Dümmler, 1881. 496 s.

References

Literatura

1. *Aristotel'.* Ritorika // Antichny'e ritoriki / pod red. A.A. Taxo-Godi. M.: Izd-vo MGU, 1978. S. 13–165.
2. *Blumfeld L.* Yazy'k. M.: Progress, 1968. 608 s.
3. *Kurdyumov V.A.* Kurs kitajskogo yazy'ka. Teoreticheskaya grammatika. M.: Citadel'-trejd: Veche, 2006. 576 s.
4. *Kurdyumov V.A.* Morfologicheskij uroven' kitajskogo yazy'ka kak izoliruyushhego topikovogo. Sushhnost' i sodержanie pozicii chasticzy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 1 (13) 2014. S. 37–46.
5. *Lajonz Dzh.* Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku / per. s angl.; pod red. i s predisl. V.A. Zveginceva. 2-e izd. M.: Editorial URSS, 2010. 544 s.
6. *Li Ch., Tompson S.* Podlezhashhee i topik: novaya tipologiya yazy'kov podlezhashhego / per. s angl. E.N. Savvinoy // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy'p. XI: Sovremenny'e sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike. M.: Progress, 1982. S. 193–235.
7. *Paul' G.* Principy' istorii yazy'ka / per. s nem.; pod red. A.A. Xolodovicha. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1960. 500 s.
8. *Chao Y.R.* A grammar of spoken Chinese. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1968. 846 p.
9. *Hockett Ch.* A Course in Modern Linguistics. New York: Macmillan, 1958. 621 p.
10. *Li Ch.N., Thompson S.A.* Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkley: Univ. of California Press, 1981. XVIII. 691 p.
11. *Steinthal H.* Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin: Dümmler, 1881. 496 s.

K.E. Kotsik

Conceptions of Topic Structures in Contemporary Linguistics

This article presents the genesis of today's understanding of the «topic-comment» structure. From 1976 onwards «topic problems» have evolved torrentially in western linguistics leading to the appearance of different and sometimes diametrically opposed approaches to the study of the issue.

Keywords: topic; comment; predicative construction.

Е.О. Астапова

Поэтический образ аромата сливы в японской антологии «Кокинвакасю»

В статье рассматривается тема аромата сливы в японском поэтическом памятнике X в. «Кокинвакасю». На примере поэтической антологии анализируется художественная функция аромата сливы в средневековой японской поэзии.

Ключевые слова: «Кокинвакасю»; поэзия *вака*; художественная функция; аромат сливы.

В период формирования и становления японской поэтической традиции новый этап в ее развитии связан с поэтической антологией «Кокинвакасю» («Кокинсю») — «Собранием старых и новых песен» (905), составленной по приказу императора Дайго (897–930). Первая из восьми императорских антологий, созданных в эпоху Хэйан (794–1185), новаторская по сути и форме. В ней привычные и традиционные образы, сюжетные линии и темы получили новое звучание и поэтическое воплощение.

Среди весенних образов, наиболее ярко представленных в пейзажной лирике «Кокинсю», особое место занимает образ цветущей сливы, источающей изысканный аромат. Обратим внимание, что в «Кокинсю» воспевалась не только красота сливы, ее цветы, но именно аромат, которому в поэтике антологии «Кокинсю» была отведена исключительная роль. Отметим также, что данная тема была не нова для хэйанских поэтов. Об аромате слагали песни и в предшествующей «Кокинсю» антологии «Манъесю», и даже в еще более древнем поэтическом сборнике китайской поэзии «Кайфусо» (751). Однако в собрании «Кокинсю» именно аромат сливы был воспет гораздо больше, чем ее красота, а тема благоухающей сливы стала основной в песнях, посвященных этому дереву.

Так, в 17 из 32 песен о сливе в антологии «Кокинсю» поэты так или иначе воспевали ее аромат. В иероглифическом написании слово «аромат» воспроизводили двумя способами. С помощью иероглифа 匂 («запах»), который носил нейтральный оттенок, и с помощью иероглифа 香 («аромат», «благоухание»), благодаря которому подчеркивалась изысканность и давалась высокая оценка благородному дереву сливы [2: с. 45]. Чтобы изобразить картину весенней природы во всей ее красоте в пейзажной лирике или вызвать у читателя определенные чувства при знакомстве с любовной поэзией, поэты подбирали к слову «аромат» соответствующие глаголы, которые могли подчеркнуть тончайшие нюансы.

Именно глаголы «оживляют» слово «аромат» в песне, наделяют его красками и заставляют его «работать» именно так, как необходимо составителю

послания. Словесная характеристика ощущения аромата сливы веками оттачивались в поэтической традиции, но только в эпоху Хэйан достигла совершенства. При этом появился новый взгляд на значение аромата сливы. Возникли ракурсы, на которые поэты предыдущих поколений не обращали внимания. К примеру, аромат сливы могли сравнить с «посланцем ветра» (風の便り), который укажет дорогу соловью, станет его проводником (導にはやる), как это было искусно подмечено поэтом Ки-но Томонори на одном из поэтических турниров.

Действительно, аромат сливы, витая в воздухе, служил верной приметой, был своего рода маяком, который даже в темноте мог указать дорогу возлюбленным к дереву. В некоторых песнях герой даже «разыскивает» (尋ねる) ветку сливы по ее благоуханию в лунную ночь (月夜), чтобы сломать и преподнести своей возлюбленной. А в песне № 9, озаглавленной «К горе Курабу», во тьме ночи единственным точным признаком того, что здесь растет слива, служит ее аромат. В ней используется глагол 徴く («судить по приметам»), да и само название горы переводится как «гора Тьмы» (暗部山), что еще более усиливает у читателя ощущение пребывания во тьме и трудности, сопряженные с поиском сливового дерева.

На превосходство аромата сливы перед красотой ее цветов указывает и то, что в «Кокинсю» главным образом поют о цветущей сливе. Поскольку только такая слива может благоухать, поэтому лишь в трех песнях поэтического памятника упоминаются опадающие лепестки. Это отличает «цикл о сливе» от аналогичной подборки в антологии «Манъесю», в песнях которой преимущественно воспевали цвет и красоту сливы. И именно созерцание ее опадающих лепестков доставляло эстетическое удовольствие утонченным ценителям красоты в древности.

Можно предположить, что такое развитие тема аромата сливы получила не только в связи с изменениями в эстетических предпочтениях придворных поэтов, но и благодаря усовершенствованию поэтических традиций, заложенных древней поэзией, а также такому удивительному явлению той поры, как культура ароматов и благовоний, расцвет которой пришелся на эпоху Хэйан.

Песни, посвященные теме аромата сливы в «Кокинсю», под общим названием *умэ га ка* (梅が香) можно условно классифицировать на три группы:

I. «Аромат сливы, разливающийся ночью» — *еру но умэ но ка* (夜の梅の香).

II. «Аромат сливы, пропитывающий рукава» — *содэ но ка то уцури ка* (袖の香と移り香).

III. «Другие ароматы и благовония, ошибочно принимаемые за аромат сливы» — *умэ га ка то такимоно но ка* (梅が香と薫物の香).

К группе I относятся произведения пейзажной лирики из первого свитка «Весна». Как правило, они повествуют о том, что благодаря разливающемуся аромату в темноте можно распознать, что здесь цветет слива. Или, например, поют о том, что весенней ночью белые цветы сливы можно ошибочно принять

за белый снег или белый свет луны, и только аромат подсказывает поэту, что это не снег и не луна, а слива. Таким образом, темнота утрачивает функцию некой помехи или препятствия и становится бессильной.

Наиболее интересны поэтические образы, которые встречаются в песнях из группы II. «Аромат сливы, пропитывающий рукава одежд» — самый распространенный из них. А словосочетание «аромат, пропитывающий [одежду]» 移り香 (буквально «аромат, переходящий на что-либо») стало излюбленным поэтическим выражением, которое часто используется в хэйанской поэзии.

При более детальной классификации песен с выражением 移り香, относящихся к группе II, их можно разделить на три подгруппы:

- 1) «аромат сливы, пропитывающий рукава»;
- 2) «аромат одежды, напоминающий об аромате сливы»;
- 3) «аромат сливы, пропитывающий собой другие предметы».

В песнях из подгруппы 1 часто говорится о том, как аромат сливы переходит на рукава, а соловей (еще один парный образ сливы), ошибочно приняв рукава за цветы сливы, старательно выводит трели, или, например, о том, что рукава, пропитанные ароматом сливы, являются прощальным подарком весны.

В любовной лирике нередко поют о том, что на рукавах возлюбленных «остается аромат сливы» (袖に留まれる), рукав может «пропитаться» им (香に滲める) или даже «промокнуть» (袖に濡れる). Устойчивые словосочетания, которые имя существительное «рукав» образовало с такими глаголами, как *нидзимэру* (滲める) — «пропитывать», и *нурэру* (濡れる) — «промокать, быть мокрым», были выбраны поэтами не случайно. Приведенные примеры подтверждают следование древней традиции, заложенной еще в антологии «Манъёсю» и, видимо, обусловленной народной магией, когда возлюбленные, состоящие в любовной связи, могли вместе окунать рукава в реку, с тем чтобы укрепить чувство. Упоминание об этом находим в древней поэзии. В произведениях «Кокинсю», явно стремящихся отойти от народной песенной традиции, вместо реки появился образ аромата сливы, пропитывающего рукава. Таким образом, между ароматом сливы, пропитывающим рукава, и чувством любви был поставлен знак равенства.

В большинстве песен подгруппы 2 поется о том, как аромат любимой или любимого ошибочно принимают за аромат сливы, и наоборот. Также возможно выражение опасения быть неверно понятым, когда платье случайно пропитывается ароматом (ведь это могло рассматриваться как подозрение в измене). Примером может служить одна из песен, сложенная неизвестным автором, типичная для такого рода стихов: «К цветущей сливе / Чуть прикоснувшись, / Я пропитался ароматом, / Теперь от милой / Жди упреков!» [1: с. 60].

Герой соблазнился ароматом сливы, ошибочно принимая его за аромат возлюбленной. Эмоциональный посыл произведения транслирует читателю любовные переживания героя, его сомнения в том, что «придет ли любимая?..», «состоится ли встреча?..». Благоухающее дерево сливы здесь выбрано автором в качестве уже общепризнанного в то время символа любви к женщине.

Песни подгруппы 3, в которых аромат пропитывает другие предметы, а точнее, распространяется на природные явления, более характерны для последующих императорских антологий. В них аромат сливы переходит на воду, лунный свет, наполняет небеса, становится иллюзорным ароматом, заполняющим пространство вообще.

К моменту создания «Кокинсю» данная традиция только начала зарождаться, поэтому подобных песен в антологии чрезвычайно мало, и в них аромат перетекает только на снег. Выбор поэтами снега в качестве природного явления, которое могло бы быть пропитано ароматом сливы, был неслучаен. Ведь согласно канонам стихосложения той поры, снег, как и соловей, был парным образом к слову «слива», и слагать песни о цветущей сливе на фоне белого снега было общепринятым еще во времена антологии «Манъесю». В «Кокинсю» обычай сохранился, с той лишь поправкой, что принципиально изменились функции снега в поэзии. Для примера приведем песню поэта Ки-но Цураюки: «С выпавшим снегом / Сливы аромат смешался, / Кто же теперь, / Сорвать цветок желая, сумеет / Их разделить?» [1: с. 112].

«Переход» аромата сливы на разные предметы и природные явления, порой даже на такие абстрактные, как пение соловья (в более поздней традиции), представляет собой прием *синестезии* [4: с. 128], когда чувства и эмоции, вызванные, например, обонянием, создают звуковые или зрительные эффекты. То есть чувства, рожденные одним органом восприятия, усиливаются за счет всплывающей в данный момент, связанной с этим чувством звуковой или зрительной иллюзии.

Таким образом, ко времени создания антологии «Кокинсю» в японской поэзии *вака* образ сливы претерпевает трансформацию, и ее аромат выделяется в особую эстетическую категорию. Более того, на примере распространения аромата сливы можно проследить, как от одной антологии к другой менялось ритуально-магическое значение образа. В «Манъесю» фольклорная традиция еще проявлялась сильно, поэтому, например, как было описано выше, возлюбленные в песнях скрепляли любовный обет, промокая рукава в реке, т. е. проводили своего рода физический ритуальный акт. В дальнейшем элементы «народного ритуала» ушли из японской поэзии, а функция ритуального скрепления любовных уз стала условной, поэтому едва уловимый, тонкий аромат сливы как нельзя лучше соответствовал стремлению поэтов к созданию эфемерных поэтических образов. В «Кокинсю» аромат пропитывал рукава одежды и тем самым скреплял союз влюбленных.

Теперь рассмотрим песни из группы III под названием «Другие ароматы и благовония, ошибочно принимаемые за аромат сливы» (梅が香と薫物の香), в которых повествуется о том, как аромат сливы пропитывает не только одежды или природные и абстрактные явления, а также может быть ошибочно принят за аромат духов (а точнее, благовоний) или других цветов. К примеру, в песне № 34, искусно сложенной неизвестным автором антологии «Кокинсю», рассказывается о том, как возлюбленная ошибочно приняла аромат сливы, разливающийся около дома, за аромат возлюбленного [1: с. 60].

То есть в хэйанской поэзии произошел перенос чувства любви или чувственной красоты на аромат сливы. Во многом это объясняется модной в то время культурой ароматов и благовоний. Надо сказать, что изначально культура воскуривания ароматов зародилась в Индии как неотъемлемая часть церемонии зажжения благовоний перед статуей Будды, что предписывалось буддийской доктриной. Церемония ритуального зажжения благовоний и ароматы проникли в Японию еще в эпоху Нара (VIII в.).

В эпоху Хэйан (IX–XII вв.) придворная знать стала использовать благовония не только во время ритуалов, но и в повседневной жизни. Зародился обычай зажигать благовония в комнатах, пропитывать ими одежду, волосы [4: с. 81]. Более того, при императорском дворе появилась даже новая придворная игра: устраивали своего рода состязание в правильном подборе соответствующих друг другу ароматов, победителя которого определяли путем поочередного зажигания ароматических смесей. Одно из таких состязаний придворных описано поэтессой Мурасаки Сикибу в романе «Гэндзи Моногатари» в свитке под названием «Ветка сливы» [3: с. 108]. Сложность составления «правильной» душистой смеси заключалась в том, что запах сливы был одним из шести основных ароматов, представляющих определенный сезон года. При этом к каждому из них могли быть подобраны десятки дополнительных ароматических оттенков.

Итак, можно говорить о том, что на протяжении эпохи Хэйан (IX–XII вв.) поэтическое восприятие сливы и ее аромата заметно изменилось. Переход от визуальной эстетики восприятия к эстетике чувственного восприятия, характерной для культуры данного периода, сказался и на образе сливы. Произошло смещение акцента с внешней красоты сливы на внутреннюю, т. е. на аромат. В свою очередь, аромат чрезвычайно расширил «поле своего воздействия». В поэзии он уже не только пропитывал рукава возлюбленных, но и проникал на другие природные явления и объекты, и даже заполнял собой все пространство. Можно сказать, что благодаря в том числе и образу аромата совершенствовался иллюзорный утонченный мир хэйанских придворных. И в этом велика заслуга антологии «Кокинсю», которая впервые столь ярко запечатлела поэтический образ аромата сливы.

Библиографический список

Источники

1. Поэтическая антология «Кокинсю» / пер. со старояп. и коммент. И.А. Бороиной. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 399 с.

Литература

2. 有岡利幸. ものと人間の文化史. 梅 I. 東京: 法政大学出版局, 1999. 357 с.
3. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари): в 4 кн. / пер. с яп. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука, 1991–1993. Кн. 1. 245 с. Кн. 2. 272 с. Кн. 3. 304 с. Кн. 4. 256 с.

4. Хань Вэнь. Ниттю котен сика ниокэру умэ-но имэдзи хикаку. (Сравнительный анализ образа сливы в древней китайской и японской классической поэзии): дис. исл. Токио, 2011. 405 с.

References

Istochniki

1. Poe'ticheskaya antologiya «Kokinsyu» / per. so staroyap. i komment. I.A. Boronin. M.: IMLI RAN, 2005. 399 s.

Literatura

2. *Arioka Toshiyuki*. Mono to ningen-no bunka shi. Ume I. Tokio: Seixo daigaku, 1999. 357 s.

3. *Murasaki Sikibu*. Povest' o Ge'ndzi (Ge'ndzi-monogatari): v 4 kn. / per. s yap. T.L. Sokolovoj-Delyusinoj M.: Nauka, 1991–1993. Kn. 1. 245 s. Kn. 2. 272 s. Kn. 3. 304 s. Kn. 4. 256 s.

4. *Xan' Ve'n'*. Nittyu koten sika nioke'ru ume'-no ime'dzi xikaku. (Sravnitel'ny'j analiz obraza slivy' v drevnej kitajskoj i yaponskoj klassicheskoj poe'zii): dis. isl. Tokio, 2011. 405 s.

E.O. Astapova

The Poetic Image of the Plum Fragrance in Japanese Anthology «Kokinwakashyu»

The paper deals with the theme of the fragrance of plum in Japanese poetic monument of Xth century «Kokinwakashyu». On the example of the poetic anthology, the artistic function of plum flavor in medieval Japanese poetry is analyzed.

Keywords: «Kokinwakashyu»; *waka* poetry; artistic function; plum flavor.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Рецензия на учебное пособие Т.Г. Чесноковой
«История мировой литературы
(Зарубежная литература
Средних веков и Возрождения).
Введение. Переход от Античности
к Средневековью. Латинская литература
раннего Средневековья» (МГПУ,
16–18 сентября 2015 г.)**

Вопрос, заданный в первой же фразе учебного пособия Т.Г. Чесноковой, — зачем нужна история литературы? — хотя и риторический в масштабах человеческой культуры, но печальным образом актуализировавшийся в последнее время. Поэтому неудивительно, что книгу предваряет своего рода апология истории культуры в условиях отчуждения человека от культуры (и *vice versa*), приоритета практических выгод и социального престижа, навязываемых обществу не только средствами массовой информации, но и институтами, казалось бы, призванными культуру и образование поддерживать и защищать. В силу данных обстоятельств вполне понятен и оправдан пафос автора пособия, направленный на восстановление представления о человеке как о «творце культуры, а не... носителе неких абстрактных культурных механизмов (“навыков”, “компетенций”), формируемых по мере возникновения формальной: потребительской или бюрократической, а не духовно-практической потребности в них» (Чеснокова Т.Г. С. 7). Несомненное достоинство труда заключается в том, что акцент при подаче материала ставится именно на «культурно и нравственно ценной — истинно человеческой потребности в единстве со всем богатством культуры, созданной <...> человечеством» (Там же). Такой подход к задачам преподавания дает верные нравственные и профессиональные ориентиры, а также помогает студентам воспринять материал «давно минувших дней» не как что-то ненужное и неизвестно зачем включенное в программу обучения, а как органическую часть нынешней культуры, нашего взгляда на мир.

Особого внимания в пособии заслуживает теоретическая постановка и практическая реализация по крайней мере двух важнейших проблем. Первая из них связана с вопросом, возможно ли (и если да, то каким образом) соблюсти баланс между прошлым и настоящим, не модернизируя литературу прежних эпох и не архаизируя современную. Предлагаемый вариант ответа опирается на представление Т.Г. Чесноковой о культуре как о живом процессе, вырабатывающем и воспроизводящем ее универсальные формы, служащие ей своего рода каркасом. Именно такой ракурс позволяет автору пособия представить раннюю латинскую словесность Средневековья тесно связанной как с предшествующей античной традицией, так и с последующими, начиная с Ренессанса. Вторая проблема — специфика перехода от Античности к Средневековью — напротив, подчеркивает разнообразие культурных эпох и определяется необходимостью выявить процессы, протекающие при их кардинальной смене. Задача усложняется тем, что отношение новой традиции к предшествующему накопленному культурному потенциалу двойственно: «его игнорируют и в то же время используют, отталкивают и привлекают» (Там же. С. 8). Учитывая это, Т.Г. Чеснокова, с одной стороны, именно с данной точки зрения рассматривает сложнейшее творчество авторов переходного периода от Античности к Средневековью, а с другой — учит студентов выявлять общие закономерности при исследовании переходных эпох как таковых, что, безусловно, является важнейшей целью при изучении общего курса истории литературы, искусства и культуры в целом.

Материал, включенный в пособие, охватывает период с конца I в. (когда сложился в письменной форме «Новый Завет») по X в. (когда развивалось творчество представителей Оттоновского возрождения). Уместной представляется первая глава, где, помимо характеристики четырех Евангелий, даются необходимые сведения о средневековой западноевропейской культуре, словесности, периодах и принципах ее изучения. Особо следует отметить подробные пояснительные примечания, которые сопровождают главы пособия и касаются не только отдельных реалий, но и основополагающих понятий в средневековой культуре, религии и мировоззрении в целом. Очень удачны также многочисленные контрольные вопросы, помещенные в конце каждой главы: они не только позволяют студенту проверить себя, но и обращают его внимание на ключевые проблемы и сведения, содержащиеся в ней.

Последующие три главы посвящены творчеству тех, кто заложил основы средневековой письменной литературной традиции. К ним относятся титаны святоотеческой литературы — Иероним, Августин и Григорий Великий, а также так называемые «последние римляне» — Бозций и Кассиодор. Выбор более чем оправданный, хотя к последним можно было бы добавить и Исидора Севильского, создателя нового, собственно средневекового жанра, который не просто дожил до наших дней, а становится все более и более популярным, в том числе и в интернет-пространстве, а именно — энциклопедии. Подобный отбор средневековых авторов позволяет представить патристическую

словесность как в ее развитии, так и в единстве. В изложении Т.Г. Чесноковой мы видим не застывшие портреты классиков в позолоченных рамках, а живых людей, наших собеседников, которых волнуют извечные проблемы жизни, смерти, нравственности, познания, гордыни и смирения. Однако «оболочка» у этих проблем иная, и пособие учит как раз ее распознавать, опираясь на опыт и современной литературы, и античной, каковую студент уже должен был в той или иной степени освоить. Удачно показано в пособии, насколько индивидуальными были восприятие и переработка античной культуры раннесредневековыми авторами (от сложного прихода к полному отречению от античного слова у Иеронима и Григория Великого до тонкого синтеза античности и христианской философии у Боэция и Кассиодора). Серьезное внимание уделяется также и формированию средневековых жанровых канонов: исповеди, проповеди, утешения, видения, жития и пр., заложивших основу системы жанров Средневековья. Таким образом, начинающему филологу дается великолепный пример разнообразных аспектов анализа конкретного произведения — как с точки зрения истории литературы или исследования творчества отдельного автора, так и с точки зрения теории литературы.

Последняя, пятая глава пособия несколько отличается по жанру от предыдущих: в центре внимания уже не отдельные фигуры, а целые явления в культуре и словесности (что отражено, кстати, и в названии глав). Это оправдано самим материалом — ни Каролингское, ни Оттоновское возрождения все же не дали миру таких выдающихся писателей, как Августин или Боэций. Однако незаурядные личности присутствуют и тут — это, в первую очередь, Карл Великий, а также (в несколько меньших масштабах) Оттон I. Среди авторов есть несколько особо выделенных: Эйнхард, Алкуин, И. Скотт Эриугена и Хротсвита, — все же здесь достаточно кратко характеризуются основные жанры и отличительные черты рассматриваемых явлений. Контрольные вопросы к главе помогут студентам запомнить эту разнообразную информацию.

Нельзя не сказать несколько слов о Заключении, которое ни в коем случае не повторяет формально главы пособия, хотя и содержит вытекающие из них выводы. Оно перекликается с Введением по тону и проблематике. Но если Введение подготавливает студентов к особенностям средневековой словесности, к ее восприятию и изучению, то Заключение открывает перспективу дальнейших курсов, читаемых в рамках истории мировой литературы. В сложных попытках синтеза античной и христианской культуры начала I тысячелетия, о которых постоянно идет речь в пособии, как бы предвосхищается главнейшая составляющая культуры и литературы Ренессанса — этапа переходного к культуре и сознанию Нового времени. Можно сказать, что развитие европейской культуры и науки вплоть до конца XX в. происходит благодаря повторяющейся «реантиклизации». В этом смысле раннее Средневековье задает культурную парадигму европейской культуры в целом, при всем различии предлагаемых решений проблемы синтеза античной и последующих традиций.

Отдельного внимания заслуживает, безусловно, и библиографический аппарат, сопровождающий учебное пособие. Насчитывающий более ста наименований, он позволяет учащимся составить весьма полное представление об изучаемой эпохе и ее памятниках, знакомит с ключевыми научными работами, посвященными памятникам раннего Средневековья. Однако в лучших университетских традициях в списке предлагаемой литературы представлены работы общего характера — по исторической поэтике, культурологии и др., а также исследования, помогающие провести параллель между раннесредневековой латинской словесностью и произведениями других эпох.

О латинской литературе раннего Средневековья написано достаточно много глубоких и интересных работ, которые стали большим подспорьем для данного пособия. Однако его создателю удалось в полной мере представить авторский курс. Предлагая оригинальное построение и интерпретацию материала, Т.Г. Чеснокова находит ту необходимую грань, где гармонично сочетаются научные открытия предшествующего филологического сообщества и ее собственное проникновение в великие памятники прошлого. Ее труд безусловно подтверждает «правоту... “мифа” о существовании объективных критериев художественно ценного и культурно значимого в истории литературы и искусства» (Там же. С. 10). Это не значит, что читатель не сможет и не захочет вступить с автором в полемику по отдельным вопросам, но та высокая планка, которая задана академическим уровнем пособия, обязывает его оппонента и приглашает к серьезной научной дискуссии. Будем надеяться, что в нынешнем поколении студентов найдутся достойные преемники своего учителя.

М.А. Абрамова

ЮБИЛЕЙ

Поздравляем с юбилеем Ольгу Аркадьевну Сулейманову

Коллектив Института иностранных языков и редколлегия журнала «Вестник МГПУ» поздравляют с юбилеем ученого, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой языкознания и переводоведения Ольгу Аркадьевну Сулейманову!

Ольга Аркадьевна является одним из ведущих специалистов в области отечественной лингвистической семантики и методологии семантических исследований, продолжая разработку широкого круга проблем, составляющих сферу научных интересов учеников известного русского лингвиста Ольги Николаевны Селиверстовой. Последовательно развивая идеи данной школы, она внесла значительный вклад в становление лингвистики как экспериментальной науки, решая в своих работах такие проблемы, как верификация семантических гипотез, разработка детального математического аппарата для поддержки экспериментальных процедур, что приближает лингвистику к точным наукам, а исследования, проведенные с использованием данных экспериментальных методик, делает фундаментальными. Продолжая развивать научные постулаты школы, Ольга Аркадьевна выступила организатором Первых, Вторых и Третьих чтений памяти О.Н. Селиверстовой и редактором сборников научных трудов по результатам чтений. Вопросы метода в лингвистике, проблемы семантики различных микросистем языковых единиц и характера концептуализации внеязыковой действительности в естественном языке получают детальную и тщательную разработку и в исследованиях ее учеников. Под ее научным руководством были подготовлены и успешно защищены 16 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Круг научных интересов О.А. Сулеймановой разнообразен и не ограничивается вопросами, связанными с проблемой понимания значения языкового знака и методологией семантических исследований. В число научных и учебно-методических работ, составляющих свыше 140 наименований, также входят

ее труды, посвященные изучению теоретических и практических основ перевода. Разработка переводческой проблематики стала одним из основных направлений работы коллектива, которым руководит Ольга Аркадьевна. Преподавателями и сотрудниками кафедры подготавливаются к публикации многочисленные научные и учебно-методические статьи по переводоведению и смежным проблемам. Авторским коллективом из числа сотрудников кафедры, идейным и концептуальным вдохновителем которого является О.А. Сулейманова, были написаны два учебных пособия по переводу («Грамматические аспекты перевода» и «Стилистические аспекты перевода», вышедшие в свет в издательстве «Академия», г. Москва) и коллективная монография «Лингвистические теории и интерпретации переводческих стратегий».

С 2000 г. Ольга Аркадьевна руководит кафедрой языкознания и переводоведения (до 1 сентября 2015 г. — западноевропейских языков и переводоведения) Московского городского педагогического университета. Это опытный высокопрофессиональный руководитель, обеспечивающий подготовку студентов на самом высоком уровне и координацию всего учебного процесса. Все эти годы Ольга Аркадьевна способствовала становлению кафедры, ее научно-методическому росту.

Под руководством Ольги Аркадьевны кафедра проводит большую научную работу и на международном уровне. Ольга Аркадьевна выступила организатором 40-го Международного лингвистического коллоквиума, а также редактором сборника материалов коллоквиума, опубликованного в 2010 г. крупным международным издательством «Петер Ланг» (Германия, г. Франкфурт). Она имеет многочисленные научные публикации в зарубежных изданиях, в том числе является редактором и соавтором коллективной монографии «Understanding by Communication» (г. Кембридж, 2014 г.). Под руководством О.А. Сулеймановой в 2014/15 уч. г. преподавателями кафедры успешно выполнены два государственных задания, имеющих практическое значение в контексте разработки концепции лингвистического сопровождения городской навигации и внедрения в практику преподавания инновационных методов подготовки студентов к лингвогеографическому моделированию современного образа города Москвы.

Ольга Аркадьевна является признанным авторитетом в сфере высшего профессионального образования, имеет удостоверение эксперта в области общественно-профессиональной аккредитации, принимала участие в международной профессионально-общественной аккредитации ряда вузов России.

В 2002 г. О.А. Сулейманова стала лауреатом конкурса «Грант Москвы» в области наук и технологий в сфере образования; лауреатом конкурса «Грант Москвы 2006» в области науки и технологий в сфере образования; награждена грамотой Правительства Москвы, Департамента образования города Москвы в 2011 г. за многолетнюю плодотворную работу в системе столичного образования, значительный вклад в подготовку квалифицированных педагогических кадров для г. Москвы; грамотой Министерства образования и науки

Российской Федерации в 2012 г. за заслуги в научно-педагогической деятельности, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов. В 2015 г. ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Она является председателем диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в Институте иностранных языков Д 850.007.08 по специальностям 10.02.19 — «теория языка» и 10.02.04 — «германские языки».

Поздравляем уважаемую Ольгу Аркадьевну с юбилеем, желаем ей крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

*Коллеги и коллектив кафедры языкознания и переводоведения
Института иностранных языков*

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2016, № 2 (22)

Абрамова Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежной литературы МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: m.a.abramova@gmail.com

Астапова Елизавета Олеговна — старший преподаватель кафедры японского языка ИИЯ МГПУ, соискатель кафедры японской филологии ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: avdeeva_07@inbox.ru

Быстрова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: tassina@yandex.ru

Васильев Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Горелкина Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИГН МГПУ.

E-mail: kafrus@bk.ru

Дроздова Мария Сергеевна — ассистент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: drozdovams@list.ru

Зоц Иван Владимирович — аспирант кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: ivanzots@mail.ru

Климович Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Сибирского федерального университета.

E-mail: klimovich7979@mail.ru

Коцик Кристина Эдуардовна — аспирант, ассистент кафедры китайского языка ИИЯ МГПУ.

E-mail: Kristina.kotsik@yandex.ru

Лу Вэнья — аспирант Института русского языка Пекинского университета иностранных языков.

E-mail: uwenya88@gmail.com

Нечаева Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Дипломатической академии МИД Российской Федерации.

E-mail: dip-inyaz@yandex.ru

Новиков Николай Валерьевич — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: niko1933@yandex.ru

Полтавец Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: nedzvetsky@bk.ru

Прокопенкова Валерия Владимировна — аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: lera_prokor@mail.ru

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры делового иностранного языка Сибирского федерального университета.

E-mail: veronica_raz@hotmail.com

Романова Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ИГН МГПУ.

E-mail: galinroma@mail.ru

Романичева Елена Станиславовна — кандидат педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик ИСП МГПУ, заслуженный учитель РФ.

E-mail: els-62@mail.ru

Соколов Александр Иванович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков (секция русского языка) Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

E-mail: albanev@ya.ru

Титова Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения иностранному языку ИИЯ МГПУ.

E-mail: titov-pv@yandex.ru

Чалей Ольга Валерьевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3 Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова.

E-mail: ochaley@yandex.ru

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.

E-mail: tchesno@bk.ru

AUTHORS

of «MCU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2016, № 2 (22)

Abramova Marina Anatolyevna — PhD (Philology), docent, associate professor of History of Foreign Literature department, Moscow State University.

E-mail: m.a.abramova@gmail.com

Astapova Elizaveta Olegovna — senior assistant professor of Japanese language department, Institute of Foreign Languages, MCU; postgraduate of Japanese Philology department, IAAS, Lomonosov MSU.

E-mail: avdeeva_07@inbox.ru

Bystrova Tatiana Alexandrovna — PhD (Philology), associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: tassina@yandex.ru

Vasilyev Sergey Anatolyevich — Doctor of Philology, full professor, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: okdomovenok@yandex.ru

Gorelkina Anastasiya Viktorovna — PhD (Philology), associate professor of Russian Language department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: kafrus@bk.ru

Drozdova Maria Sergeevna — assistant professor of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages department, Institute of Foreign Languages, MCU; postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: drozdovams@list.ru

Zots Ivan Vladimirovich — postgraduate of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: ivanzots@mail.ru

Klimovich Natalya Viktorovna — PhD (Philology), associate professor of Department of Business Languages, Siberian Federal University.

E-mail: klimovich7979@mail.ru

Kotsik Kristina Eduardovna — postgraduate, assistant lecturer of Chinese language department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: Kristina.kotsik@yandex.ru

Lu Wenya — postgraduate of Institute of Russian Language, Beijing Foreign Studies University.

E-mail: luwenya88@gmail.com

Nechaeva Natalya Alexeevna — PhD (Philology), associate professor of German and French department, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: dip-inyaz@yandex.ru

Novikov Nikolai Valeryevich — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: niko1933@yandex.ru

Poltavets Elena Yuryevna — PhD (Philology), associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: nedzvetsky@bk.ru

Prokopenkova Valeria Vladimirovna — postgraduate of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: lera_prokop@mail.ru

Razumovskaya Veronica Adolfovna — PhD (Philology), docent, professor of Department of Business Languages, Siberian Federal University.

E-mail: veronica_raz@hotmail.com

Romanova Galina Ivanovna — Doctor of Philology, docent, professor of Russian Literature department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: galinroma@mail.ru

Romanicheva Elena Stanislavovna — PhD (Pedagogy), docent, senior researcher of Laboratory for socio-cultural educational practices, Institute of System Projects, MCU, Honored teacher of the Russian Federation.

E-mail: els-62@mail.ru

Sokolov Aleksander Ivanovich — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Languages department (Russian subdivision), St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University); senior researcher of the Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences).

E-mail: albanev@ya.ru

Titova Olga Anatolyevna — PhD (Philology), associate professor of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: titov-pv@yandex.ru

Chaley Olga Valeryevna — senior assistant professor of Foreign Languages department № 3, Plekhanov Russian Economic University.

E-mail: ochaley@yandex.ru

Chesnokova Tatiana Grigoryevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Philology department, Institute of Humanities, MCU.

E-mail: tchesno@bk.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещаются аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точка с запятой. Также указываются автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках, внешняя и внутренняя рецензии с заверенными печатью подписями рецензентов.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казенный пер., 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 2 (22), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновскова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 15.06.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Объем: 9,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.